

ФИЛОСОФСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ
МГУ ИМЕНИ
М.В. ЛОМОНОСОВА

teach-in
ЛЕКЦИИ УЧЕНЫХ МГУ

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ЧАСТЬ 2

ГИРЕНОК
ФЕДОР ИВАНОВИЧ

ФИЛСФАК МГУ

КОНСПЕКТ ПОДГОТОВЛЕН
СТУДЕНТАМИ, НЕ ПРОХОДИЛ
ПРОФ. РЕДАКТУРУ И МОЖЕТ
СОДЕРЖАТЬ ОШИБКИ.
СЛЕДИТЕ ЗА ОБНОВЛЕНИЯМИ
НА [VK.COM/TEACHINMSU](https://vk.com/teachinmsu).

ЕСЛИ ВЫ ОБНАРУЖИЛИ
ОШИБКИ ИЛИ ОПЕЧАТКИ,
ТО СООБЩИТЕ ОБ ЭТОМ,
НАПИСАВ СООБЩЕСТВУ
[VK.COM/TEACHINMSU](https://vk.com/teachinmsu).

БЛАГОДАРИМ ЗА ПОДГОТОВКУ КОНСПЕКТА
СТУДЕНТКУ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ
МЕДНИКОВУ АННУ АЛЕКСАНДРОВНУ

Содержание

Л е к ц и я № 1.....	7
Принцип двойственности в философии: Бодрийяр, Достоевский, Кант.	7
Бодрийяр «Почему всё ещё не исчезло».....	8
Достоевский.....	12
Л е к ц и я № 2.....	15
Хайдеггер «О существе человеческой свободы», § 14	15
Принцип двойственности в философии: Бодрийяр, Достоевский, Кант (продолж.)...	17
Кант о раздвоенности. «Критика чистого разума»	17
Искоренение двойственности спекулятивным материализмом.....	20
Вопрос о корреляции.....	23
Л е к ц и я № 3.....	24
Критика «О существе человеческой свободы» Хайдеггера	25
Л е к ц и я № 4.....	32
Материализм	34
Чем Кант отличается от Мейясу?	34
Формы действенной скорби.....	37
Л е к ц и я № 5.....	40
Время у Хайдеггера и Канта.....	40
Мейясу о призраках.....	41
Возвращение Великого Внешнего.	45
Трансцендентальная дедукция	45
Л е к ц и я № 6.....	48

Трансцендентальная дедукция Канта	49
Об опыте сознания.....	54
Хайдеггер. Басня о человеке.....	56
Тезисы о трех онтологиях.....	57
Л е к ц и я № 7.....	59
Призраки Деррида	60
Конец истории.....	62
Сфера жизни Деррида	68
Тезисы о трех онтологиях (продолжение)	68
Л е к ц и я № 8.....	70
Спор о Софии.....	71
Третий род бытия	75
Критика идеи всеединства	78
Флоренский «Столп и утверждение истины».....	80
Предсуществование.....	82
Булгаков «Свет Невечерний»	84
О софийности смерти.....	88
Нужна ли София русскому сознанию?.....	89
Л е к ц и я № 9.....	90
«Курочка Ряба»	93
Яйцо	97
О мышке с хвостиком	98
Дед и баба.....	99

Резюме	99
Курица	99
Л е к ц и я № 10.....	103
Сказка «Снегурочка».....	104
Сказка «Золотой петушок»	104
Иванушка-дурачок.....	107
Сказка «Как Иван-дурак дверь стерег»	110
Сказка «Морозко»	111
Мужик.....	116
Мачеха	116
Отцова дочь	118
Собачка	119
Л е к ц и я № 11.....	120
Морозко (продолжение).....	120
Коронавирус: свобода или судьба	122
Капитал.....	123
Число или спекуляция.....	124
Социалистическая переделка человека	125
Что такое система социального доверия?	126
Что такое общество?.....	127
Жунчэн.....	128
Л е к ц и я № 12.....	129
Китайская стратегия перехода к числовому миру	132

Западная стратегия	133
Л е к ц и я № 13.....	138
Люди – не термиты.....	139
Странные объекты.....	139
Смена лидера.....	140
Что мешает переделке?	141
О неравенстве.....	142
Панголины.....	142
Паноптикум Бентама.....	143
Око власти	143
Поручение	144
Торжество.....	144
Новый числовой порядок.....	145
Письмо экономистов	145
Сколько стоит человек.....	147
Резюме	147

Лекция № 1

Материал в этом семестре будет другой: русская культура, поэзия, литература, неизвестный вам Соловёв.

Принцип двойственности в философии: Бодрийяр, Достоевский, Кант.

Необходимо знать:

1. *Что такое человек?* Человек - существо грезящее или галлюцинирующее. Не социальное, для меня это ругательное слово. Общество - это не то, за что его вам выдают.
2. *Какое главное событие в жизни человека?* Взрыв галлюцинаций. Что происходит в результате этого взрыва? Раздвоение. Человек начинает существовать по двойной логике: по логике внутренней жизни и внешней. Что лежит в основании внутренней жизни? Наскальная живопись. Это означает жизнь с сознанием. Что лежит в основании внешней жизни? Дар, дарение.
В этих лекциях о даре будет говориться иначе, нежели у Деррида и Мариона. Что это за странный, бескорыстный жест, который позволил потом Бодрийяру говорить о символическом обмене?
У марксистов есть такие простые слова: базис, надстройка, материальное производство, духовное производство, производственные отношения. Марксисты славны тем, что они очень сильно упрощают мир, чтобы вложить в маленькие головки. Есть левое и правое, если духовное, то нематериальное, если материальное - значит недуховное.
Итак, в основе внешней жизни лежит не материальное производство, а дар. Внешняя жизнь вообще будет начинать с нуля. Наше современное общество живёт внешней жизнью. Мы понятия не имеем, что такое внутренняя жизнь. Это не поощряется. Всякий, кто живёт внутренним, подозрителен, опасен, хуже шизофреника. Слово «шизофрения» открыли в европейской философии в 20 веке. Блейлер придумал слова «шизофреник» и «аутист». 40.000 лет жили и абсолютно не понимали, кто мы. Итак, внешнее и внутреннее, наскальная живопись и дар.
3. Не бойтесь слова «галлюцинация». Это бытие, тождественное мысли о бытии. Ни у Мариона, ни у Деррида не будет таких формул.
4. Возьмите работу Канта 1791 года об ответе на вопрос, что сделала метафизика нового после Лейбница и Вольфа. Это старый Кант. Он там сказал, что онтология очень ограничена природой, чувственными предметами. Весь аппарат философии и системы всяких категорий

ориентированы на природу и внешний мир, на предметы чувств. Она ограничена очень. Мы её преодолеваем. Главное в метафизике - переход от чувственных предметов к сверхчувственным. Но это так трудно сделать, потому что этот переход не контролируется опытом. А что его контролировать? Этот разбойник, кантовский разум, хулиганит. Он за пределами работает. Его никто не контролирует. Он делает, что хочет. И он же одновременно законодательный орган. То есть он воротит, что хочет, так, как будто им правит воображение. Что лежит в переходе? Это то, чем сейчас занимается современная философия. Она занимается чувственно-сверхчувственными вещами, даже не символами, а мнимостями, призраками. Там такой промежуток, и это занятие требует полностью отказа от прежней философии.

В 1964 году Хайдеггер пишет работу «Конец философии и задача мышления». Он пишет, что философия закончилась в том же смысле, что и Кант говорит. Что теперь? «Не знаю», - говорит Хайдеггер. Единственное, что он знает, что появилось чудовище под названием «техника». Кибернетика – новая царица. Это ужасно. Фактически сейчас время новой философии. Кант говорил о повороте, переходе к познанию мира чувственно-сверхчувственных вещей или, как будет говорить Деррида, призракологии. Удивительная вещь. От онтологии к призракологии. Что будет говорить Хайдеггер? Примерно то же самое, но за 200 лет поменяется язык.

5. *Что такое конец философии?* Что завершается? Если начало – это раздвоение, то завершение – это сборка, схлопывается внешнее и внутреннее. Мы сидим без внешнего и без внутреннего. У всех есть номера. Мы с вами - Кант этого не знал – переваливаем из мира, в котором доминировало бытие, в мир, в котором доминирует число. Этот мир, в котором доминировало бытие, подготовил этот переход. Мир, в котором доминировал бы человек, мир Протагора, был рассеян, подвергнут остракизму, осмеян. Следовательно, мы вступаем в мир, в котором доминирует число, совершается цифровая революция.

У каждого начала есть конец. Это конец.

Бодрийяр «Почему всё ещё не исчезло»

Бодрийяр умер в марте, а в январе написал странный текст. Бодрийяр, как все французы, марксист. Вдруг этот марксист заявляет следующее: в обществе главную роль играет не материальное производство, а символический обмен. То есть духовное

производство в терминах марксистских. Это что за марксизм такой перевернутый? Что такое символический обмен? Дар.

Есть то, что существует; нам это неинтересно. Есть то, что возможно; нам это неинтересно. Есть то, что становится; нам это неинтересно, это философии вообще не интересно. А что нам интересно? Нам интересно невообразимое, невозможное. Что это такое? Это то, что не существует, но что дано. Запомните эту формулу. Здесь проблема. Это неожиданно. Здесь какой-то импульс идёт, точка интенсивности.

Итак, дар – это первое, с чего начинается человек. Что лежит в основе дара? В основе дара лежит тёмное сознание. А что такое тёмное сознание? Тёмное сознание – это сознание, которое не знает, что оно сознание, но оно сознание. Пример: есть люди добрые натурально, но добрый не знает, что он добрый. Она красавица и не знает об этом. Красавица, которая знает, что она красавица, уже не красавица, а опасный человек, паук.

Что такое дар? Дар - это делаемое в неведении, незнании. Деррида это себе поместил. Что мы делаем? Мы делаем в ведении. Мы ждём, что нас отблагодарят. Если я тебе, то ты будь любезен мне. Когда говорится о даре, и в основании его тёмное сознание, это не то, что делается в неведении, это делается с расчётом. Даже если вы не рассчитывали специально, всё равно это в горизонте расчёта, вычисления. Надо подарить.

Чем созерцание отличается от восприятия? В восприятии доминирует объект, всё зависит от объекта, а в созерцании – субъект. Животные не созерцают, не умеют это делать. Человек отличается созерцанием. Созерцать можно без восприятия. Это всё дело человеческое.

А что такое феномен? То, что не существует, но дано. Что такое призрак? То же самое. Что такое символ? То же самое. Это мир странных вещей, в который мы влезли уже. Вот, где наш интерес. Задача феномена – быть данным. Проблема спора в том, что Деррида не понимает, как от дара можно перейти к данности, а Марион понимает. В конце концов, оказалось, что и Деррида понимает, но только у него другой путь к этому пониманию феномена.

Деррида обвиняли в том, что он экономист, что он перепутал дар с товаром. Что такое товар? Есть производитель, товар и потребитель. Это марксистская схема движения товара, и все думали, что Деррида экономизмом занимается. Его задачей было выскочить из этого. Дар делается в неведении того, кто дарит, и в неведении того, кто получает дар, и в неведении того, что дарят. Тогда Марион говорит: это делает Бог.

Обратите внимание вот на какие вещи: даже отсутствующее не может существовать как отсутствующее, если оно не существует как присутствующее. Это позволяет разрушить хайдеггеровское присутствие. Бытие - это присутствие, а мы хитрым способом дезавуировали бытие. Что такое данность? Это присутствие существующего отсутствия.

Что говорит Бодрийяр? Ему осталось 2 месяца жить. *«Поговорим о мире, из которого исчез человек»*. Если он исчезает, то что появляется? Чем больше исчезает, тем больше появляется призрачного бытия. Призрачного во всё. Даже в прочности чего вы не сомневались.

«Человек - единственный вид, который изобрел особый способ исчезновения». Люди исчезают каким-то странным образом. Каким? *«Не имеющим ничего общего - говорит Бодрийяр - с законами природы»*. Что это такое? Ключ к ответу в двойственности человека. Что делает социум? Для чего он создан? Для чего бесконечное множество индивидов сцепились в этот социум? Для того чтобы испепелить эту двойственность, уничтожить её.

Во Франции вообще никто не говорит об антропологии. Говорят о той, которая совершенно смешна, совершенно невыносима. Например, Леви-Стросс. Это отрыжка колонизатора: не проглотили Африку. Время Европы давно прошло.

Сейчас все говорят о цифровой революции. А Бодрийяр говорит: следует обратить внимание на другую, на антропологическую революцию, прямо противоположную нашей современной цифровой революции. Что происходит? Мы только-только продвинулись, мы только хотим перевалиться в этот мир, который задается числом, а нам говорят: что вы делаете, куда вы переваливаетесь? Почему вы не совершили другую революцию? Антропологическую. Почему бы вам не вернуться к себе? Как мы к себе можем вернуться?

Далее Бодрийяр говорит так: антропологическую революцию никогда в Европе не брали в расчёт. Можно даже сказать, что этот вопрос никогда не ставился. Кант, правда, единственный поставил вопрос о человеке. Разве что, Бодрийяр пишет, в ересь, моментально исчезнувших, прикасались к этому вопросу. И что же это такое, эта антропология? *«Неприкосновенное, золотое правило двойственности»*. Посмотрите, как он называет это правило: золотое, неприкосновенное.

Какая следующая формула? *«Не нужно углубляться в антропологию, чтобы найти этот корень человеческого бытия»*. В чём он? Чтобы мы не делали, мы с вами учреждаем и одновременно подвергаем отрицанию, уничтожению, разрушению

сделанное. Например: *«человек всегда делает одновременно всё, чтобы его проект преуспел и чтобы он потерпел неудачу».*

И последняя тема: *«всё это заложено в первичной двойственности человека».* Обратите внимание на два слова: нормальный и ненормальный. Мы с вами нормальные? *«Ненормален сегодня тот, кто живет не иначе, как в одностороннем и позитивном согласии с тем, что он делает и кем он является».* Ненормален тот, кто находится с собой в позитивном согласии. Вот где подстроил революцию мышления. А как же жить с собою в несогласии? В распри? Мы всегда жили в распри, только в 20в. осознали, что шизофреники, но придали этому дурацкий смысл: медицинский, психиатрический, психологический. Но мы всегда такие. Где никогда не было людей? В социуме. Он не для этого. Он для того чтобы были в одностороннем согласии с собой. Извести двойственность. Вот зачем это сцепление бесконечных множеств индивидов, этот социум.

«Подчинение, полный досмотр, совершенно нормализованное бытие». Это революция цифровая. *«Бесчисленные индивиды, сплотившиеся в реальности, в их собственной реальности для постепенного изживания всех двойственных и неразрешимых качеств».* Вот, что называется исчезновением. Когда мы исчезнем? Мы ещё не исчезли, ещё не изжили, ещё есть сумасшедшие, ещё есть поступающие на философский факультет, ещё есть заканчивающие его. Удивительно. А мир переполнен призраками. Зачем нам понадобилась цифра? Она исключает существование призраков. Или может быть и есть самый настоящий призрак.

«И тайна этой положительной кристаллизации - снятие сомнений о реальности». Здесь возникает вопрос о разуме зла. Бодрийяр говорит, что зло рождает разум. Какая проблема у человека в связи с цифровой культурой? Мы упрощаем самих себя посредством технической манипуляции. У всех гаджеты есть? Упростились. Это упрощение доходит до безумия тогда, когда появляется цифровая манипуляция. И так, когда мы нормальные? Когда мы раздвоены.

Что значит фраза «человек всё-таки животное». Человек просто свинья, животное, хрюкать только должен? Нет. Хитрость здесь. Шеллинга пояснял: когда говорят, что человек - это животное, то имеется в виду, что животное - это то, чем он существует, а человеческое – это иное, благодаря животному существует, но не является животным. Это человеческий паразит, который существует на теле животного. Человеческое существует посредством. Где вы видели человеческое? Нет его. В чём тонкость? В этом странном разграничении. Мы принуждены нести эту животность, потому что посредством неё только так и никак иначе существует человеческое, но мы

срезаем это человеческое, когда боремся с двойственностью, счищаем. Хотим быть просто животными. Современная философия живёт идей, что быть животным - это прекрасно.

Итак, *«двойственность, - говорит Бодрийяр, - не может быть не исключена, не ликвидирована, но если она всё-таки покинет человека, тогда всё поменяется»*. *«Эта машина, которая барахлит, которая становится извращенной, дьявольской, чревоуещает»*. В мире появился алгоритм. С этим надо считаться. Теперь исчезновение ускоряется. Теперь двойственность передаётся машине. Мы начинаем рассуждать, обсуждать правовые аспекты существования гибридов. Что мне делать с куклами? С мозгами электронными? *«Двойственность всецело переходит на другую сторону»*.

Достоевский

Россия, 19 век. О Достоевском, конечно, писали многие философы. Особенно «Легенда о великом инквизиторе» Розанова. Только Лосский обратил внимание на сочинение Достоевского под названием «Двойник». Первая повесть Достоевского «Бедные люди» имела ошеломительный успех. Белинский неистовствовал. Публика восторгалась. Все ждали, что напишет Достоевский после этой повести. Написал. «Двойника». Достоевский не стал сочинять то, что от него ждали. Страшнее нет ничего, как быть загнанным в свой образ. Он рядом с тобой, образ твой идёт. Все ждали, что он напишет ещё «Бедных людей». А что делает гениальный человек? Он обманывает. Он не попадает. Он написал «Двойника» и сделал то, что хотел сделать.

Достоевский рассказал про Голядкина, про то, как он беден и как сложно устроен мир. В нём хочешь быть простым и искренним, а он заставляет тебя не уважать себя. «Двойник» о человеке, живущем внутри сцепления под названием «общество». В обществе нужно всякий раз заново решать одну и ту же проблему: поклониться или не поклониться тому, кто выше тебя в социальной иерархии. Как вести себя, если он генерал, а ты капитан? Как-то хочется же всё-таки, чтобы генерал обратил внимание на капитана и, может, сделал бы его майором. Это грубо, примитивно, ужасно, а может быть и не примитивно, а просто стандарт. Или прикинуться, что тебя нет, что ты не существуешь, что ты это не ты?

Голядкину нечего скрывать. Он действует открыто, не втихомолку. Голядкин живёт так, что он не знает, проснулся ли он, или он всё ещё спит. Наяву и в действительности всё то, что около него теперь совершается, или это продолжение его беспорядочных сонных грез?

Голядкин хочет быть в порядке перед самим собой. На это указывает даже цветковое решение его комнаты. У него комод из красного дерева, красная мебель и зеленовато-грязного цвета обои. Цвет уже сам по себе проникает в самую глубину человеческого сознания и требует от Голядкина доопределения своего места в мире. Голядкин видел себя одним, а общество, окружающие люди видели его другим. Голядкин не любил двуличности, но у него образовалось два лица. Он хотел убежать от себя, но однажды осенней ночью на Фонтанке он окончательно раздвоился. Его фантазм объективировался. Голядкин пришёл домой, а дома на его кровати уже сидит незнакомец. Незнакомцем был он сам. Голядкин пошёл на службу, а там опять сидит он другой. И вот это всё взял Белинский, который ничего не понимал в философии. Белинский прочитал двойника, и что он сделал? Сник. Он хотел одного, а ему дали другое. Все эти фантазмы, грёзы, спать, не спать, раздваиваться. Всё просто: есть бедные и богатые. Мир хочется упростить до ясности, а тут раздвоился. Что с ним делать? Одну часть оставить и всё.

Публика прочитала и ничего не поняла в этом сочинении. Вот уровень философии в России. Все отвернулись от писателя. Выступить в защиту бедных - это актуально. Рассказывать о приключениях титулярного советника, которому хотелось повышение по службе, совсем другое дело. Достоевский рассказал о своем открытии. Это открытие для мировой литературы. И что? Спущены были все собаки.

Достоевский говорил, а его не слышали. Цитата из Достоевского: *«порядочные люди не раздваиваются»*. У тебя же чёртики бегают в глазах. Укоротить тебя надо. *«Порядочных людей по двое никогда не бывает»*, - сказал слуга Петрушка и ушёл от Голядкина. Голядкин пишет письмо своему двойнику: либо вы, либо я, а вместе нам невозможно.

Позднее Достоевский напишет «Записки из подполья». То же самое. Это сочинение не понял Бахтин, а на нём лежит вся советская литература. Между тем в «Записках из подполья» развивались идеи двойника. Что это за идеи? Вот отрывок из письма Достоевского в последний год своей жизни художнице Юнге, который цитирует Лосский. Что пишет Достоевский? Была одна дама, художница. Она была нормально раздвоена. Она пишет ему письмо: что мне делать? Он отвечает ей:

«Что Вы пишете о вашей двойственности? Но это самая обыкновенная черта у людей... не совсем, впрочем, обыкновенных. Черта, свойственная человеческой природе вообще, но далеко-далеко не во всякой природе человеческой встречающаяся в такой силе, как у вас. Вот и поэтому вы мне родная, потому что это раздвоение в вас точь в точь как и во мне, и всю жизнь во мне было. Это большая мука, но в то же время и большое наслаждение. Это - сильное

сознание, потребность самоотчета и присутствия в природе вашей потребности нравственного долга к самому себе и к человечеству. Вот что значит эта двойственность. Были бы вы не столь развиты умом, были бы ограниченнее, то были бы и менее совестливы и не было бы этой двойственности».

Обращает на себя внимание то, что в письме Достоевского речь не идет о раздвоении человека на душу и тело. Что знает европейская культура? Раздвоение на душу и тело. Что называть смертью, что называть жизнью. Есть раздвоение в смысле Декарта: раздвоенным быть на душу и тело. Об этом говорит Достоевский? Нет. Это внутреннее раздвоение. Оно проходит через твоё я, через чувство самого себя.

Раздвоенность у Достоевского проходит через самость человека, через его я. Раздваиваться – значит идти к себе и одновременно убегать от себя. Это невозможно понять. Идти к себе и убегать от себя, но мы всю жизнь это делаем. Кто может сказать, что я есть сам, пребываю собой? Быть собой - и мука, и наслаждение. Встреча с собой не предзадана человеку. С собой можно и не встретиться. Встреча с собой обременяет необходимостью быть одному в двух лицах, делать и страдать от того, что делаешь, не делать и мучиться от безделья. В феномене двойника находится разгадка русского безумия, символом которого является юродивый. Быть выше себя и одновременно быть ниже себя. Потребность в самоотчёте – это не пустая рефлексия. Рефлексия – это язык. Непрерывный самоотчет указывает на присутствие сознания. Отчёт перед кем? Перед самим собой? Отчет - это что? Ответственность. В чём? В том, чтобы не упустить себя от себя далеко.

Вначале Достоевский говорит, что двойственность – это обыкновенная черта у необыкновенных людей. Затем он поправляет себя: двойственность - это свойство человеческой природы вообще, которое не у всех людей проявляется одинаково. Вот это-то свойство и надо исследовать. Разум же вторичен и не обязателен для человека. Обязательно что? Не разум, а присутствие себя по отношению к себе. Никто не имеет права говорить, что он что-то не помнит о себе. Все помнят, и все всё знают. Другое дело, что есть вещи, о которых мы ничего не хотим помнить и ничего не хотим знать.

Кто раздвоен, у того есть долг перед самим собой. Значит, есть долг и перед человечеством. Чувство принадлежности к человечеству вообще есть неоспоримый признак того, что мы прибываем в сознании, а оно пребывает в нас. Нельзя быть в сознании и одновременно быть без совести. Это невозможно. Если совести нет, то мы давно покинули сознание. Это пустой дом. Совесть - это ясно выраженный признак твоего присутствия в сознании и одновременно присутствия сознания в мире. Раздвоенность человеческого существования возводится Достоевским в ранг фундаментального антропологического признака.

Лекция № 2

Хайдеггер «О существе человеческой свободы», § 14. Принцип двойственности в философии: Бодрийяр, Достоевский, Кант (продолжение).

Хайдеггер «О существе человеческой свободы», § 14

Называется этот фрагмент так: «перестановка перспективы вопроса: ведущий вопрос метафизики коренится в вопросе о существе свободы». Хайдеггер к антропологии не имеет никакого отношения. Это человек, который по выражению одного швейцарского психиатра, развенчивал человека, развинтил. Он заменял внутреннее время Канта на изначальное с тремя модусами: то, которое было, будет и которое всё делает. У него будут проблемы, а он говорит, что проблемы у Декарта, Канта и вообще у всех проблемы, а он молодец.

Какой ведущий вопрос метафизики? Что есть сущее. Кто на него ответил помимо Хайдеггера? Ницше: суть сущего в воле. Хайдеггер говорит, что не в воле, а в свободе.

Можно двумя способами говорить о свободе. Свобода – это некоторая способность, свойство, которое можно адресовать человеку. Ни растению, ни животному, ни Богу это не принадлежит. У Канта это свойство человека. Это первый вариант. Хайдеггер будет говорить: нет, наоборот, свобода изначальнее. Это важный, универсальный процесс, в котором рождается человек стечением обстоятельств. Всё наоборот.

Теперь посмотрите название: ведущий вопрос метафизики - что есть сущее - где коренится? В вопросе о существе свободы. Ответите на вопрос «что такое свобода?» поймёте, что такое сущее. Фундаментальная вещь.

...существо свободы только тогда улавливается нашим взором, когда мы ищем его как основу возможности вот-бытия, ищем как нечто такое, что предшествует бытию и времени...

Что может предшествовать бытию? Ничто. Есть тут место для человека? Нет. Когда свобода – свойство, понятно. Там можно разбираться. Но у Хайдеггера она предшествует. Так нужно относиться к свободе и так понимать.

...мы должны полностью переставить место свободы, и в результате теперь получается вот что: проблема свободы не встроена в ведущий и основной вопросы философии, но как раз наоборот — ведущий вопрос метафизики основывается на вопросе о существовании свободы.

Какой вопрос философии основной? У Хайдеггера это вопрос «что есть сущее?». Кантианский ход: «что есть человек?». В сингулярной философии ответ на вопрос «что есть бытие» зависит от ответа на вопрос «что есть человек?». Это лёд и пламень.

Сейчас Хайдеггер будет рассуждать о свободе, а вы на место свободы поставьте что-то своё родное и близкое, что-то, заменяющее её и посмотрите на то содержание, которое он говорит. Попробуйте прилепить его. Ничего у вас не убудет, а можно что-нибудь пребудет.

Свобода совершенно не есть нечто особенное среди прочего, она не стоит в ряду с чем-то другим: свобода вне ряда и властно проникает собою целое в целом. Но если нам надо искать свободу как основу возможности вот-бытия, тогда она сама в своем существе оказывается исходнее человека. Тогда человек — лишь распорядитель свободы, лишь тот, кто свободу свободного делает свободой выпавшим ему способом (in der ihm zugefallenen Weise), так что через человека становится зримой полная случайность (die Zufälligkeit) свободы.

Хайдеггер будет говорить дальше так: перед я есть такой горизонт, который заполнен сущим как растения, животные, технические изделия, изделия искусства, Бог человек. А здесь что он сказал? Свобода не из ряда. Бог из ряда. Он среди прочего сущего: корова, таракан, дуб, Пикассо, автомобиль, Бог.

Теперь человеческая свобода — это уже не свобода как свойство человека, но наоборот: человек как возможность свободы. Человеческая свобода есть свобода постольку, поскольку она прорывается в человеке и берет его на себя, таким образом делая его возможным. Если свобода — это основание возможности вот-бытия, если она — корень бытия и времени и тем самым — основа понимания бытия во всей его широте и полноте, тогда человек, в своей экзистенции основывающийся на этой свободе и в этой свободе, есть то место и возможность, в которых и которыми раскрывается сущее в целом, и он же есть то сущее, через которое сущее в целом как таковое проговаривает себя (sich hindurchspricht) и так выговаривает (sich ausspricht).

Всё наоборот. В свободе может вылупиться человеческое. Человек как возможность свободы. Человек – это место и возможность. Человек – это сущее, которое проговаривает через человека и говорит: я есть. Бытие так же делает. Они похожим образом поступают со свободой.

Человек есть то сущее, в самом собственном бытии которого и в сущностной основе совершается понимание бытия.

Принцип двойственности в философии: Бодрийяр, Достоевский, Кант (продолж.)

Кант о раздвоенности. «Критика чистого разума»

В § 24 «Критики чистого разума» обсуждается вопрос о применении категорий к предметам чувств. Исследуя происхождение образов, неизбежно придём к выводу о том, что есть два источника образов. Первое - внешние предметы, второе - внутренние предметы. Внешние воспринимаются в пространстве, внутренние во времени. Все предметы, какие есть, существуют во времени или в пространстве? Все во времени, а лишь некоторые в пространстве. Свобода во времени или в пространстве? У Канта она относится к вещам в себе. Хайдеггера это возмущает. Он свободу втискивает во время и делает основанием времени. Итак, Кант пишет:

Чувственное созерцание есть или чистое созерцание, или эмпирическое созерцание того, что через ощущения представляется в пространстве и времени непосредственно как действительное.

Чем ограничена онтология в принципе? Чувственными предметами, природой. Наша задача покинуть сферу чувственного, преодолеть онтологию. К этому призывал Кант. Бросаем чувственные предметы, природу и совершаем переход к сверхчувственным предметам: Бог, душа, мир в целом. А что такое сверхчувственное? Это самое интимное место современной философии, самое важное, потому что там призраки. Самое важное, потому что здесь галлюцинации, всякие оборотни, Пикассо, картины. Эту вещь не удавалось уловить Хайдеггеру, и у Канта здесь проблемы, потому что только сегодня мы можем в этом немножко понимать, потому что появляется виртуальная реальность.

Что такое виртуальная реальность? Сон. А как расширяется? Призрачно. Вы открываете простор призрачному бытию посредством того, что есть такое странное образование, которое называется галлюцинацией. Человек галлюцинирующий

показывает себе картинки. Это редкая возможность органики в принципе. Тайна великая для философии 19в.- 20 в.

Что такое виртуальная реальность? Это то, чего нет, никогда не будет, но дано. Вот куда мы влезает. Тема расширения реальности. Какого расширения? Такого, что в этом расширении можно не зависеть от реальности. Когда вы наблюдаете это расширение? Когда ставите цели. Что такое цель? Закон для вас, для человека. Это галлюцинация с собой согласованная. Ты выстраиваешь порядок движения, которого нет в природе.

Что означает быть действительным во времени? Это значит не быть вещью и одновременно быть в следующий момент времени посредством надежды или веры. Предметы чувств значимы для чувств, но не для рассудка. Вообще-то рассудок не может воздействовать на чувства, не может определять его. Там требуется другое: воля. Тогда вопрос, а что чего порождает: воля свободу или свобода волю. Свобода нуждается в воле или воля в свободе. Где воля? Там, где галлюцинация. Как ты там без воли? Там нет причинного порядка. Там нет следования, независимого от тебя, чтобы можно было навести порядок. Ты живешь в этом мире, призрачном. Тут воля. У Хайдеггера будет свобода, и она потребует воли.

Рассудку невозможно воздействовать на чувства. Для этого ему нужно стать чувством. Чтобы обмануть чувства, рассудку нужно переодеться, показать себя воображением. Это имеет отношение к двойственности Канта. Начинается переодевание. Спектакль: рассудок должен переодеться в воображение, платьице одеть, чтобы оказать влияние на чувства. Он тогда должен использовать какой-то образ. В виде образа тук-тук в окошко: свиное рыло. Ты пришёл в ужас, а это ничто показалось, оно переделось.

Воздействует на нас хитрый рассудок под названием трансцендентального синтеза воображения или фигурного синтеза. Кант это переодевание называет фигурным синтезом. Хитрить тут что-то начинает. Почему воображение? Потому что воображение, по крайней мере, может представить предмет в его отсутствии, то есть воображение - это такая спонтанность, которая как чувственность даёт предметы. Например, пришло время поступать в институт, и воображение тебе говорит: на геологический – нет, командировки часто, на физфак – нет, атомный реактор, гори оно синим пламенем, стоматолог - это нормально.

То есть воображение - такая спонтанность, которая как чувственность даёт предмет и одновременно она как рассудок определяет предмет, тогда как чувство всегда пассивно. Безликий рассудок действует для нечеловеческих форм созерцания, то

есть и у животных тоже, а человеку нужен фигурный синтез. На животного можно бичом, можно подкормкой. Так можно дрессировать. А человеку только фигурный синтез, только театр, только искусство, только фигурный синтез сознания, а не вообще интеллектуальный синтез чувственности.

Здесь возникает парадокс. Не может быть так, чтобы наша душа чувствовала, а предметы чувств были не такими, как она их чувствует. Кто так сказал? Декарт. А это значит, что они не явления, а вещи в себе, которые нам даны. Но Кант уже объявил, что внутреннее чувство представляет нас самим себе только так, как мы себе являемся, а не так, как мы на самом деле существуем.

Не может быть так, чтобы наша душа чувствовала, а предметы чувств были не такими, как она их чувствует. Не может быть так, чтобы ты влюбилась, а на самом деле ты не влюбилась, потому что сосед влюбился. Нельзя себя обмануть. Нет здесь зазора, нет здесь места, куда можно поместить знак, вообще что угодно, что могло бы тебя отделить от себя.

Кант говорит: внутренние чувства представляют нас самим себе только такими, какими мы себе являемся, а не такими, какими мы существуем. Как только он разделил бытие на бытие в себе и на бытие для нас, то появляется мир явлений и вещей в себе. Итак, мы самим себе даны в качестве явления. Кто нас может отделить, что делать с вещью в себе, что делать с теми предметами, которые нам даны непосредственно, предметами внутренних чувств. Они также отделены? Тогда мы лишимся всяких вещей. Всё будет являться, и ничто не достоверно. Это будет абсолютно лживое, лицемерное, самонепонимающее существо.

Разрешить этот парадокс Кант попытался при помощи следующего утверждения: мы созерцаем себя так, «как мы внутренне подвергаемся воздействию». Это Кантовский вариант. Что же на нас воздействует, и почему мы не теряем свою активность? Ведь внутреннее чувство – это, по крайней мере, множество каких-то несвязанных образов. Однако в этом множестве нет связи между образами, потому что внутреннее чувство вне сознания. Оно не может ничего связать. Эту связь внутреннему чувству помогает создать фигурный синтез, то есть воображение. Кант приводит примеры: мыслить линию - значит провести линию. Линии не было, но она появилась. Мыслить окружность - значит описать её, сделать. Мыслить время – значит провести прямую, прибавляя к точке точку. Но Кант не ограничивается геометрией. Ему нужно было ответить на вопрос: что значит мыслить себя? Более того, что значит внутренне воздействовать на себя? Какую для этого нужно провести линию, или для этого требуется какое-то ещё неизвестное действие? Тогда как создать это действие? Ответ

Канта: «этот вопрос столь же труден, как вопрос, каким образом я вообще могу быть для самого себя объектом, а именно объектом созерцания и внутренних восприятий».

Что делать? Это последняя формула странной неразрешенности теоретической двойственности. Как совместить меня мыслящего со мной созерцающим, меня в качестве субъекта мысли и созерцания и объекта? Почему я распадаюсь? Почему так хорошо жить цельным, в таком естественном состоянии? Мяукать без раздвоенности.

Искоренение двойственности спекулятивным материализмом

Сейчас при помощи корреляции войдем в темы, связанные со спекулятивным материализмом, в которого фактически искореняется двойственность. Кто искореняет двойственность? Социум. Это враг человека. Зачем мы вцепились в социум? Чтобы сжечь эту раздвоенность, заставить человека быть позитивным по отношению к самому себе, быть односторонним. Чем тогда заполняется мир? Призраками. Чем больше устраняем двойственность, тем больше мир заполняется сверхчувственными вещами. И это предмет наших исследований, нашей озабоченности. Мы живём в этом мире, который вы называете виртуальной реальностью. В мире, которого нет, но который нам дан. Мы живём в нём. Этого не знал Хайдеггер. Он опасался кибернетики.

Под корреляцией наивные материалисты имеют в виду следующее: не существует такого объекта, который бы не был скоррелирован с точкой зрения на него. Наивные материалисты потому и наивные, что их не интересуют всякие теоретические изыски, то есть их не интересует, что такое объект. Они полагают, что все объекты натуральные.

Вы хорошо знаете Парменида, но Парменид не корреляционист. У него бытие и мысль одно и то же. Он философ тождества, в котором бытие даёт существование мысли, а мысль даёт осмысленность бытию. Корреляционизм возникает в философии там, где ставится вопрос о месте человека в тождестве бытия и мысли. Когда занятую площадку начинают расчищать для того, чтобы освободить место для его присутствия, а можно без присутствия. Это такие большие стратегии. Есть некоторые желающие найти там место.

Корреляционизм возникает в философии там, где ставится вопрос о месте человека в тождестве бытия и мысли. Человеческая мысль касается бытия, сопряженного с мыслью, но касается ли она бытия самого по себе. Сопряжение обсуждалось в философии как проблема сновидения и как проблема пребывания человека в пещере. Понятно, что человеческая мысль требует восприятия, ощущений, чувственности. Этого требовал уже Протагор. Протагор, отклонив тождество бытия и

мысли, не сказал, однако, как мысль человека может что-то знать о бытии, несвязанном с человеком.

В пещере Платона отклоняется некоррелятивное касание мысли человека и истинного бытия. Свет этой истины ставит под вопрос существование человека. Платон высказывает идею о том, что источник света не вне человека, не вне пещеры, а в самом человеке. Этим Платон закрывает проблему пещеры. Лишь только нужно создать условия для самовоспламенения этого внутреннего света. Платон отклоняет мысль о просвещении человека со стороны другого человека. Этот ход Платона поддержал Кант. Он разделил неделимое бытие на две части и этим закрывает тему тождества бытия и мышления в европейской философии. Кант лишает природу пространства и времени и передает их человеку. Тем самым он отличает человеческий разум от разума вообще, от естественного интеллекта. Чем? Фигурным синтезом, переодеванием.

Проблема корреляции бытия и мысли возникает впервые в философии Декарта. Почему она возникает? Потому что Декарт разрушил парменидовское тождество бытия и мысли, сказав, что бытие - это бытие, а мысль - это мысль. Вместе им не сойтись. Бытие протяжённо, мысль не протяжённа. Перед Декартом вновь встает проблема соотношения сна и яви, ума и безумия. Поправить Декарта хотел Спиноза, вернувший парменидовское тождество бытия и мысли. Спинозу поддержали Шеллинг и Гегель. Гегель в «Феноменологии духа» перенёс парменидовское тождество бытия и мысли из настоящего в будущее, назвав его абсолютным знанием. Любой Абсолют исключает ссылку на конечность, на человека как конечное. В свою очередь Гуссерль сделал то же самое, что и Гегель, только он перенес нечеловеческое тождество бытия и мысли в прошлое и назвал его феноменом. Трансцендентальный субъект Гуссерля также не имеет никакого отношения к человеку. Между ними застрял Хайдеггер в нерешительности: то ли бытие зависит от человека, то ли человек от бытия. Он остался в этой своей двусмысленности.

Что мы хотим получить, отказавшись от корреляций. Что делает Кант? Он разделяет вопреки заветам Парменида бытие на две части: на бытие в себе и бытие для себя. Далее он говорит: конечно, нам доступны вещи сами по себе, как они являются, но мы ничего не знаем окончательно. Всё доступно, всё дано, но абсолют невозможен. Гарантия того, что Абсолют невозможен - это вещь в себе. Есть вещь в себе, не может быть Абсолютов. И никаких спекулятивных философий.

Вдруг появилась группа студентов, которая захотела восстановить в своих правах Абсолют. Они говорят: как же так, без Абсолюта жить совершенно невозможно. Зачем нам ваша вещь в себе? Мы будем какие-то вещи знать абсолютно, вещи в себе должны исчезнуть. Что для этого нужно сделать? Устранить то, что называется словом

«человек». Эти все разделения от его присутствия. Кант пошел на поводу. Он слишком увлекся человеческим разумом. Для того чтобы дать ему место, он ввёл запрет на Абсолют. Мы должны отказаться от корреляции. Гегель говорит: конечно, даже можно пожертвовать очевидностью. Если он приносит тождество в будущее, мы жертвуем очевидностью ради знания абсолютного.

Кант говорит: абсолютное знание невозможно. Наука так устроена. Всё относительно. Всё пересматривается. Всегда никаких Абсолютов. Нам страшно без Абсолюта. Что делает Гуссерль? Нет, нельзя без самоочевидного, и этот Абсолют перенесём в прошлое. Вспомним, что мы с вами созерцаем. Самые первые наши образы. Это и есть наши вещи. Они потускнели, но это уже не человеческое дело. Это то, что мы должны удерживать постоянно. Кто нам мешает удерживать? Язык, это забвение наших вещей. Мы должны всякий раз заново возобновлять ход к этим феноменам, освещающим, показывающим в нас себя. Итак, один жертвует знанием ради очевидного, другой жертвует очевидным ради знаний. Они все избавляются от вещи в себе, то есть от залога, что нет Абсолютов.

Конечно, вещь в себе подает нам какие-то смутные сигналы. Она аффицирует нашу чувственность. Но нам трудно отличить то, что снаружи, от того, что внутри нас. Различия между первичными качествами и вторичными оказываются зыбкими и субъективными. Шеллинг ошибался, когда он говорил о том, что мышление объективно по своей природе. Как оно может быть объективно, если мы говорим, что этот термос горячий или холодный. Мы субъективируем мышление. Когда мы объективируем? Когда говорим: потратили столько-то денег, завезли столько-то тонн. Когда говоришь, что это не горячий предмет, а предмет, имеющий температуру 50 градусов - это объективирующее мышление.

Что мы получили в результате коперниканского переворота? То, что у нас появилась инстанция, от устройства которой стало зависеть познание. Мысль человека не превращает вещь в себе в вещь для нас, как об этом говорят наивные материалисты. Если бы это было так, то уже бы не осталось ни одной не превращенной вещи в себе. Что делает наша мысль? Она касается того, что она сама учреждает. То есть бытие для нас - это не бытие в себе, а это учрежденное нами бытие. Анализируя факт существования не ума вообще, а человеческого ума, Кант вводит представление о едином стволе познания, различает созерцание от восприятия. Аффицирование - это всего лишь материал, который ещё нужно как-то структурировать во времени и пространстве, чтобы получить мир явлений и действующие в этом мире законы. О существовании внешнего мира мы узнаём по внутреннему миру.

Вопрос о корреляции

Вопрос о корреляции впервые поставили не наивные материалисты, а Шеллинг в работе «О сущности человеческой свободы»:

«Всегда будет вызывать недоумение, что Кант, различавший вначале вещи сами по себе от явлений лишь отрицательно в независимости от времени, затем рассматривавший в метафизических разъяснениях «Критики практического разума» независимость от времени и свободу действительно как коррелятивные понятия, не пришел к мысли распространить это единственно возможное положительное понятие бытия самого по себе и на вещи, что позволило бы ему непосредственно возвыситься в своем исследовании до более высокой точки зрения и преодолеть отрицательность, характеризующую его теоретическую философию».

Отчего Шеллинг пришёл в недоумение? От того, что Кант в «Критике практического разума» рассматривает независимость от времени негативно. Кант говорит: ничего сказать нельзя. Это негативность. Вы можете наугад сказать: это, наверное, ручка, которой пишут студенты и преподаватели. Так построено познание, если вы ещё не поняли. Ничего нельзя сказать позитивно, ничего не знаю. Это было негативное о вещи в себе.

Вдруг Шеллинг, читая «Критику практического разума», говорит: позитивное - свобода. Шеллинг пишет работу о том, что свобода в основании всего сущего. Не только там, где вещи в себе, но и там где вещи для нас. Нет больше различия. Везде свобода. Получается, что среди вещей нас окружающих свободы же нет, а вам говорят, что вы свободны.

Свобода - это одна из тех вещей, у которых нет ни времени, ни пространства. Этот факт обеспокоил Шеллинга и обрадовал. Наконец-то среди негатива появился позитив – свобода. Свобода - вот что все ищут.

Наивные материалисты хотят найти вещь такую, которой мы не видели, где не ступала нога человека. Вещь в себе называется свободой. В конце концов, у неё нет ни времени, ни пространства. Она вне ряда, как говорил Хайдеггер. Шеллинг обрадовался положительному определению бытия в себе. Мейясу этого не понял. Он не понял, что никто у него не отбирает не великое внешнее, не доисторическое. Шеллинг обрадовался высокой точке зрения Канта и одновременно удивился чему? Он удивился, что Кант не распространил положительную характеристику на всё бытие, на все вещи, в том числе и на вещи для нас. Шеллинг ждал, что Кант объявит, что никакой вещи в

себе нет. А если он так объявит, то что тогда будет? Абсолют. Есть абсолютное знание, ничто не пересматривается. Торжество природы и свободы, или, как позднее скажет Мейясу, есть торжество природы и случая или неопределенности. То, что не сделал Кант, сделал Шеллинг. Это дает основания для того, чтобы сказать, что и Шеллинг не понял антропологического поворота Канта.

Лекция № 3

Чем славна европейская философия? Обычно в ней отмечают два направления. Говорят о континентальной философии и аналитической философии. Основание различий примерно такое: от Гуссерля одна ветвь через Фреге в аналитику, язык их интересует, тексты, вся философия - работа с текстами, языковыми формулами, философия - некие недоразумения языковые. Второе: от Гуссерля направление континентальное, рассудительное, философское, но никому не интересно, потому что тяжело.

Признак европейской философии состоит в неизбывной тоске по спекулятивному мышлению. Сегодня тем более. Страшно народ тоскует. В чём дело, почему такая любовь? И у Гегеля спекулятивное мышление, и Шеллинг, и Фихте, в некотором смысле и Фейербах, и Карл Маркс, и Гуссерль, и самое главное Хайдеггер, и Фуко, и Делёз. В чём дело? Что значит спекулятивное? Не связанное с человеком. Их интересует разум вообще. Не тот, который связан с человеком. Структура пути приводит к конечной инстанции под названием человек. Но они этим не занимаются. Для них это дофилософский взгляд на вещи, допонятийный.

Вся европейская философия имеет одно такое свойство: она ничего не понимает в мышлении. Кто больше всего книг написал? Немцы, потому что у них мышление как бы было подготовлено для появившегося алгоритма. Это программы для него, эта философия для него. Что такое Хайдеггер? Великий философ, крайне талантливый человек. Сегодня можно говорить: от Хайдеггера к постчеловеку, к машинному интеллекту. Мы сами не ведаем, что творим. И они не ведали.

Греки когда-то Протагора назвали софистом и сделали глупость, потому что тогда на этой волне Парменид стал делать то, что он сделал. Он отождествил бытие и мысль. Но в этом тождестве нет места для кого? Для человека. Парменид сделал возможным, чтобы летали самолеты, ракеты и бомбы. А Протагору говорили, что он софист, продажная тварь, деньги только интересуют, и сделали ошибку. История в сингулярной философии начинается с Гераклита: сон наяву, что кажется, то и есть. Дальше идут сновидения, субъективность.

Хайдеггер говорит так: что эта дурацкая антропология привязалась к этому человеку? Пусть философия принадлежит человеку, но она выстраивает себя вне связи с тем, что он есть. Она самостоятельна. Это какой-то детский лепет из уст величайших мыслителей.

Кант единственный человек в европейской философии, кто прямо сказал о пропасти, существующей между человеком и животным. Когда ему надо было подать работу на конкурс, объявленный Академией Наук, он писал, что сделала метафизика после Вольфа и Лейбница. Только в этой работе он говорит о чудовищной пропасти, разрыве. Все остальные говорят: никакой пропасти нет, мы материя, мы складка, мы животное. Моветон говорить, что мы не животное. Это зоофашизм, когда кто-то говорит, что человек и животное принципиально разные. Кант зоофашист.

У Хайдеггера есть одно местечко, где он говорит, что человек – это маленькая закорючка. Это действительно закорючка. Сингулярное событие означает, что это некоторое событие, которое не имеет после себя физических последствий. Люди призрачны.

Хайдеггер всё выровнял, но что сделал мощным? Бытие. Они там как-то со временем встретятся, что-то сделают. Человек действительно исчезнет, но это другая область. Это относится уже к сингулярной философии.

Кант придумал для объяснения человека эту странную вещь, которая называется продуктивное воображение априори. То есть галлюцинации. Это перестраивает всю структуру мысли. Когда говорят, что человек грезит или галлюцинирует, меняется вся картинка. Что нужно держать в голове? Возможно расширение мира телесного, мира реального. Зачем? Чтобы в этом расширении не зависеть от расширяющегося, от этой телесности. Не всё в человеке фиксируется и улавливается телом. Следовательно, приходится говорить о каком-то режиме, в котором какие-то странные существования.

Критика «О существе человеческой свободы» Хайдеггера

Сейчас будут детали, некоторая расшифровка, некоторые обороты хайдеггеровские, чтобы понимать, как он какими-то красивыми вещами делает равнину под названием сущее. Ему нужно сделать так, чтобы растение было сущим, человек, Бог, животное. Всё есть сущее. Это основная мысль. Фактически игра уже сыграна. Вам это нужно принять. Дальше уже появится весь аппарат, который зиждется на такого рода вещах.

Кант относил свободу к человеку. Хайдеггер говорит: это к человеку не имеет никакого отношения, это природа или это бытие. Связать для него – это загубить дело. В этом талант Хайдеггера. Его тезисы:

1. Все предметы существуют во времени, но не все предметы существуют в пространстве. Что из этого следует? Это фактически формула Канта. Отсюда следует, что есть предметы, которые существуют только во времени. Философия сегодня занимается только этими предметами, только тем, что существует во времени. И это будет субъективность. Ещё есть две формулы. Предметы, существующие во времени, существуют без присутствия. Существуют, присутствуя: вещи, растения.
2. Существовать без присутствия. Присутствует только то, что существует в пространстве, оно же может быть наличным. То есть вот чашка, вот ты. Это всё присутствует здесь, телесно измеримо, можно взвесить, выбросить, можно использовать объективирующее мышление.
3. Пространственное нельзя свести ко времени. Пространственное исчерпывается причинностью. Время свободой.
4. Есть два варианта решения проблемы свободы. Можно пойти по одной дороге, по пути, который ведёт к человеку. А можно пойти по пути, как сделал Спиноза, и как сделал Шеллинг, к природе. Природа как бы обременена свободой. Она беременна свободой, сейчас родит. Подождите минуту. Этот шлак заполняет в мире головы людей. Первый путь - растворить свободу в природе: Шеллинг, Спиноза, Гегель. Второй путь – человек. Есть ещё Хайдеггер. Он связал свободу не с природой, а с бытием. На это нужно обратить внимание.
5. Человек - единственное существо, которое существует во времени. Именно поэтому только у человека есть два права как того, что существует во времени, как того, что существует в мире вещей, которые нигде больше не существуют как только во времени без присутствия. Вся современная экономика призрачна.
6. Что означает быть во времени? Это значит расширять своё существование в пространстве так, что в этом расширении оно не зависит от пространства. Посредством чего происходит расширение? Если вы живете в маленькой комнатке в общежитии, вам надо её расширить, Вы будете подбирать обои, цвет, зеркала. Вы сделаете огромную площадь. И жизнь вы свою сделаете. Жизнь разная, потому что вы пользуетесь мнимостями. Появляется фигура мнимости, потому что мы живем в мире мнимостей, того, чего нет, но что нам дано. Это то, что мы используем для расширения. То, что нам дано, но не существует или существует без присутствия.

7. Существовать во времени может только человек, только тот, кто галлюцинирует. Что такое галлюцинация? Это бытие, тождественное с мыслью. Только у нас, у галлюцинирующих, работает внутренний художник, внутренний живописец. Это одна из самых гениальных идей в философии. Что такое внутренний источник света? Внутренний в нас живописец. Он живопись рисует нам, он показывает нам картинки, кино. Только органика способна на это. На что направлены усилия? Убить органику, сломать. Что делает Делёз, изобретая слова «тело без органов»? Он против органики. Вы должны быть материей.
8. Вопрос о времени - это вопрос о природе субъективности. Этот вопрос о времени коренится в человеке, а не в бытии. Хайдеггер говорит, что в бытии. Спиноза и Шеллинг – в природе. Хайдеггеру это нравится. За спиной человека лежит не бытие, не время, не природа, а взрыв галлюцинаций.
9. Хайдеггер не может ответить на вопрос «почему животное существует как сущее, не спрашивая ничего о сущем». Он объединяет много разных регионов в один регион под названием сущее. Вопрос: почему только одно сущее спрашивает, что это такое. Ответ на этот вопрос и есть ответ на вопрос, что такое человек. Нигде в томах Хайдеггера не будет ответа на этот вопрос, он там невозможен в принципе.
10. Что делает Хайдеггер? Он изобретает такие странные языковые обороты как, например, сущее как таковое. Есть сущее, а есть сущее как таковое. Зачем? Затем, чтобы скрыть фундаментальное различие между животным и человеком, пропасть, открытую Кантом. Хайдеггер вводит слова: сущее как таковое, сущее вообще, человек как таковой, окно как таковое. Вас учили на первом курсе, что философы античности потому и философы, что смотрели на дерево и говорили: в чём его древесность? У стола должна быть столтность, у окна - оконность, у человека – человеческое. То есть что-то такое, что позволяет ему быть тем, что оно есть. Хайдеггер пишет: «Спрашивать о сущем вообще – значит уходить в своем вопросе от всякого особенного сущего, а значит и от человека». Для этого вводится сущее как таковое. Человек – это не сущее как таковое. Он особенное, хлюпенькое. Не всякое сущее хлюпенькое, а он – хлюпенькое. Тот с хоботом, а человек с языком.
11. «Спекулятивное мышление – это мышление, в котором ничего не может быть, да и не должно быть от человека». Таково спекулятивное мышление. Это не какая-то особая спекуляция. А слово «трансцендентальный» что означает? Человеческий. Это Кант. Его не интересуют уже поставки алгоритму. Кант страдал этим всем. «Критика чистого разума» - это вообще очень устаревшая работа по сравнению с тем, что Кант будет делать.

12. У Хайдеггера люди, которые пытаются связать философию с человеком, имеют нефилософский взгляд на философию. Это, конечно, приятно и важно. Хайдеггер говорит так: мне не нравится ни спекулятивное, ни человеческое; мы возьмём другое – бытие. Какая разница? Путь всё равно будет вести в другую сторону, нежели к человеку.
13. «В существовании человека уже должно заключаться понимание бытия». Что он хочет сказать? Что в нашей жизни уже есть без моего на то согласия, откуда-то появилось какое-то уже понимание бытия или понимающее бытие. Против чего первый протест? Против того, чтобы в меня без моего на то согласия вообще что-нибудь влезло.
- Зачем он куда-то встроил понимание какого-то бытия? В существовании человека уже должно заключаться понимание бытия. Ты родился, и уже заключается. Ибо иначе ты вообще не смог бы иметь отношение к сущему.
- «Становится, по-видимому, ясно, мы понимаем не только сущее как таковое, но и бытие сущего». Запомнили это «как таковое»? Вас уже обдурили. Вас уже съели, и никуда вы не денетесь. Там, где есть сущее как таковое, там непременно появится бытие сущего. Это мастер. Чтобы ввести бытие сущего, мне нужно создать сущее как таковое. Потом я легко перейду к бытию сущего, и вы ничего не сделаете. Нельзя это взломать. С этим нельзя работать. Это уже машина. Тут технически ничего нельзя сделать.
- «Это понимание бытия, выражающееся в философии...» Понимание – это не ваше понимание. Хайдеггер говорит не об этом. Понимание существования – это философствования.
- «Это понимание бытия не может быть выдуманно, измыслено в философии». То есть это не философия придумывает. Это работает что-то другое помимо и вне философии. «... так как философствование как перводействие человека пробуждается в нём самом». То есть я родился и моё перводействие – это понимание бытия.
- «...следовательно из него пробивается то, чем он уже был без всякой философии». То есть существует философия бытийная, вы прежде были бытийными философами, бытие вас создало.
- «Так как в этом дофилософском существовании человека уже должно заключаться понимание бытия - ибо иначе он вообще не смог бы иметь отношение к сущему».
- «Здесь и сейчас мы не можем проследить, как в западноевропейской истории совершалось это рождение философии из понимания бытия. Нам придётся удовольствоваться лишь схематическим указанием».
14. Что такое «понимание бытия»? У Хайдеггера выстраивается так рассуждение, что понимание расщепляется. Это к человеку не имеет никакого отношения, прицепляется к какому-то паровозу под названием

«бытие» и говорят, что за это понимание ответственно бытие. Оно сопряжено с бытием, не с человеком. Размерность другая, другое событие.

Что такое понимание бытия в существовании человека? Что в нас есть такого, какой-то изъян, который нас заставляет нуждаться в понимании бытия, чтобы вообще что-то понимать? Почему животному только солнце, воздух, вода, и всё понятно. А мне надо что-то понимать. Почему я должен? Пусть коровы и понимают. Ей не надо, а мне почему надо? Хайдеггер не знает ответ на этот вопрос, поэтому слова «понимание бытия в существовании человека» - это слова, в которых выражается непонимание того способа бытия, которое избирают галлюцинирующие существа.

15. Хайдеггер говорит следующие слова: «иначе я не смог бы иметь отношение к...». А как задаётся отношение к чему-то? Это самая важная вещь. Кто относится к чему-то вообще. За это нужно великую цену заплатить. Что сделал Хайдеггер? Он в сущее всё собрал: железо, металл, всё. Потом сущее как таковое. Потом стал говорить, что нужно разобраться с пониманием бытия. Это нужно делать, чтобы было отношение к чему-то. Для этого нужно, чтобы уже было понимание бытия.

Вот вы родились. Если бы у нас не было уже-понимания бытия, то мы не могли бы к чему-то относиться: ни к родителям, ни к родине, ни к дереву. Мы относимся, у нас какие-то отношения, мы можем отнестись. Можем присвоить, можем отклониться. Почему? Сущее к сущему относиться не может, ибо оно есть просто само сущее или часть его. Чтобы относиться, нужно перестать быть тем, что ты есть.

Хайдеггеру нужно ввести отношение, а он его не может ввести. Тогда он придумал эту фишку про понимание, которое нам достаётся, но мы не можем проследить как. Тогда мы понимаем и относимся. Это белыми нитками шито. Взял, удвоил существование, придал какое-то уже и сказал, что оно всяким раздаётся. Оно появилось в человеке без всякого на то разрешения. Неудачный ход. Это «отношение к» может быть у того, кто не является сущим, кто не в ряду сущего. Кто может отнестись к сущему? Кто вышел из этого ряда сущего. Что значит выйти? Это вопрос, на который нужно отвечать. Кто грезит, тот не в ряду сущего. Галлюцинация – место, где заканчивается природа и начинается человеческое. Это странный пункт, который обозначен взрывом галлюцинаций. Теперь возможно расширение, выходение.

Кант говорит: мы подвешены, и одна нога у нас висит. Одна какая-то нога у нас всегда болтается в воздухе. Мы не можем встать двумя ногами на землю. Все могут встать хоть четырьмя, хоть двумя, десятью, а мы только одной ногой. Висит, потому что мы расширяем мнимостями. У нас внутренняя жизнь, которая состоит из мнимостей. Что такое мнимости? Это странные

вещи как цель. Что это такое? Закон для вас. Это ничто, призрак. Это то, что существует только во времени без присутствия. Это то, чего нет, но тебе дано. Мы так расширены.

Когда Хайдеггеру нужно объяснить «иметь отношение к», он прибегает к спекулятивному мышлению. Ему нужно скрыть отсутствие ответа на этот вопрос. Сущее не может относиться к сущему, ибо оно само есть часть этого сущего. Нужно перестать быть сущим. Перестаем быть сущими в момент странного галлюцинирования или грезения.

16. Что такое свобода? Это то, что существует во времени. Вы можете её ловить в пространстве, но не поймаете. Что говорит Кант? В природе нет свободы. В обществе тоже нет. Свобода существует только во времени без присутствия.
17. Как мы можем выйти из сущего? Сейчас появится «быть свободными». Ты свободен – значит, можешь расширять себя как угодно в мире, не в природе. Ты не можешь умножать материю. Мы существа призрачные и не более того. Свобода – это независимость от сущего. Что она даёт? Она даёт возможность самому себе давать себя. Или она даёт возможность давать себе закон, правило, цель, определение к себе. В этом весь смысл. У нас больше ничего нет, как только существовать без присутствия.
18. Существовать во времени – значит существовать без присутствия. Тогда как быть – значит присутствовать в наличии.
19. Хайдеггер пишет: сегодня лелеют антропологию. «Философская антропология находится вне вопрошания о человеке из основного вопроса метафизики». Смотрите, откуда должны спрашивать о человеке: из основного вопроса. А какой основной вопрос метафизики? Что есть сущее. Вот откуда. В сингулярной философии ответ на вопрос о том, что есть бытие, зависит от ответа на вопрос, что есть человек.
Что говорит Хайдеггер? Из ответа на вопрос о том, что есть сущее, европейская традиция, начиная с Парменида, отвечает. Европейская традиция ничего не знает о человеке. Они не понимали ничего. Они идут прямым ходом к алгоритму. Фундаментальная онтология Хайдеггера – шаг к постчеловеку. От Ясперса к наркотикам, от Хайдеггера к алгоритму.
20. Хайдеггер будет видеть сущность человека в руках. Рука делает человека человеком. Нам говорили, что обезьяна взяла палку. Хотя Хайдеггер говорит, что всё, что говорят марксисты, - полная ерунда. В руке всё изъято из бытия и времени. Она сконструирована бытием и временем. (Сингулярная философия скажет, что в нас есть глаза, которыми мы обернуты или которые обращены к нам самим. Посмотри сначала на себя. Но когда ты смотришь внутрь, ты не видишь этих глаз. Ты видишь всегда что-то другое.)
Не человек имеет руки, руки имеют человека. «Руки вбирают в себя сущность человека». Покажите ваши руки, покажите свою сущность

Органы чувств - для восприятия внешних предметов. Это остаётся онтологии. Мы переходим к вещам, которые существуют только во времени. Более того – к сверхчувственным: Бог, душа, бессмертие.

Интеллект нужен для приспособления, для реактивного отношения к миру. А сознание у нас зачем? Для восприятия внутренних предметов, предметов, существующих только во времени, для работы внутреннего живописца.

Если мы ориентированы вовне, зачем нам сознание? Не нужно. Если скукожился внутренний мир, раздулся внешний, то всё экономика, и не нужно сознание. Это бремя. Нужен язык. Коммуницируйте. Вообще органика не нужна.

21. Хайдеггер пишет: проблема самого времени ни имеет никакого отношения к человеку. Он скажет так: «человек может только переживать время». Осталось совсем немного, и он узнает про кибернетику.

Кант стал говорить о свободе. У него есть две причинности. Одна из свободы, другая из природы. Хайдеггер ловит Канта на слове. Хайдеггер его поймал на словах «свободная причинность». Структура пути причинности вообще ведёт к миру, где существующее присутствует, к миру наличного. Что делает Хайдеггер? Это дело мастерства. Эту свободу от причинности, спустить вниз природу к миру наличного и сказать: вот что получается из Канта. Он его за ручку привёл к миру наличного, и свобода ушла из времени в мир наличного. «Причинность из свободы уходит в бытие наличным, то есть экзистенция человека через характеристику свободы как причинности понимается как бытие наличным». Свобода понимается как бытие наличным. Должно лицо появиться, а появилось тело. Хайдеггер пишет: «проблема свободы - это проблема внутри онтологии наличного».

Лекция № 4

Нужно хорошо понимать, прочитать важное интервью Штерну Хайдеггера. Хайдеггер – это одарённый писатель, философ. Такие бывают очень редко: Кант, потом Хайдеггер. Он очень нахальный был, когда рассказывал о существовании человеческой свободы. Он был молодой, ещё хотел перевернуть весь мир. Он ещё дерзок. А в 1964 г. уже не совсем дерзок и даже совсем не дерзок. Когда его просит главный редактор журнала Штерн рассказать, что происходит в мире, он говорит, что не понимает, ничего не может сказать. Он произносит фразу о том, что закончилась философия. 2000 лет создавалась из рук в руки. Она уже событие, как русская литература 19 века. Будет что-то, но у нас нет даже языка, даже сформулировать нельзя, что будет. Сколько ждать? Лет 200-300, может народится кто-то. Хайдеггер очень твёрд, убежден, и когда он говорит, он не лукавит и не кокетничает.

Что дальше начинается? Куда повернули взгляд? Когда природа, что здесь? Опыт. Это важная вещь. Без опыта, ты не опытен. Поживу, опыта наберусь. В плане сознания фиксируется опыт. Начинается какой-то разворот в сторону так называемых сверхчувственных вещей. Это единственное, что сейчас интересно. Что у Канта имеется под сверхчувственными вещами? Бог. Вот кто интересен. Но как за него взяться? Весь наш язык понятийный. Логика - это старьё, наследство золотое европейской философии. Она началась и где-то тут завершилась, о чём есть свидетельство. Ницше завершает, Хайдеггер. Это всё группа замечательных, гениальных людей. Пропадает система, кризис понятийного мышления. Это такой кризис, что знает несколько человек об этом кризисе. Кризис, потому что сейчас обращается внимание на то, что называется разумом, а разум выходит за пределы опыта. Он шальной, слепой.

Немецкая черта была. Они всё делили и обозначали. Есть рассудок, рассудочные понятия. А есть разум, который за пределы опыта. А там вкривь и вкось. А что говорит Кант? Он сам себя разламывает и диктует.

Сингулярная философия говорит про субъективность. Мы настолько глупы, что продолжаем говорить, что всякая субъективность – это цвет. Это абсолютно примитивные представления. Что такое субъективность? Призраки. Что такое сверхчувственное? Это то, что все называли символом. Картина, живопись. Человек начинается с наскальной живописи. Вы будете умирать двойным образом: внутренним и внешним. Внешний с дара. Итак, внимание к субъективному, призрачному бытию. Почему? Потому что люди очень хитро устроились. Они осваивают целину – время. Никто не знает времени. Музыка – это время. Время – это не подсчёт скорости. Мы мерщики, потому что рождаемся слепыми котятками. Чем мы ослеплены, оглушены? Галлюцинациями. Потом философы придумают разные слова про ничто. У Парменида нет никакого ничто. Это придумали в Новое время бойцы идеологического фронта. Вот что мешает нам видеть. Мы в пелене. С этим надо было что-то делать. Одновременно мы открываем время и подчиняемся времени. Мы люди времени, нас нет.

Вот почему реальность – проблема. Почему материалисты наивны? Потому что для них это не проблема. О чём говорил Деррида? Про призраков. О чём говорил Бодрийяр? Человек раздвоен, и его раздвоенность изымает социум. Он зашивает её нитками, он скрепил, отшлифовал. Всё, ты цельное существо. Иди работай. Мы ему отвечаем, начиная с 20в.: а мы шизофреники. Чем больше нас сжимают, тем больше призраков. Вот это интересно. Мы расширяем то, что называется реальностью, посредством предметов времени, а не органов чувств. Более того, мы расширяем посредством мнимостей. В этом пространстве живём и называем себя культурными людьми. Мы люди культуры. Мы расширяем и в этом расширении существуем. С точки зрения физической ничего нет. Мы в странном коконе. Отсюда рождается мысль о сингулярной философии. Человек – это такое событие, которое не оставляет после себя физических следов своего присутствия. Даже вся органика исчезнет спокойно. Судьба человека в этом смысле ничтожна. У Хайдеггера есть два пассажа о том, что человек – никто и что человек огромен. А почему огромен? Потому что в его основе лежит свобода. А она где лежит. В бытии. Бытие огромно. Оно охватывает весь мир. Хайдеггер пребывает слепой. Этими возвышенными словами Канта ругает, потому что у него это способность человека. По-другому нет свободы. Думать иначе – это беспомощность, инвалидность, пенсионерство европейской мысли. Даже Кант не может обойти традицию.

Зафиксируем ситуацию: как только совершился поворот к этой странной субъективности, к исследованию расширений посредством мнимостей, тут же немедленно обострился интерес к материализму. Хочется чего-то хорошего, твердого, материалистического. Есть одна только материя!

Материализм

Материалистов целая плеяда. Материалисты, реалисты – это братья. Кто-то из них реалист, кто-то материалист, кто-то спекулятивный, кто-то наивный.

Вы знаете смысл Просвещения у Платона, у Канта. Есть ещё у Латура. Он пишет: просвещение – это когда одно человеческое вкладывается в нечеловеческое, и получают полицейские на дорогах. Новое просвещение предполагает, что человеческое вкладывается в нечеловеческое, а нечеловеческое в человеческое, и таким образом существуют сети горизонтальные. Бред. Он пишет и о микробах. Весь смысл такой: жили без микробов, конечно, травились. Потом неожиданно открыли мир микробов, стали мыть руки, появилась гигиена. Скосило Европу. Ещё раз скосит.

Чем Кант отличается от Мейясу?

Кант полагает, что мы с вами - люди. Это пустая фраза, но очень важная. Что мы, люди, можем прорваться к реальности вне нас, как она есть сама по себе, используя свою субъективность, но за свою субъективность нам надо заплатить. Чем? Отказом от абсолюта. Что такое наука? Это пространство неабсолютного, в ней ничего нет устойчивого. Любое суждение пересматривается всё время. Что гарантирует отказ? Эта гарантия – вещь в себе. Это гарантия, что мы отказались от абсолюта. Мы дали слово науке. Мы всё можем знать, но не абсолютно.

Мейясу говорит так: Кант предал науку. Философия Канта отдала субъективности самое дорогое и самое важное для природы. Она отдала время и пространство. Тем самым повязала всех корреляцией объекта и точкой зрения на объект. То есть, нет точки зрения, нет объекта и наоборот. Что-то такое было у Маха. Философия благодаря Канту стала заниматься тем, что мыслимо, и перестала интересоваться тем, что существует. Философии некуда прорываться. Она потеряла реальность. Реальность очень зыбкое слово, очень.

Что хочет Мейясу? Он хочет создать такую философию, которая сможет прорваться к реальности, но без субъективности. Любая корова должна прорваться. Без субъективности субъекта – то есть без человека. Что же тогда будет прорываться? Абсолют. А метод его спекулятивный. Спекулятивный – то есть математический. При помощи Абсолюта Мейясу хочет вернуть природе пространство и время, которые отобрал у неё Кант. Но математика – это не физика. Это язык. Время без становления – это не реальность в себе. Это галлюцинация. Всякое различие вещей в себе и для себя основано не на абсолютизации фактичности, то есть времени, а на присутствии субъективности. Предмет философии – бытие человека.

Что сотворил Кант, разделив бытие на две части? Он превратил его в нереальный предикат. Тем самым лишил его решающей роли в онтологии человека. Почему? Потому что из понятия бытие не следует. Нас сейчас понятия не волнуют, потому что в субъективности всё по-другому. Но из субъективности человека кое-что следует, некоторое существование. Есть вещи, которые существуют, если мы к ним относимся как к существующим. Цари так существуют, президенты, преподаватели. Есть студенты, есть преподаватели. Нет студента, иди гуляй.

Из факта существования человека следует существование призрака. Что лежит в основании призрака? Следующее соответствие: не понятие соответствует человеку, а человек соответствует или не соответствует понятию. У Парменида бытие не могло быть иным. У Канта бытие становится негативным, то есть ничего нельзя сказать. Оно отклоняет всё, чтобы не быть позитивным, в том числе и возможность быть иным, то есть быть небытием. Независимость от мысли и бытие вне нас не одно и то же. Не зависимое от мысли мыслимо, только Бог немислим, а бытие без нас мыслимо. Речь пошла о бытии. Никакого ничто у Парменида не было. Он только говорил: небытия нет, есть только бытие. Если есть бытие, то вы должны его мыслить вне времени. Что значит мыслить? Мыслит тот, кто мыслит бытие вне времени. А когда время появляется? Когда ты говоришь: вот дело было летом... Нельзя сказать о бытии, что оно было, нельзя сказать, что оно будет. Есть, это вечно непрерывно длящееся. Всегда есть. Не нужно время.

Здесь появляется негативное – вещь в себе. Оно негативное в том смысле, что о нём только отрицательные могут быть высказывания: не то, не то. Спрашивается: если оно не то, не то, оно мыслимо? Вещь в себе мыслима или не мыслима? Не мыслима.

Опыт времени мы находим внутри нас, а не вне нас. В мысли мы можем знать только то, что мы в неё вложили. Это Кант. Как работает продуктивное воображение априори? Когда говорят сон - это сон. Есть такая штука, которая воображает. Как это всё устроено? Оно слепое, глухое и немое. Оно выходит за всякие пределы, хватается всё, что может схватить. Сон хватается всё, что может схватить. Когда вы ложитесь спать, он хватается то, что ты сегодня делал, а потом хватается ещё что-то, не спрашивая, и лепит. И ты думаешь: Боже мой, к чему всё это? Так оно работает. Не будем лепить, ничего знать не будем. Нужно попробовать палочкой, чтобы узнать глубину. Бросьте, скажите что-нибудь, предикат какой-нибудь придумайте. Ты знакомишься с человеком и говоришь: глупый, плохой. Ты не знаешь его. Вдруг что такое сопротивляется. Значит, наверное, неглупый. Так всё делается. Ты познаёшь то, что ты вложил, а потом ты говоришь: я столкнулся, встретился, во-первых, неглупая, но вредная. И выстраиваешь ряд предикатов. Так оно и работает. Ты исследовал. Поэтому, что мы знаем? То, что мы вложили. Слепые и глухие, но узнали. Потому что у нас пелена. Что нас ослепляет?

Мир грёз, наших галлюцинаций. Что мы делаем? Мы прорываемся. Если вы это запомнили, вы очень многое поняли в философии.

Шопенгауэра говорил, читая Канта, о долгом сновидении. Жизнь – это долгое сновидение. Вообще сновидение краткое, галлюцинация только в данный момент. Её в следующий момент нет. Её надо ещё продлить как-то. Помните человек-ночь у Гегеля: снится тебя кровавая голова ночью в окно. Это всё разъято: разымаются тела. Это ужас один. Ужас не от ничто. Ты в ужас приходишь от этих странных образов. И сон в тебе мыслит.

Что понял Бион? Он понял, что когда ты подумал – это не ты подумал. Это сон в тебе подумал. Это тоже ты, но с оговоркой. Поэтому когда говорят о сновидении, говорят о продуктивном воображении. Что есть ум Платона? У него нет продуктивного воображения априори, но есть такой оборот: в каждом из нас есть внутренний живописец. Чем он занят? Кино нам показывает, картинки, продукции. Вот чем занят. Этим мы ослеплены. Бион не называл это продуктивным воображением априори, а Кант назвал. А Хайдеггер как будет называть? Понимание бытия. Продуктивное воображение априори – это прилично звучит, а понимание бытия – ужасная конструкция, но это то же самое. Зачем тогда морочить голову? Вот только воображение получается в воздухе. Проблема Канта состоит в том, что его коперниканский переворот изменил позицию субъекта, но не изменил мир.

Итак, для Мейясу тупик европейской философии связан с Кантом. Для него Кант корреляционист. Что сделал он плохого? Согласно Мейясу он запер мышление внутри самого себя, и оно там задыхается, лишённое Великого Внешнего. Никто не хочет быть заперт в своем мышлении.

Кант - мучитель мышления. Мейясу его освободитель, придумавший новую философскую забаву – игру в преодоление корреляционистского круга. Этот круг в философии называется принципом тождества бытия и мышления. Немецкий идеализм считал его входным билетом в философию. Мейясу решил вернуть этот билет в философии, то есть проникнуть к бытию самому по себе. Поскольку без мысли проникнуть к нему никак нельзя, и круг не преодолеть, постольку Мейясу решил помыслить его возможное преодоление. Проблема Мейясу состоит в том, что Кант признаёт существование вещи в себе, которая не позволяет отождествить бытие и мышление. О тождестве бытия и мысли о бытии впервые заговорил Парменид, но он не был корреляционистом, ибо предполагал два пути познания. Один из них был связан с истиной, другой с призраками. Он выбрал первый – истину, то есть путь богов, а оказалось, что нужно было выбрать второй.

Что же такое призраки? Это видимость, то, что само себя показывает в нас, что оно не есть. Видимость не имеет собственной жизни. Она живет нашей жизнью. Что значит призрак у Мейясу? Призрак – это умерший. Натурализм мысли Мейясу способен потрясти и подготовленного человека, но умерший – это не призрак. Призраки существуют не потому, что кто-то умирает. Животные умирают, смерть у них есть? Человек умирает? И животное умирает, и человек умирает, но у животных нет смерти, а у нас есть. Это наша привилегия. Вторая какая привилегия? Быть безумным, сходить с ума. Мы безумствуем по-разному. Мейясу не понял этого, этих истин.

У животных нет смерти, а у нас есть. Почему она есть? Есть сознание. Что такое сознание? Ворота смерти. Мейясу ссылается на неправильную работу скорби. Как будто скорбь может быть правильной и неправильной. Она либо есть, либо её нет. Указание на работу скорби – это указание на что? Не на работу мысли, а на работу культуры. Призраки существуют потому, что люди боятся сознания смерти, а причины этого страха лежат не вовне, а внутри нас самих. Мейясу знает, что призраки иногда тревожат нас, если они не оплаканы должным образом. Это из культуры. Итак, если они оплаканы должным образом, они нас не преследуют. Нужно соблюдать правила культуры, и призраки оставят вас в покое, как оставили они в покое жителей острова Новой Гвинеи, как оставили Фому Пухова, Мерсо. Мейясу оставил без внимания этот ход мыслей. Ему мало работы так называемой «действенной скорби», мало согласованной жизни с призраками. Он, как Кант, хочет узнать, при каких условиях возможна сама действенная скорбь, понимая под действенной скорбью согласие между мертвыми и живыми.

Формы действенной скорби

Самой действенной формой скорби является каннибализм. Самый простой способ отождествить себя с другим – съесть его. Все люди – каннибалы, говорит Поршнев. Его поддерживает К. Леви-Стросс. Все люди – каннибалы, повторяет он Поршнева и рассказывает о болезни куру на острове Новая Гвинея. В некоторых деревнях Гвинеи люди умирали от приступов неконтролируемой дрожи. Я хочу взять чашку и не могу. Почему? Потому что в этих деревнях действенная форма скорби выражалась очень просто: нужно было съесть труп близкого родственника. Чем ближе, тем больше. Совсем близкий – весь целиком. Съесть – означает выразить своё почтение и любовь. Выбор нет. Это культура. Съел – почтение, не съел – не почтение. Но такая дрожь была замечена, к сожалению, у людей в цивилизованной Франции. Если в Африке каннибализм – норма, то что же происходило во Франции? Во Франции боролись с бесплодием женщин. Как бороться с бесплодием. Для этого надо было

делать вытяжку из гипофиза головного мозга. Занимались чем? Сублимированным каннибализмом. И болезнь была одна и та же.

Второй пример – самоубийство. Самоубийство – это другой пример действенной скорби из «Бесов» Достоевского. В основе этой скорби лежит нежелание жить во лжи. Кириллов хочет закончить свою жизнь самоубийством. Верховенский уговаривает Кириллова заодно взять на себя убийство Шатова. У Кириллова сложные отношения с Богом. Бог существует не для того, чтобы воскресить мёртвых, не для того чтобы был рай. Он не извращенец в смысле Мейясу. Он для того, чтобы не было ада среди живых. Если Бог есть, то на всё Его воля, и Он за всё отвечает. А если его нет? Если мы его убили, тогда вся воля у человека. У русских воля и свобода - очень интересная тема. Вольному воля, гуляй душенька по воле своей. Это единственное существо в этом маленьком уголке позволяет себе эту роскошь. Безумную, никогда не повторимую. Никогда. И вы её свидетели. Последние свидетели. «Вся воля моя, и я обязан на своеволие». Человек своеволен.

Самый полный пункт своеволия не в том, чтобы убить другого. Это и скотина может убить. Любой, самый паршивый алгоритм. Ты себя убей! Возьми и убей! Аа, страшно! Опасно.

Нельзя убивать другого. Этот путь ведёт к аду. По этому пути идёт Верховенский. Для чего убивать себя? Для того чтобы не было ада. Верховенский, убей себя. Но он же не убьёт. «Если Бога нет, то я Бог, - заявляет Кириллов, - я первый, и я Бог поневоле». Человек выдумал Бога, чтобы жить. Поскольку Его больше нет, постольку пришла очередь для самоубийства человека и не только человека. Самые законы планеты – ложь и водевиль дьявола. Всё не то, всё рухнет, всё сгорит в пламени Гераклита.

Третий пример действенной скорби из «Сокровенного человека» Платонова. У Фомы Пухова умерла жена. Фома насквозь православный. У него в углу, видимо, висит икона. Но он не одарён чувствительностью. Отсутствие своей жены он заметил по отсутствию кваса. Фомушка, не хочешь ли кваску выпить? Давай! Выпил, пошёл на станцию. Он же машинист. А здесь никто не говорит про квас, жена умерла, наверное.

Фома не боялся призраков умерших. «Он на гробе жены варёную колбасу резал». Ну, что, поморщились? Негигиенично на трупе резать колбасу и есть? Не нравится эта форма скорби? «Естество берёт своё», - говорит Фома. «Всё, - говорил Пухов, - совершается по законам природы». Фома Пухов был простым детерминистом и знать ничего не хотел о вероятностном мышлении.

Последний пример скорби из «Постороннего» Камю. Мерсо атеист. У Мерсо умерла мать. Ему пришлось провести скучную ночь у гроба матери. А ему надо вид делать. Он ни разу не перекрестился. На похоронах надо уметь соблюдать приличия, делать вид истинного скорбящего, но не потому, что такого поведения требует призрак умершего, а потому, что таковы ожидания окружающих людей. Социум.

Мерсо сторонник новой искренности. У Мерсо не было скорби, и плакать ему не хотелось. И он не плакал. Ему хотелось спать, и он заснул. Мерсо удобно сел у гроба, выпил кофе, покурил со сторожем. Смерть перестала быть событием. За плёнкой культурного человека нет никаких чувств. Ничего. Никакого ужаса смерти. Мейясу не туда попал. Он ляпнул и проиграл.

Лекция № 5

Время у Хайдеггера и Канта. Мейясу о призраках. Возвращение Великого Внешнего. Трансцендентальная дедукция

Стирание границы между человеческим и нечеловеческим крайне естественно для европейской философии. Всё было определено. Единственное, что понимает эта культура, что человек – это просто разумное существо, то есть считающее, то есть поставляющее, ставящее как предмет, относящееся как субъект с предметом.

У человека есть две привилегии. Привилегия на смерть, мы органика, мы не можем не умирать. Кремний вечен, а углеродистое не вечно, гниёт, портится. Разум наш обременён человеческим. Можно изучить фигуры обременения. Обременение у Канта, например. Рассуждали о разумности, и это было само собой понятно. Человек – разумное существо. Сейчас выясняется, что разумны все, вся органика разумна.

Такая вся философия. Маркс – то же самое, позитивисты – то же самое. И никакого различия между Фреге и Гуссерлем нет в этом отношении. Все сойдутся в этом ясном, отчётливом стирании.

Время у Хайдеггера и Канта

У Хайдеггера оптика построена так, что несерьёзно заниматься фрагментом, частью. Что такое человек? Тлен. А что не тлен? Бытие. С чем его связать? Один связал с мыслью. И что получается? Не то получается. Получается галлюцинация. Как бытие укрепить, с чем его связать? Бытие – это пустое слово. Ни цвета, ни запаха, ни формы. Тогда начинается: послушайте, а давайте свяжем со временем? А как ты свяжешь со временем, когда время – это человек.

Сингулярную философию интересует призрачное бытие. Бытие – это такая штука, за которую не знаешь, как взяться. Вот как взяться за человека? Взвесить можно, подстричь можно. Но как взяться? Кант говорит следующее: время – это внутреннее чувство, то, что тебе даёт себя, то, из чего ты можешь себя рассматривать,

относиться к себе. Отношение же не фиксируется, это не вещь, а человек в отношении к себе. Кант взял время.

Что делает Хайдеггер? Изымает это время и говорит, что это не кантовское время, это не внутреннее время, нас не интересуют предметы, существующие только во времени. А что нас интересует? Мировой масштаб. Три модуса. Время изначально, как и бытие. Бытие и время связаны. Хайдеггер делает прямо противоположную работу по отношению к Пармениду. Бытие и время связаны в этих модусах. Человеческое задаётся комбинацией как нечто производное. Хайдеггер введёт в оборот тезис: человек не учредитель времени. У Канта человек – учредитель. Мы учреждаем. Мы люди временные, временные существа. Мы надеемся, мечтаем, торгуем тем, чего нет. Наша вся экономика галлюцинирующая, все финансы галлюцинирующие. Это абсурд. Это не классическое материальное производство. Чем был хорош ранний капитализм? Я сделал, она купила, мне дала деньги. Я эти деньги на что-то потратил. И опять: я сделал... Сейчас всё по-другому. Вы только с утра узнаете: что-то рухнуло опять. Куда рухнуло? Почему? Мы живём в мире галлюцинаций. Весь финансовый сектор построен на чём? На эксплуатации несуществующего, которое, вовлекаясь, расширяет то, что есть. Вся масса теперь сосредоточилась в добыче нефти под названием того, чего нет. Вот такая экономика. Она пульсирует.

У Хайдеггера человек – распорядитель времени. Вы понимаете разницу? Не учредитель, а распорядитель. И задаётся это модусами: вечное прошлое, настоящее, будущее. И Хайдеггер играет с этими модусами. Но в 1942г. он пишет, что бытие выше всякого человека и всякого человечества. Бытие нетленно, универсально, а философия не любит частности. В 1964г. он признаёт зависимость бытия от человека, потому что бытие нужно научиться понимать. Весь 20в. – герменевтика, понимание. А тут простая штука: нужно научить бытие понимать, потому что без этого бытие – это не бытие. То есть вся эта игра ничего не стоит, а понимающий уже чего-то стоит, потому что он вводит понимание как некое условие, что бы пробилась к сущему. Если не будет этого звена, но как мы прыгнем к этому сущему? Рильке предлагает один вариант, а он говорит, что не надо никуда прыгать. Ты со своими чувствами и есть элемент этого сущего. Он возмущается и говорит: «Нет, Рильке, ты человек нового времени, греков не читал, ты не понимаешь, что у них нет субъекта, а ты хочешь всё построить как предметы».

Мейясу о призраках

«Настоящие призраки – это умершие, которые всегда будут противиться к переходу на тот свет». В чём упрёк? Он хочет связать, он материалист. Чем нас пугает? Телами умерших.

Призрачное бытие. Вот что интересно. В чём состоит дилемма призрака? Мейясу рассуждает как всякий атеист, непременно обращается к анализу Бога и обращается к скорби, сталкивается с проблемой скорбящих людей, плачущих. Мейясу пишет, что у каждого человека возникает проблема: быть ему атеистом или человеком религиозным. Там, где религия, - призраки какие-то. Там, где атеизм, - вещи даны сами по себе, ты их считаешь. Вспомните сенсуализм, доведённый до финала: Беркли и Юма. Потому что у нас есть ощущения, я не перепрыгну через них. Предмет ещё нужно получить как предмет, то есть нужно слепить все эти чувства: тактильные, обонятельные, осязательные. Как это делается? Это нужно задать, связать каким-то образом. Тогда Кант говорит, что здесь должны быть трансцендентальные схемы. Иначе ты не склеишь, не получишь. Предметов нет, как это не удивительно. Мы не сможем перепрыгнуть через наши чувства или ощущения, которые нас связывают с вещами. Либо мы должны от всего отказаться и превратить себя в некоего абсолюта, в некий автомат. Тогда нам язык не нужен. Тогда нам нужна просто математика, и мозги электронные должны быть. К этому и идёт. К этому же шёл Хайдеггер. Он фактически своей мощной философией легитимизирует движение к тому, что называется постчеловеком. Это же делает и Мейясу. Он ещё не понял, но может в союзники записать кого угодно: Делёза, Фуко, Хайдеггера. Европейская философия так построена. И это считается классической философией. Пришёл конец классической философии. На этом языке ни о чём нельзя говорить. Он только для историков. Сидеть, грызть, читать, тренироваться. Тренажёры. Никакого смысла нет. Об этом говорил Хайдеггер журналу «Штерн», когда его спрашивал редактор. Он тогда понимал, что этот язык закончился.

В чём проблема, дилемма призрака? И так, атеизм и религия. Мы решаем, верить нам в Бога или нет. Но и эта проблема не относится к порядку вещей в мире, как пытается её представить Мейясу. Эта проблема относится к порядку работы сознания. В чём отличие веры от знания? Вера и знание - это две вещи несовместные. Последние 300 лет доминирования знания наложило печать, отпечаток. Мы изменены, мы другие, мы не верим. Кто во что верит. Один в звезду, второй в чайник. Вера – первый признак сознания. Наскальная живопись, художник, вера – это способ существования сознания.

Мейясу не объясняет, почему мы не решаем вопрос о том, верить нам в материю или нет. Всё состоит из материи. Всё подлежит разложению. Он говорит, если мы поверим в Бога, то получим жизнь после смерти.

У Мейясу примитивные вещи. Если бы это было бы не так, то верили в материю, если бы она разрешала вечную жизнь. Он говорит, что если мы поверим в Бога, то получим жизнь после смерти. Это самое уязвимое место всех материалистов. Разве в

этом дело? Разве это на кон поставлено? Может быть, это когда-то было очень важно. Мы родились не вчера. У нас некоторая есть история.

Если же мы не поверим, то у нас не будет ни жизни после смерти, ни Бога, и мы будем свободны. Что получается? Жизнь без Бога, по словам Мейясу, абсурдна, а жить с Богом, который зло называет добром, - это извращение. Мейясу продельывает ряд рассуждений, в котором получает, что Бог – это зло, меня обольщающее. Ты ко мне, а я тебе дам вечность. Верующие - извращенцы. Проблемы с рассуждением у людей типа Мейясу.

Итак, он рисует фальшивую апорию, ибо жизнь абсурдна как с Богом, так и без Бога. Жизнь вообще абсурдна. С Богом абсурдна, без Бога абсурдна. Не надо клеить, что с Богом логичная. Люди не перестают быть людьми в любой ситуации. Но люди будут разные, всё равно. Для Мейясу абсурд – нечто, относящееся к порядку языка, а не к порядку жизни.

Есть такое словечко у Эпикура – интермундия. Это такое пространство, в котором Бог существует, но никак не влияет, то есть он на пенсии – всё видит, всё знает, но ничего не может. Эпикур его туда отправил, решая свои дела. Но это один вариант.

Второй вариант: противопоставление Бога и священного. Вам говорят: это священное место, священная аудитория. Что это так обеспокоились о местах? Не надо никаких сакральных мест. Нужно, чтобы был Бог. Где он? Куда вы его дели? Если он есть, то он обесмысливает все сакральные пространства. Если есть сакральное, Бог не нужен.

Эпикур отправил в интермундию честно: он есть, всегда присутствует. У него Бог, как вы, бессильный. Он не может сотворить мир. У него есть совершенство, но нет силы. Он всё видит, но не вмешивается, хоть лопни.

Теперь всё наоборот: есть сакральное, и этого достаточно. Мы так себе пометили и так существуем. Кто делает сакральные места, тот и убивает. Помните, Ницше говорит: вы его убили. Он же не сказал, что вы добежали, из угла напали, нож достали и зарезали. Он нам не нужен. У нас всё сакрально.

Становящийся Бог, который никак не может стать, – ещё один Бог. В истории миллион способов избавления. Он становящийся, а становящийся, как вы понимаете, не существует. Он становящийся, но никогда не станет. Он неполноценный.

Мейясу пишет: решением дилеммы призрака будет позиция нерелигиозная и неатеистическая. Долой это разделение. Но если у нас Бога нет, но места сакральные, конечно, у нас никакого деления нет на атеистов. Должно быть другое деление. Атеизм и религия больше не в оппозиции. Она снимается.

Это значит, что он предлагает решение дилеммы неантропологическое. Что он хочет? Ему нужно, чтобы и воскрешение мёртвых было возможно, и чтобы при этом Бог перестал существовать актуально. Как это можно сделать? Демагогически, или софистически, то есть вербально решить.

«Пребывающее в наличной реальности в виртуальном состоянии»... Это называется неистовство языка. «Пребывающее в наличной реальности в виртуальном состоянии таит в себе возможность Бога ещё прийти. Став невиновным в бедствии мира, возможно, у него и будет власть даровать призракам нечто иное, нежели их смерть». Слово «наличное» введено в оборот Хайдеггером. Он решал свои задачи. Он украл время у Канта, отдал бытию, человека обескровил. Мейясу делает бессмыслицу, соединяет виртуальное и наличное. Эта штука теперь таит в себе возможность. Он не понимает, что такое виртуальное. Он не подразумевает человека, естественно. Он материалист, так и говорит: люди – случайные существа, которые назвались людьми. Прыгать перед ними теперь что ли? Такая же таракашка, как и все остальные. Одна и та же органика. Какая разница? Все на углеродистом основании.

Возможность Бога ещё прийти. У него ещё есть шанс. Его нет, конечно, но у него есть возможность прийти и быть невиновным в бедах мира, в том зле, в котором погрязли люди, потому что оно висит на нём. В этих словах наличное – это совокупность присутствующих вещей со всеми своими свойствами и отношениями. При этом свойства не учреждаются в отношениях, а проявляют себя в них. Свойства вещей предваряют отношение между ними.

Что значит реальность? Реальность – это вещи наличные и возможности. При этом вещь предстаёт как реализованная возможность, а возможность как нереализованная вещь. Но что значит виртуальное? Виртуальное - это не возможность, отделённая от вещи, как предполагает Мейясу. Виртуальность - это то, чего нет, но что дано. Это хорошее орудие, инструмент вхождения в тему. Это из языка Хайдеггера.

К регистру бессмысленного относится и то, что Мейясу называет божественным. Бога нет, а божественное есть. Вы убийцы, но вы убийцы хитрые, с извлечением какой-то выгоды, какой-то пользы, играть на его отсутствии.

Божественное отделено от Бога как возможность от вещи. Кто это делает? Современная европейская философия. «Бог возможен в смысле объективного будущего». Идёт прощание с человеком. Нужно убрать все его подпорки: божественное, сакральное.

Возвращение Великого Внешнего.

Если за явлением «а» идёт явление «б», то мы склонны полагать, что «а» является причиной «б». Но вот однажды мы видим явление «а» и не видим явление «б». Что это значит? Это значит, что вместо необходимости, мы полагались на привычку, но после не значит по причине. Юм дезавуировал претензии разума на всеобщность и необходимость его категорий. Юм убедил Мейясу в том, что вера в силу мысли лучше веры в опыт. Везде вера, но вера в силу мысли лучше, чем вера в опыт. Но Юм не разъяснил Мейясу, что привычка верить - это не вера, это привычка. При этом привычка верить в силу ничем не отличается от привычки верить в мысль. Привычка и мысль – вещи несовместимые.

Отклонив принцип достаточного основания, Мейясу объявил контингентность абсолютным свойством любого бытия вещей и законов. Но поскольку мышление работает по принципу перебора как формальный алгоритм, поскольку он подчиняется принципу либо...либо..., либо причина либо случай, то решение состоит в конъюнкции, в и случаи и необходимости. Заявив об абсолютности случая, Мейясу делает невозможным повторение, а повторение – это доопределение того, что было до этого неопределённым. Любой закон начинается с беззакония.

Мейясу полагает, что у вещей есть скрытые состояния. Казалось, что после Декарта закрыли тему со скрытыми состояниями у вещей. Скрытое состояние – то, чего мы не можем видеть никогда. Что такое пространство? Это есть вывернутость материи. Она прозрачна. Ничего нет. Что такое материя Декарта? Эта такая штука, которая отсекает какую-либо ссылку на скрытые состояния. Нет скрытых состояний, нет дьяволенка. Почему нет дьяволенка? Нет такого существа, который будет тебя водить за нос. О чём ругались-спорили Фуко и Деррида? Откуда выполз злокозненный гений? Для того чтобы появился, нужны скрытые состояния. Иначе где он будет жить? Проницаемый везде взгляд – условие, для того чтобы строилось научное знание. Если вы ввернёте заборчики и скажите, что у каждой вещи есть внутреннее время, то конец. Какая наука? Всё бессмысленно. Верим в алхимию. Дальше в экстрасенсов.

Трансцендентальная дедукция

У Мейясу две работы: «Дилеммы призрака» и «После конечности».

Существует два ствола познания. Чувства и рассудок, ощущения и априорные понятия, то есть правила, по которым ощущения располагаются в пространстве и времени. Кант рискнул предположить, что у рассудка и чувственности, несмотря на их противоположность, есть общие родственники, общий корень. Что это за общий корень? Его зовут воображением. Воображение и грёзы, воображение и галлюцинации – это родные братья и сестры, одна куча. Что делает общий корень? Он может синтезировать. Что значит синтезировать? Складывать, соединять. Кто синтезатор сна? Вы ляжете спать, воображение напомнит вам чайник, то, что говорилось в течение дня, то, что у вас было в четыре года, и склеит. И спросит: ну, как? А тебе что делать? Ты подойдёшь утром и скажешь: видела сон, в этом сне я не могла выйти из аудитории, за мной бежал всё время какой-то дядька и хотел бросить бутылку, но всё не мог бросить, а я всё никак не могла выйти, и это было ужасное состояние. И я проснулась.

Что такое синтез? *«Синтез вообще есть исключительно действие способности воображения»*. Какое действие? *«Действие слепой, хотя и необходимой функции. Без этой функции мы не имели бы никакого знания вообще»*. Кант ещё тот сумасшедший. Вы поняли, что он сказал? *«Синтез вообще есть действие способности воображения слепой, хотя и необходимой функции»*. Слепая функция! Функция быть слепым. Нам зрячие не нужны. Чем хороша слепая функция? Хватает всё подряд. Никакого порядка. Беспорядок. На всё этом – знание. Это корень всего.

Мог с этим Хайдеггер согласиться? Нет. Это то, на чём всё зиждется? А потом бомбы летают, самолёты ползают? На этом всём? На этом слепом воображении? Мы посадим на прочную основу. Он скажет: двинемся дальше, он застрял на слепом воображении. Нам нужно идти дальше. К универсальному времени. К времени, у которого есть прошлое, настоящее и будущее, к физическому времени. Ни к внутреннему, ни к тому, которое тебе даёт тебя, ни к тому, которое даёт тебе предметы, существующие только во времени, которое даёт тебе чувства самого себя, а к универсальному. Оно всё создаёт. Тебя, человека, создаёт. И они с бытием брата и сестры. Бытие и время. Они вдвоём делают, что хотят. Где свобода? У них. У тебя нет её. Они тебя делают свободным. Что такое человек? Тлен. У нас работают вечно бытие и время.

Но поставьте задачу: найти, как время вообще что-то создаёт. Разве время что-нибудь создаёт? Подумайте. Может быть, оно только рассеивает?

Почему сейчас не довольны Дарвином? Всё перепутал, всё не так. Там есть одна проблема. Ты можешь описать в терминах эволюции что угодно, если есть что. Что должно быть. Но как это что появляется? Если бы он объяснил, то был бы переворот. А

то ты ему дай всё, а потом с тем, что дано, с неким что, он объяснит. Хотя всё равно у него человек – проблема.

То же самое обратите к Хайдеггеру. Он же Дарвином себя чувствует. Пускай покажет, как время что-то лепит, создаёт. Во-первых, что это. Ведь, по большому счёту, это знают немногие: его вообще нет.

Мейясу тоже это плохо понимает. Он плохо понимает, как работает слепой синтез. Он не понимает, что Бог мыслит вещами. Он не мыслит, как мы: подумали, образы, потом сделали. Человек воображает схемами. Ни чувства, ни рассудок сами по себе ничего не соединяют. Воображение наугад соединяет случайное, присоединяет многообразное от случая к случаю, хаотически, бессмысленно. Затем всё это называет объектом. А что оно может сделать? Что угодно. Всё описали уже в Античности: отдельные органы бродили сами по себе, а потом им нужно было скрепиться. Это описание шизофренического сознания, когда у тебя полно всяких обрывков, частей тела, нос бегаёт. Тогда связанное в объекте становится объективным. Оно всё делает, слепое, наугад, во тьме. Что связали, то и видим связанным. Субъективность, то есть воображение, в своём продукте синтезировала объективность. И эту объективность уже можно репрезентировать. Смотрите, какая работа пропускается, откуда появляются объекты. Объективностью объекта можно уже испытывать мир как он есть сам по себе. Допрыгнуть до него, до мира без этого объекта никак нельзя. Нет правил, по которым создаются правила. Что нужно? Прыжок, взрыв галлюцинаций, чтобы человек подчинил себя мнимому, и возникло «я есть».

Трансцендентальное единство апперцепции говорит нам, что сознание одно, единое, постоянно. Зачем нам одно сознание, если нас много? Людей много, а сознание одно. У одного. А если у одного, то получается, что у остальных его нет. Тогда как они соединяются? Через причастие того, у кого нет, к тому, у кого оно есть. Зачем нужен этот социум? Люди асоциальны. Кант говорил, что они необщительны. Они необщественны. Зачем необщительным общество? Затем, что если у тебя чего-то нет, то я тебе дам. Ты будешь причастен. Ты будешь художником отчасти, даже если ты не художник. Он обещал, но не выполнил. Какие претензии к социуму? Развод. Ты нам не нужен. Что сегодня происходит? Пересмотр всей этой структуры. Хотите знать, что в мире сейчас происходит? Переоценка ценностей. Каких? Пересмотр самой темы социальности. Кому мы, кто мы, как нам и что нам. Составлять или жить в рассеянном состоянии?

Лекция № 6

Трансцендентальная дедукция Канта. Об опыте сознания. Хайдеггер. Басня о человеке. Тезисы о трёх онтологиях.

Тема сегодняшней лекции: неантропологический демарш спекулятивного реализма Мейясу. Почему неантропологический жест спекулятивных реалистов? Выготский заинтересовался сверхчеловеком. Он считается крупнейшей фигурой советской психологии, и сейчас среди лидеров психологии в МГУ, в Москве, вообще в стране. Что у него можно прочитать? Такой же неантропологический жест, как и у Мейясу. Что говорит Выготский? 1922 г., он говорит: знаете, человек освоил технику, внешнюю природу. Что мы сейчас сделаем? Сейчас мы с вами должны освоить внутренний мир так же, как осваивают реки, озера, недра и всё остальное.

Освоить внутренний мир зачем? У Выготского есть две фразы, начнём с них. «Мы, - говорит Выготский, - избавим человека от него самого, от зависимости от самого себя». Мы избавим его от зависимости от своей психологии, от своих каких-то настроений. Это программа, реализуемая в советской психологии весь XX век. Что это означает? Это означает, что социальное считается доминантой, единственной приличной реальностью, а человек - производное от какой-то прозрачной социальности. «Мы сделаем, - говорит он, - человека прозрачным для самого себя». Никаких темных закоулков в нём не должно быть. Всё должно быть под контролем. Это чудовищно. Они хотят избавиться от этого странного существа под названием человек со всякими его тёмными закоулками.

Что делает Мейясу? Мейясу помимо прочего нарушает обыкновенные правила, принятые в науке. Он допускает существование внутреннее вещей, относительно которых мы должны формулировать законы. Это совершенно недопустимая вещь. Мы не можем построить никакое знание о вещах, если они имеют внутреннее состояние. Об этом уже много сказано и написано. Есть классические работы, у того же Мамардашвили.

Что мы можем сказать о вещах с внутренними состояниями? Ничего. Что мы можем сказать о человеке, предполагая у него внутреннее состояние? Ничего научного. Ничего. В этом смысле эти так называемые внутренние состояния мешают построить

научное знание или формулировать законы относительно внутреннего мира. Внутри внутренних состояний всегда может сидеть картезианский злокозненный гений. Что он будет делать? Будет водить нас за нос, разрушая любые наши представления.

Мейясу играет со злокозненным гением. О неправдоподобии того знания, которое пытается получить Мейясу, постоянно намекает кантовская трансцендентальная дедукция. Что это такое? Давайте сделаем шаг в сторону и поговорим о кантовской трансцендентальной дедукции. Кто мешает, согласно Мейясу, науке исследовать Внешнее? Кант. Мейясу пытается освободить нас от кантовской философии.

Трансцендентальная дедукция Канта

Согласно Канту существует два ствола познания: чувственность и рассудок. Первый дает нам многообразие ощущений. Второй – правила априорные, по которым эти ощущения располагаются в пространстве и во времени. Это значит: вот мы видим, что солнце всходит. Сегодня взошло. Сегодня зайдет. Но мы не видим, взойдет ли оно завтра. Мы не знаем, каждый день восходит одно и то же солнце, или всё время появляется новое. Есть ли для него причины, или оно случайно. После Юма трудно стало мыслить причину. Можно легко ошибиться. Где мы ищем причины обычно? В чувственном опыте. Но Юм закрыл чувственный опыт. Там искать нечего. Тогда Кант делает ход и говорит: если нет в опыте, то они должны быть вне опыта. Они должны быть априорны. Где находится эта априорность? Где её искать? В человеческой субъективности. Но как там оказалась необходимость? На эти вопросы надо было отвечать. Кант рискнул предположить, что у рассудка и чувственности, несмотря на их противоположность, есть общие родственники, есть общий корень. Что это за корень? Его все зовут воображением.

Воображение - то единственное, чем отличается человек от всего остального живого существа в мире. Никто кроме него не воображает. Это его существенная характеристика. Как оно работает? Воображение у Канта работает очень просто: оно синтезирует что угодно с чем угодно. *«Синтез вообще есть исключительно действие способности воображения слепой, хотя и необходимой функции. Без этой функции мы не имели бы никакого знания, хотя мы и редко осознаём её».* Воображение имеет отношение не только к знанию. Воображение - это та сторона, через которую мы только и можем войти в тему антропологическую. Кант говорит, что мы редко осознаём функцию воображения. Это правда, плохо её осознает и Мейясу.

Человек воображает схемами. Ни чувства, ни рассудок сами по себе ничего не соединяют. Чувства обязаны давать данные, рассудок одно понятие подводит под

другое, а воображение наугад соединяет случайное, синтезирует многообразное в том, что оно называет объектом и связанное в объекте становится объективным. Что связали, то мы и видим связанным. Субъективность, то есть воображение, в своем продукте синтезирует объективность. Эту объективность уже можно представлять и репрезентировать. Объективностью объекта можно испытывать мир как он есть сам по себе. Допрыгнуть до него без этого объекта, как это пытаются сделать Мейясу, невозможно. Нет правил, по которым создаются правила. Нужен взрыв галлюцинаций, чтобы человек подчинил себя мнимому, и возникло «я есть». Но кто я? Это неизвестно. У я нет предикатов. Это субстанция без атрибутов, без предикатов. У я нет того, что принадлежит времени, что может быть временным, поэтому оно постоянно.

Трансцендентальное единство апперцепции говорит нам, что сознание одно, единое, постоянное. Зачем нам одно сознание, если нас много? А людей много, а сознание одно. Потому что, говорит Кант, если будет много сознаний, то не будет общего. Одно сознание позволяет объять многое. Где мы объемлем многое, там появляется человеческое. Не будет сознания одного, не будет человеческого. Если у каждого будет своё сознание, то мы вернемся к хаосу галлюцинации. Но тогда возникает другой вопрос: почему сознание у нас одно, а суждений много, и все они случайны. Источник произвола – воображение.

Воображать - значит не быть постоянным. Воображение априори даёт трансцендентальную схему, то есть некоего уродца, у которого с одной стороны одно, а с другой стороны прямо противоположное. Никакое единство сознания с этим ничего поделаться не может. Воображение сводит схематизм внешнего чувства к схематизму внутреннего правила или внутреннего чувства и проявляет себя в способности суждения, которое определяет, подходит нечто под правило или нет. Эта способность относится к природному уму человека. Отсутствие этого дара не восполнить никакой школой, никаким научным руководителем, никаким образованием. Это дар, которому нельзя научить. Институт, университет может вдолбить правило, но способность пользоваться им должна быть присуща человеку. Поэтому Мейясу прав, когда говорит, что нет никакой необходимости в суждениях. У разных людей они разные. Необходимость может быть в правилах.

Мейясу думает, что дедукция основана на трансцендентальном единстве апперцепции, но это не так. Из того, что я есть я, не следует объективность объекта. Если бы это было так, тогда объективность получили бы и призраки. Из того, что я есть, мы ещё ничего не знаем о я. Из этого еще не следует самопознание. Мы даже не знаем, что нас аффицирует, как мы воздействуем на себя. Воздействовать на себя во времени - значит не совпадать с собой. Кто не совпадает с собой? Кто воздействует на себя. Кто совпадает, тот не воздействует на себя. Случайное сочетание ощущений в

один момент времени дает необходимость. У разных людей разные ассоциации. Синтез не в единстве трансцендентальной апперцепции. Трансцендентальная апперцепция здесь ничего не может дать. В чём же тогда? В продуктивной деятельности воображения. В его самодеятельности, которая, соединяя случайность в объекте, получает необходимое. Эта субъективность лежит в основе, говорит Кант, всякого знания, включая и спекулятивных материалистов. Поскольку воображение слепое, постольку оно придаёт случайному характер необходимого. Воображение не творит мир вещей самих по себе. Оно создает необходимое и всеобщее в предметах знания. У Канта слово «трансцендентальный» означает присущий человеку, а трансцендентальная дедукция – это человеческий способ соединения чувственности и рассудка.

Мейясу мыслит мысль вне связи с тем, что мыслит человек. Что это ему даёт? Это ему даёт «насквозь математизируемый мир». Что это такое? Мир, к которому мы стремимся, - это мир, в основе которого лежит число. Что это за мир? Мир, отделённый от человека. Кант хотел узнать, как человек, отделенный от мира субъективностью, воображением или галлюцинациями, может что-то узнать об этом мире. Для этого он придумал хитрость. Пусть человек думает, что хочет, пусть он воображает. Думать - значит воображать. Пусть не беспокоится о том, как его мысли согласуются с миром. Пусть мир сам решит, согласен ли он с человеческими мыслями или нет. А человек лишь примет это к сведению. Кант называл этот ход мыслей коперниканской революцией, то есть мы думаем, как хотим, что хотим. Мир – это то, что согласуется или не согласуется с тем, что мы думаем. Мир нас извещает. Кант разрешил человеку мыслить, а Мейясу назвал его птолемеевской контрреволюцией. Ещё раз: у Канта человек думает, что хочет, воображает и не беспокоится, согласуются ли его мысли с миром. Это проблема мира: согласуется ли он с человеческими мыслями, или нет. Человек принимает к сведению результат отношения мира к этим мыслям. Пусть мир сам решает, согласен ли он с нами или нет. Это и есть коперниканская революция, а Мейясу называет это птолемеевской контрреволюцией. За что? За то, что наука и математика теперь якобы должны были проходить согласование с тем, что человек думает о мире. Нет. Это совершенно не так. Наука - это человеческий взгляд на мир. Мейясу назвал Канта врагом науки, а себя другом. Ибо захотел разрешить ей общаться напрямую с вещами сами по себе. Прямо - значит без посредников. Кто посредник? Субъективность человека.

Кант говорит, что не надо познанию сообразоваться с объектами, с природой, с вещами самими по себе. Хотите думать? Думайте, воображайте, сочиняйте, а вечером природа вам оценку поставит. Иным образом человек не может реализовать своё право на мышление, на познавательное отношение к миру, но так образуется субъективность, внутри которой обосновывается объективность объекта. Доисторическое Мейясу по

улицам не бегают. Мы получаем знание о вещах самих по себе посредством продуктивного воображения. В чём различие между Кантом и Мейясу? Кант говорит: мыслите. А что делает Мейясу? Он запрещает мышление. Спекулятивный материализм - это запрет на субъективность, запрет на мышление. На месте мышления у Мейясу образуется провал, пустота. Эту пустоту Мейясу заполняет математикой в предположении, что она имеет доступ к вещам сами по себе. У неё, говорит Мейясу, «некорреляционные познания мира». В чём суть этого познания? Спекуляция. Кант запретил спекуляцию для философии. Мейясу разрешил её для науки.

Проследим, как Мейясу строит обвинение Канту в работе «После конечности» в разделе «Реванш Птолемея».

1. *«Когда мышление открывало для себя впервые вместе с нововременной наукой способность действительно открывать такое знание о мире, которое было бы безразлично к нашему отношению к миру, трансцендентальная философия потребовала в качестве условия мыслимости физической науки разжаловать всякое некорреляционное познание мира».* Наука требует доступности к вещам в себе, то есть некорреляционного познания мира. Кант подсовывает ей какие-то вещи для нас. Мейясу, видимо, так и не понял, что вещь в себе - это наше я. В «Критике чистого разума» Кант пишет: *«если даже вся природа раскрылась бы перед нами, мы никогда не были бы в состоянии ответить на трансцендентальные вопросы, выходящие за пределы природы».*
2. Мейясу подозревает Канта в том, что он *«по-птолемеевски перемещает мышление в центр».* Но человек - не центр мира. У него вообще нет бытия в мире. Он живёт, как это стало понятно уже в двадцать первом веке, в мире призраков, будучи сам призраком. Кто не грезит, тот не мыслит. Мышление является центром познавательного отношения человека к миру. Мы не сумели создать познавательное отношение к самим себе.
3. *«Мышление имеет доступ к познанию мира безразлично к отношению к миру».* Это чудовищная фраза. То есть познание - это отношение к миру. Кто к миру не относится, тот не вступает в познавательные отношения. Для того чтобы относиться к миру нужно быть вне мира. Это единственная позиция, которая позволяет реализовать отношение к миру или познавательное отношение. Доступ без отношений имеют только животные. Ибо они не относятся к миру, а являются его

частью. Вспомните Рильке. Только Мейясу знает, как можно познавать без познавательного отношения к миру, как можно мыслить без мышления. Мыслить без мышления могут только спекулятивные материалисты.

4. Мейясу жалуется, что Кант принуждает к корреляции *«явно безразличные к нашему отношению к миру элементы соотносятся с этим отношением»*. То есть Кант принуждает элементы мира относиться к нашему отношению. Кант ничего не принуждает. Мейясу предлагает спрашивать у вещи разрешение на то, каким способом её можно познавать: посредством математики или при помощи воображения? Это безумие ещё одно.
5. *«Как мышление может помыслить то, что действительно может быть, когда нет мышления»?* В этом глубокомысленном вопросе Мейясу, на самом деле, скрыт очень простой вопрос: как мысль может мыслить без человека? Вначале Мейясу думал, как можно мыслить то, что было до человека. Потом он, видимо, понял, что это смешной вопрос. Человек как мыслит, так и будет мыслить как то, что было без него, так и то, что есть и будет с ним. Тогда Мейясу понял, что нужно мыслить мысль вне связи с тем, что мыслит человек. Поэтому спекулятивный реализм – это неантропологический жест современной философии. Поэтому в ближайшем будущем спекулятивный материалист напишет новое эссе, в котором расскажет, что по-настоящему спекулятивно мыслит, пожалуй, только алгоритм.
6. Обратимся к вечной корреляции. *«Как случилось так, что философия не встала на путь прямо противоположный трансцендентальному или феноменологическому идеализму, а именно на путь мышления, которое способно считаться с некорреляционной действительностью математики, то есть с фактом науки подлинно понятой как могущество децентрализации мышления»*. Мейясу отвечает: всё дело в крахе метафизики. Юм и наука убедили всех в том, что любая метафизика иллюзорна. Это значит, что иллюзорна любая форма доказательств. Что такое доказательство? Есть зыбкий мир чувств и опыта. Доказать в нём что-либо невозможно. Метафизика же нас уверяла в том, что существуют вечные ненаблюдаемые сущности. Для того чтобы что-то доказать, нужно было пробраться в этот мир, взять с собой какую-нибудь ненаблюдаемую сущность и вернуться вместе с ней в зыбкий мир опыта, положив её в

основание. Вместе с крахом метафизики было разрушено понятие необходимости, достаточного основания и абсолюта.

Но Мейясу не говорит главного. Он не говорит, что Кант вернул необходимость и достаточные основания посредством изыскания в области субъективного. Априоризм отличает Канта от Юма. Эта субъективность, или априоризм, уничтожается спекулятивным материализмом Мейясу. Метафизики нет, утверждает Мейясу, а абсолюта нет. Например, действительность математика абсолютна. При этом Мейясу забывает две вещи. Первое: математика - это не язык истины, она не объективна и не субъективна, она формальна. Второе: есть математика множеств Канта, на которую ссылается Мейясу, но у этой математики много проблем, часть из которых решается интуиционистской математикой Брауэра и Колмогорова, которые имеют дело с таким субъективным инструментом как интуиция. При этом никакие вещи в себе и никакая спекуляция её не интересует.

Об опыте сознания

Что такое «опыт сознания»? Возьмём объяснение у Гегеля. Что такое опыт сознания, объясняет Гегель в «Феноменологии духа». Обычно опыт понимается как переход от одного случайного предмета к другому случайному предмету. Опыт сознания устроен по-другому. Он начинается с противостояния сознания и предмета. Но второй предмет образован в рамках сознания как знания о первом предмете. В этом вся фишка. Второй предмет появится как знание о первом в рамках сознания. Например, я смотрю на цветы. Цветы - это первый предмет. Я знаю, что я смотрю на цветы. «Знаю, что смотрю» - это второй предмет. Благодаря чему возникает этот второй предмет? Благодаря моему знанию. Что теперь нужно сделать? Чтобы принадлежность знания мне не мешала движению сознания. Освободить сознание от меня. Что для этого нужно сделать? Во введении к «Феноменологии духа» Гегель говорит так: *«Нам не нужно применять наши выдумки и мысли. Отбрасывая их, мы достигаем того, что рассматриваем суть дела как она есть в себе самой и для себя самой»*. Не для нас, а независимо от нас. Что обеспечивает суть дела? Обращение сознания. К кому? К себе. Сознание смотрит в себя как в зеркало, и этим обращением оно рождает новый предмет, новое знание. Я знаю, что знаю, что вижу цветы. Благодаря этому добавлению движения, сознание уходит не под мой контроль, а под контроль необходимости движения к абсолютному знанию, в котором последовательный ряд разного рода опыта сознания возвышается до науки. Это последовательность получает необходимую направленность, не мной определяемую, а

абсолютом. Это необходимость находится для меня за моей спиной. Я её не вижу. Я вижу только формальную сторону, а всё содержание принадлежит абсолюту.

Использует ли Мейясу институцию опыта сознания? Нет. Движение к абсолюту? Нет. В конце книги Мейясу говорится о двух корреляционистах. Гуссерль и Хайдеггер. Гуссерль в работе «Коперниканский переворот коперниканского переворота» комментирует гипотезу об уничтожении жизни на Земле. Он пишет: *«Какой смысл могло бы иметь столкновение масс в пространстве в том самом пространстве, которое сконструировано априори как абсолютно гомогенное, если бы конституирующая жизнь была бы уничтожена? Имеет ли само это уничтожение, если оно вообще имеет хоть какой-то смысл, смысл элиминации именно конституирующей субъективности. Это живёт и предшествует всякому актуальному и возможному бытию»*. Вы поняли, какой сделал шаг Гуссерль? Это предшествует всякому актуальному и возможному бытию.

Для Мейясу это и есть пример увековечивания корреляции. Что сделал Гуссерль? Он сказал, что это предшествует всякому бытию. Это и есть корреляция. Это предшествование и составляет смысл корреляционизма Гуссерля. Но Гуссерль имеет в виду совершенно другое. Он берёт совершенно важную вещь под названием очевидность. Если Мейясу и Гегеля интересует абсолют, то Гуссерля прямо противоположное. Он жертвует абсолютном ради очевидного или самоочевидности. Мейясу это не интересует. На самом деле, это пример того, что получается у мыслителя, когда он пытается субъективность мыслить вне связи с человеком. Тогда получается вечное эго. В чём можно сделать упрёк Гуссерлю? В том, что он пытался помыслить субъективность без связи с человеком. Мейясу не делает этот упрёк.

Второй корреляционист – Хайдеггер. У Хайдеггера бытие, его пастух, человек, и природа конституируются как фундаментально неразделимые. Мейясу цитирует письмо Хайдеггера от 11 октября 1931 г., в котором он разделил человека и природу: *«Я часто спрашиваю себя. Для меня это давно было фундаментальным вопросом. Какова была бы природа без человека, если бы она не отзывалась в нём»*. Если бы природа не отзывалась в человеке, то она была бы без органики. Никакой загадки здесь нет. Гибель человека – это гибель органической жизни без всякой надежды на её возвращение. Одновременно это был бы и финал для бытия, поскольку оно зависит от человека.

Хайдеггер. Басня о человеке

В книге «Бытие и время» Хайдеггер обращается к доонтологическому истолкованию присутствия как заботы. Это истолкование он находит в одной старой басне. Суть её состоит в следующем. Однажды Забота переходила через реку. Увидев глину, она взяла кусок и начала бессмысленно формовать. Пока забота раздумывала над тем, что у неё получилось, к ней подошёл Юпитер. По просьбе Заботы он придал душу сформированному куску глины. Пока Забота и Юпитер спорили об имени этой формы, поднялась Земля и предложила дать изделию своё имя, ведь она наделила эту форму телом. В конце концов, спорящие обратились к Сатурну, и Сатурн выдал следующее решение. *«Ты, Юпитер, поскольку дал душу, при его [человека] смерти получишь душу. Ты, Земля, поскольку подарила тело, должна получить тело по смерти. Поскольку, однако, Забота первая образовала это существо, пусть пока оно живёт, Забота им владеет. Поскольку же об имени идет спор, то пусть существо называется *hitus*, земля».*

Первое, на что обращает наше внимание рассказ, - это на принадлежность человека. Во время жизни он принадлежит заботе о своем существовании. После смерти человека его тело должна получить земля. Бессмертие - это невозвращенный долг земле беззаботного человека. Душу должен получить Юпитер. Но что получила Забота? Заботе отдаётся жизнь, у которой есть начало и конец. Человек принципиально конечное существо, нечто временное. И всё это время проводит в заботе о своем существовании. Таково решение Сатурна, олицетворяющего время. Бессмертие человека - нарушение порядка, невозвращенный долг Земле и Юпитеру, обман времени.

Второе, на что мы обращаем внимание, - это вопрос о том, что будет после смерти человека. То же, что было до начала, или что-то изменится? Временная структура заботы ничего об этом не говорит. Хайдеггер считает, что временная структура есть структура бытия в мире, но он не говорит, в каком мире. В мире сущего или в мире призраков? Совместимо ли бытие в мире с техническим отношением человека к самому себе? В рамках технического отношения человека к себе в современной философии формируется идея о человеке как материале для компостера.

Итак, проблема доисторического Мейясу не пробудила нас от сна, ибо никакой проблемы доисторического нет. Законы относительно мира формулируется вне связи с бытием или небытием человека. Как скажет Кант: бытие не реальный предикат. Мышление о мире без мышления - это прерогатива не математики, а искусственного интеллекта. Примирение мышления и абсолюта не состоялось. Вместо примирения мы

получили вопрос, на который ещё нужно ответить. Это вопрос о том, чем человеческий интеллект отличается от естественного, а естественный от искусственного.

Тезисы о трех онтологиях

1. Можно жить в мире, основанном на числе. Этот мир легитимизирует дигитальная философия. Первый дигитальный философ – Пифагор. Что это за мир? Это мир информации. С информацией человек работает при помощи мозга. В дигитальном мире требуется интеллект, а не сознание. Ибо сознание работает со смыслами. Человеческий мозг предназначен эволюцией для обработки конечной информации, но информация не знает пределов. Она устремлена к бесконечности. Разрыв между конечностью человеческого мозга и беспредельным характером информации разрешается в идее искусственного интеллекта, расширяющего возможности естественного. Взрыв галлюцинаций в палеолите изъяс человека из ведения природы и подчинил его грезам. Даже Кант в предполагаемом начале человеческой истории обратил внимание на то, что человек стал создавать желание, независимое от побуждений природы, осознавая себя как цель природы. Палеолит - это время полноты сознания немногих. Интеллект - достояние всех. Всеобщим его делает язык. Язык сознания и язык интеллекта - это разные языки. В одном случае мы имеем дело с образом, в другом - со знаком. В первом случае речь идет о внутренней жизни человека. Символ - это образ внутренней жизни. Во втором - о внешней жизни человека. Знак не имеет никакого отношения к тому, что обозначает. Символ - это не знак, а то, что тождественно символизируемому. Внешняя жизнь человека мало чем отличается от жизни животных. Сознание возникает как привилегия внутренней жизни немногих или даже одного. Внутренняя жизнь требовала расширение сознания за пределы этих немногих. Средством расширения стали мистерии и искусство. Заполнение пустоты естественной жизни требовало расширение телесного. Техническое является результатом этого расширения. Телом управляет мозг, расширением технического – интеллект. Человек стал обменивать сознание на интеллект, мистику на технику.
2. Можно жить в мире, основном на бытии. Этот мир легитимизирует онтологии. Первый онтолог – Парменид. В мире бытия, как и в мире числа, человек не нужен. В нём мысль и бытие есть неделимое одно и то же. В этом мире человек предстает как источник неистинного. Бытие, тождественное смыслу, делает мир завершенным. С этим согласен и Парменид и Гегель. Что из этого следует? Что сознание должно примириться с действительностью. Это значит, что сознание исчерпывается знанием. Примирение должно нас защитить от сознания. Сознание – это работа образов, то есть того, о чем

человек думает. Что нам говорит Гегель? Что символ - это недоразвитое понятие, а знак убивает образ. Он говорит нам: перестаньте воображать, и невообразимое вас покинет, откажитесь от сознания, не ищите смысла, смысловые связи ничего не значат, дайте возможность для работы абсолютного духа. Абсолютный дух - это старое имя интеллекта, который реагирует только на алгоритм. Живите не символами, а алгоритмами, говорит он. Вам не надо больше думать самим. Когда вы окупаетесь в алгоритмы, вы поймете, что вы тоже алгоритм и ничто больше. Думайте знаками, ибо знаками думать невозможно. Отказ от сознания, эксплуатация ресурсов интеллекта и составляет смысл сегодня коммуникативного поворота. Ведь коммуницируют не потому, что есть что сказать, а для того чтобы не встречаться с самим собой. Жить в пещере - значит жить человеческой жизнью, то есть принадлежать не миру, а образу. Вступать в коммуникацию - значит заявлять о принадлежности миру, а не сознанию. Коммуницировать - значит пытаться думать знаками. Чем отличается интеллект от сознания? Тем, что интеллект всегда перебирает варианты, а сознание придает смысл бессмысленному.

Лекция № 7

Призраки Деррида. Конец истории. Сфера жизни Деррида. Тезисы о трех онтологиях (продолжение)

Деррида очень интересный философ, особенно поздние его работы. В 1993 г. вышла книга «Призраки Маркса». О чём эта книга? О призраках, о том, что и не вещь в себе и не вещь для нас, и неживое и не мёртвое, а нечто третье. Это третье и не присутствует и не отсутствует, хотя и дано. И, конечно, она о Марксе как о призраке.

Мысль о призрачности бытия делает эту книгу антропологически ориентированной. Призракология Деррида стала символическим указанием на выход из тупика, в котором оказалась европейская философия. Что это за тупик? Европейская философия, поставив вопрос о бытии, забыла, что ответ на этот вопрос зависит от ответа на вопрос «что есть человек?». «Призраки Маркса» - это некоторое движение к ответу на этот вопрос.

Поздний Кант хотел философию повернуть к человеку как к тому, что содержит в себе ключ к познавательному отношению к миру. Но континентальная философия отклонила вопрос о человеке и решила поставить вопрос об исследовании природы такой, какой она есть сама по себе. Мейясу, Латур, Харман – все они по-разному относятся к корреляции бытия и мышления. Но никто из них не осмелился поставить вопрос об изучении человека самого по себе. «Человек - незначительная часть природы», - говорят они.

По словам Хармана корреляция хороша тем, что не позволяет изучать человека вне связи с миром, но она плоха в том отношении, что мешает изучить мир сам по себе вне связи с человеком. То есть природу вне связи с человеком надо изучать, а человека вне связи с природой нельзя изучать. Почему? Природа - это не то, что находится вне человека, вне его я. Всё, что находится вне его я, отсчитывается от я. Я, как зеркало. В нём отражается весь мир. Каким? Таким, как он есть сам по себе, но видим мы его в формах действия человека.

В мире вещей нет я, то есть в действительности я является вещью в себе. В бесконечном множестве объектов есть дыра, разрыв, непроницаемое пятно, которое ставит под вопрос доступность человека к истине, к вещам самим по себе. Кант был первым, кто заговорил о странном отношении между я, которое мыслит, и я, которое созерцает. Ибо это одно и то же я, которое воздействует на себя.

Разрушая принцип тождества бытия и мышления, спекулятивные материалисты вместо человеческого я избирают другую точку отсчёта. Ею становится абсолютное знание. Новым материалистам нужен абсолют, ибо без абсолюта у них будет дыра в объектах, не будет точки отсчета. Абсолют есть эта точка. Спекуляция для материалистов предстаёт как способ связи с вещами сами по себе.

Ответ Деррида другой. Природа - это только часть человека. Если бы это было не так, то не было бы никаких условий для существования виртуальной реальности. Эта реальность существует не потому, что есть абсолют, а потому, что есть человек. Виртуальность нельзя приписывать вещам, как их возможное свойство. Границы возможного отсчитываются от человеческой субъективности. Это и не свойство абсолюта. Виртуальность принадлежит человеку, его способности галлюцинировать и воображать. Вещи не могут расширять вещи, а галлюцинации расширяют мир вещей и в этом расширении не зависят от вещей. Так мы переходим к тому, что Деррида называет призраками.

Призраки Деррида

«Повтор и первый раз - вот о чём, возможно, идёт речь, когда мы задаемся вопросом о призраке. Что такое действительность или отсутствие призрака?». Что такое действительность? Это то, в основании чего лежит действие человека, а в действии человека всегда присутствует призрак. Как называется этот призрак? Цель. Поэтому человеческая действительность всегда призрачна.

О вещах можно рассуждать в бинарных терминах. О призраках можно говорить только парадоксально как о неприсутствующем присутствии, как о здесь-бытии

отсутствующего. Человек вовлекается одновременно и в социокультурные процессы, которые предполагают повторяемость, и в творческие процессы, которые требуют бытия того, что может быть только первый раз. Что это значит? А это значит, что мысль асоциальна. Ибо мысль – это всегда новая мысль, а искусство антикультурно, ибо оно всегда связано с производением.

Деррида пишет: *«повтор и первый раз, но также повтор и последний раз, поскольку уникальность каждого первого раза превращает его также и в последний раз»*. Хотя событие каждого раза заключается в том, что первый раз оказывается последним разом в этом событии, вполне возможным оказывается серия событий под названием второй первый раз.

Дух, говорит Деррида, похож на призрак. Призрак похож на дух. В чём их сходство? Неизвестно. Почему? На этот вопрос Деррида отвечает так: мы не знаем это не по неведению, *«а потому, что этот необъект, это неприсутствующее присутствие, это здесь-бытие отсутствующего или уже исчезнувшего не имеет отношения к знанию»*. Иными словами человеческий мир фундаментально разделён. Всё, что мы делаем по отношению к природе имеет отношение к знанию, подчиняется принципам объективности, постоянства, повторяемости, а всё, что мы делаем по отношению к самим себе, по отношению к внутреннему миру оказывается субъективным. Оно выходит за пределы знания. И ученый в рамках антропологического поворота оказывается в какой-то двусмысленной ситуации, ситуации ускользающего от него необъекта. Фигура учёного связана со знанием. Но что ему делать, если он сталкивается с ускользающим от него объектом, если он сталкивается с неисследованной субъективностью? Ученый не может не верить, что есть граница между реальным и нереальным, живым и неживым, бытием и небытием.

Наука всегда наивна, полагая, что имеет дело с самой реальностью, и ничто не может превзойти границы между реальностью и субъективностью. *«Всё, что превосходит эту оппозицию, представляет собой, с точки зрения школы, всего лишь школьные гипотезы, театральный вымысел, литературу и умозрение»*. Но придёт время другому интеллектуалу. Тому интеллектуалу, который не столько заинтересован в изучении природы, сколько заинтересован в изучении внутреннего мира человека, так называемой субъективности. Тогда ему придется превзойти оппозицию присутствия и неприсутствия. Лишь только превзойдя эту оппозицию, можно помыслить возможность призрака. Сам призрак как возможность. Тогда новый интеллектуал или новый учёный создаст новый язык и вступит в разговор с призраками. Говорить с призраками означает на языке Деррида поворот к исследованию субъективности. Тот, кто решится на этот поворот, будет «человеком

вполне безумным». Призрачное бытие принадлежит индивиду, но общество изымает его из ведения человека, отчуждает, и оно становится общественно необходимым призраком. Доступ к призраку становится публичным, контролируемым культурой, но согласованные галлюцинации не перестают быть галлюцинациями. Их нельзя рассеять, изгнать. Призрак - это проблема антропологии, а не социума. Изменить социум не значит избавиться себя от призрачного бытия.

Конец истории

В начале XX в. в России Бердяев и Розанов заговорили об апокалипсисе. В конце XXв. Европа перестала быть христианской, следовательно, Россия перестала быть Европой. В 50-е г. XX века среди европейских философов обсуждался вопрос о конце истории, о конце человека, о конце философии. В нём мелькали ссылки на Гегеля, Маркса, Ницше, Хайдеггера. Апокалиптический хлеб, пишет Деррида, питал наши разговоры. Прошло 40 лет, и в 90-е г. в Европе вновь возник вопрос о конце истории. Только теперь он уже возник, по словам Деррида, как навевающий скуку анахронизм. Поезд ушёл, а опоздавшие всё ещё пытались в него вскочить, чтобы не опоздать к финалу истории. Среди них самым прилежным был читатель Кожева Фукуяма. Человек с наивной верой в либерализм и капитализм. Фукуяма не понял, что собственно человек - это человек, отрицающий наличное бытие, поэтому он не понял Кожева, который писал: *«Исчезновение человека в конце истории не будет катастрофой. Природный мир останется таким же, каким он был от века».*

«Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма», - Деррида цитирует манифест Маркса. В манифесте, по его словам, был манифестирован некий призрак, галлюцинация, отцеподобный персонаж столь же могущественный, сколь и нереальный. Коммунизм ещё не существовал, а его призрак уже бродил в умах людей. Он – то, что должно быть в отличие от того, что есть. Есть наличная реальность, а ещё есть будущее, в котором поселился призрак коммунизма.

Что такое революция? Это стирание границ между наличным бытием и призраком посредством реализации призрака. Вся человеческая история есть не что иное, как непрерывно возобновляемая попытка стереть границу между наличным бытием и призрачным бытием. Поэтому мы, люди, перманентные революционеры. Почему перманентные? Потому что мы всё время хотим стереть границу между тем, что есть, и призрачным бытием.

Маркс – учёный. Маркс верит в существование границы. Он думает, что он знает, чем реальность отличается от призрака. Он думает, что он знает, чем наличное бытие отличается от призрачного бытия. Стирание границ между наличным и

призрачным - это симптом пребывания человечества в долгом сновидении. Верить, что можно отличить реальность и сон, - значит ничего не понимать в человеке. Деррида говорит: если Маркс верит в существование границы – значит, он не верит в революцию. Выходит, что Маркс не марксист. Вернее, Маркс революционер, который не верит в революцию. Следовательно, революция заранее обречена на поражение.

После гибели СССР призрак коммунизма ушёл в прошлое. Ему больше не вернуться. Ибо, как скажет Деррида, вернуться можно из будущего. Из прошлого призрак можно вызвать только с заклинанием, колдовством: *«Прежде чем узнать, можно ли провести различие между призраком из настоящего и призраком из будущего, настоящим в прошедшем и настоящим в будущем, возможно, следует спросить себя: не состоит ли эффект призрачности в том, чтобы разрушить это противопоставление. Тогда то, что было социальной проблемой, станет проблемой антропологической»*. Это значит, настанет время пересмотра наших понятий об обществе. Призрачность человеческой жизни принадлежит не онтологии, не размышлениям о сущем, а призракологии.

Маркс критикует Штирнера за грязное мышление, за производство призраков индивидуализма. Деррида критикует Фукуяму за апологию США. Для Деррида будущее является проблемой мессианской, но мессианское Деррида понимает в качестве того, что не нуждается в мессии. Стоит заметить, что проблема мессии состоит не в том, что его нет актуального в настоящем, а в том, что он должен прийти из будущего, и его ещё нужно узнать как миссию. Зачем он придет? Он придет, и исполнятся наши желания. Если он не приходит, то лишь только потому, что исполнение наших желаний ведёт в ад. Он ждёт, когда изменятся наши с вами желания.

«Призраки Маркса» - это, конечно, сам Маркс, а также коммунизм. Деррида пишет: *«Отныне мы будем называть призраками Маркса определенные образы, которые Маркс первый воспринял, а порой описал их присутствие»*. Призрак коммунизма обрёл плоть после Маркса, и мы почувствовали дыхание ада. Нельзя сказать, что этот призрак нынче исчез, хотя он исчез. И многие экзорцисты торжествуют, празднуют победу, даже Маркс самоуверенно полагал, что призраки можно изгнать, рассеять. Для этого надо, он думал, только изменить общество. Но что-то нам говорит, что призрак коммунизма ушел не навсегда. Он просто притаился, притих и ждет своего часа. Кто-то оплакивает его исчезновение, кто-то взывает к нему и ждёт новое пришествие. Многих пугает призрак самого Маркса. Он пугает возможностью повторения страшного 20в. Другие видят в нем идеи грядущей справедливости.

Деррида призвал нас не забывать читать Маркса. Отличительная черта дискурса Деррида состоит в том, что он не любит высказываться прямо не потому, что он чего-то боится, а потому что он хочет пройти испытание окольного пути. Он подкрадывается к предмету разговора издали, сбоку, со стороны неочевидного. Поэтому он идёт к Марксу не от текста Маркса, а от Шекспира, Валери, Фукуямы, Бланшо. Деррида любит детали, маргиналии, филологические тонкости, которые не могут не утомлять торопливого читателя. Поэтому читая Деррида, не надо торопиться. Но и не надо ожидать, что Деррида в какой-то момент предъявит тебе значимый текст или фрагмент текста из сочинений Маркса. Никакого предъявления текста не будет, не будет и анализа. А что же будет? Будет попытка сказать ещё что-то, что может быть сказано лишь поверх того, что говорится. Вот это сверхсказанное мы находим под рубрикой, озаглавленной Деррида как вступительное слово.

Во вступительном слове Деррида сказал всё, что он хотел сказать, ничего не говоря о Марксе. Он сказал то, что в Деррида возникло неожиданно для него самого. В дискуссии с Марионом Деррида ещё осознает себя феноменологом, хотя и частично. Во вступительном слове мы видим невиданного Деррида. 10 лет спустя, когда он давал своё последнее интервью газете «Монд», он вновь повторил сказанное. В конце концов, вопрос о том, куда идёт марксизм, не так важен, как вопрос о том, что же пошло не так в человеческой истории, пошло не так, как думали марксисты, направляемые идеей естественного исторического процесса. История не является естественной, если в ней участвуют призраки, а призраки в ней участвуют. Это ясно видно по работе «Восемнадцатое брюмера» Маркса. Деррида же расширил список тех, кто принимает участие в истории. В ней присутствуют не только те, кто живет в данный момент, но и те, кто жил и уже умер, а также те, кто еще не родился. Слово «народ» объемлет и тех, и других, и третьих. Эта христианская мысль была ясно выражена в русской философии и была переоткрыта в «Призраках Маркса». Даёт ли нам новую оптику призракология Деррида? Может ли она исправить понятие естественного в историческом процессе, который привел человечество к ситуации пата? И позволяет ли она переосмыслить время?

«Я хотел бы наконец-то научиться жить». С этих слов начинается своё выступление Деррида. «Научиться жить» - странный призыв. Нечитаемая синтагма. Что в ней может быть понято, переведено на другой язык? Её странность в том, что она звучит со стороны. Чего? Сознания. То есть того, чьё имя ни разу не будет упомянуто в книге. Учит учитель. Когда этот призыв произносит учитель, в нём, по словам Деррида, присутствует насилие. Оно направлено всегда в одну сторону. От отца к сыну, от учителя к последователю, от господина к рабу. Нас учат жить, нас воспитывают, нам прививают культуру, нам прививают опыт. Научиться жить, по замечанию Деррида, невозможно для живого существа. Почему? Потому что учиться жить у самого себя -

есть логическое противоречие. Но человеческая жизнь - это как раз и есть не логический процесс, а абсурдный. Что же подразумевает Деррида под понятием «живое существо»? Ведь всё живое делится на тех, у кого есть тела для эволюции, и на тех, у кого есть тела для грез. У первых нет необходимости учиться жизни. У вторых она есть; и учатся они не у другого, а у самих себя. Другой - это всего лишь калитка, через которую человек входит в социум. Другой хорош для социализации, а не для жизни. Поэтому слова Деррида о том, что можно научиться жить у другого, находящегося на краю жизни, имеют какой-то скрытый смысл. Этот смысл уже определяется не другим, а оппозицией жизни и смерти.

Мудрость гетероидики Деррида состоит в том, чтобы научиться жить самому у самого себя. Не существует другого способа жить, если мы грезящие существа. Учиться у себя - это задача и невозможная и необходимая одновременно. Где появляется сознание, там появляется и жизнь, отделённая от смерти. Проблема состоит в том, что промежуток между жизнью и смертью существует, и существует он не у всех живых существ. Этот промежуток – не объективная реальность, и вообще не реальность. Природа не знает этого промежутка. Он возникает в сознании у того, кто галлюцинирует, кто освободил себя от эволюции и провел границу между внешним и внутренним. Ни жизнь, ни смерть, взятая порознь как биологическая реальность ничему нас не научит.

Деррида пишет: *«То, что разворачивается в промежутке между ними, в каком угодно промежутке, ибо это всегда промежуток между жизнью и смертью, есть не что иное, как беседа с некими призраками»*. Призрак - это не живое и не мертвое. Это территория человеческого существования. Отсутствие призраков указывает на территорию нечеловеческого, будь она органической или неорганической. В человеческой жизни всё начинается с галлюцинации. Когда человек рождается, первое, что он встречает, - это галлюцинация. Когда человек умирает, последнее, что он видит, - это галлюцинация. Она может мелькнуть, как вспышка молнии, и осветить всех и всё. Все её могут увидеть, но не все могут удержать свет. Нельзя не согласиться с Деррида в том, что призракология – это логика более мощная, чем любая онтология и любая мысль о бытии.

Движение последующего текста подобно письму в потьмах - говорит Деррида - неведущего того, что ещё должно случиться. Следовательно, это всего лишь попытка более или менее последовательно проанализировать вступительную фразу «я бы хотел научиться жить, наконец». Письмо в потьмах - это спонтанное движение мысли Деррида к тому, чтобы на месте бытия поставить призрак, научиться жить в промежутке между жизнью и смертью. Что это значит? Кому нужно учиться? Животному, алгоритму? Это значит, что промежуток отсылает к тому, что именуется себя

сознающим существом. Если забыть о человеке, вычеркнуть его из ассамбляжа вещей, тогда надо учиться либо у жизни либо у смерти как у некоторых сущностей. Последуем дальше за Деррида. *«Этому нельзя научиться не у жизни, не у смерти, взятых порознь».*

Письмо в потьмах приводит Деррида в ту точку, где нужно ответить на вопрос: откуда у нас, у людей, появилось чувство реальности. Если реальность нам дана прямым образом, то чувство реальности может возникнуть только у того, кто неожиданно для себя начинает грезить. Не может быть так, чтобы у одного человека было чувство, а у другого реальность. Галлюцинация нам всегда дана, но она не существует. Поэтому под словом «реальность» имеют в виду и то, что существует, и то, что дано. Но смешивать одно с другим нельзя. Если мы это сделаем, мы получим нелепую философию в виде новой философии Деланда, объект-объектной онтология Хармана, спекулятивного реализма Мейясу и философии гиперобъектов Мортонна. Новые философы игнорируют то, что Деррида назвал сверхжизнью, которая этим свойством, этим сверх нарушает самотождественность своей реальности. А сверхжизнь - это просто расширение жизни человека посредством мнимостей.

Если исходить из того, что мир состоит из объектов, то тогда нужно принять мысль о случайном тождестве реальности себе самом. В таком случае возможно торжество примитивного материализма, того, кто отрицает существование духов. Духи существуют, говорит Деррида: *«и с ними невозможно не считаться».* Деррида выражает свой антропологизм при помощи того, что он называет промежутком между жизнью и смертью. Этот промежуток есть не что иное, как беседа с некими призраками. *«Призрак есть некоторая галлюцинация, или симулякр, оказывающаяся более реальным или действенным, нежели то, что мы называем живым присутствием.* Призрак более реален, чем любое живое присутствие. Осознание этой мысли постепенно проникает в современную философию.

Русский язык не связывает призраки с духом. Французский язык их связывает. Вещи не надо понимать, а призраки нам надо понимать. Почему? Потому что они никогда не присутствуют как таковые. А как же они присутствуют? Не сами по себе, не как субстанции и сущности, а как то, что указывает на то, что оно не есть. Следовательно, как неотъемлемая от присутствия человека мнимость. Но значит ли беседа с призраками то же самое, что и слово «мыслить». Ведь мыслить - значит полагать несуществующее. Научиться жить нужно не с вещами, которые присутствуют, а с мнимостями, или, как говорит Деррида, с призраками, которые отсутствуют в природе, но присутствуют в глазах человека. Почему нам нужно научиться жить с призраками? Если мы хотим сохранить не чистый разум, а человеческий взгляд на

жизнь, нам придётся сохранить вместе с ним и призраки, потому что призраки живут внутри нас. Эти призраки с необходимостью воспроизводятся в нас без нашего на то согласия.

Все мы живем с призраками в сообществе, но никакого совместного бытия с другим без совместного бытия с призраком нет. Социальное бытие без призрачного бытия не имеет смысла. Быть вместе без бытия вместе с призраком невозможно. Философия, которая игнорирует бытие с призраками, не имеет никакого человеческого смысла. Если бы в обществе не было бытия с призраками, то оно превратилось бы в общество алгоритмов, и в нём была бы осуществлена полнота нормальных отношений, права и обязанности. Что мешает алгоритмизации общества? Бытие с призраками. Оно мешает проникновению в него цифры и одновременно даёт надежду праву. Там, где невозможна идея справедливости. Эта мысль Деррида плохо усваивается.

Бытие с призраками мешает проникновению в общество цифры, и они дают надежду для человека быть человеком, а не гибридом органики и кремния. Там, где есть полнота права, там невозможны идеи справедливости. Эта мысль Деррида плохо прививается в марксизме. Бытие вместе с призраками требует не прав, а справедливости. Это то новое, что пытается делать Деррида. Как говорит Аксаков, если есть право, то совесть человеку не нужна. Справедливость никогда не может быть сведена к праву. Она выше права, потому что право ограничено теми, кто присутствует, а к справедливости призывает те, кто еще не родился и те, кто уже умер. Людей, говорит Деррида, тех, кто живёт, присутствует сейчас в качестве живых людей – вот, кто требует справедливости. Быть справедливым - значит превосходить настоящее. Что это значит? Всё, что существует во времени, не имеет ни тела, ни места. В каждом из нас, говорит Платон в «Филебе», есть внутренний живописец. В каждом из нас живут призраки, и мы хотим дать им образ или тело. Всё временное относительно, но что относительно, то не абсолютное.

Что значит превосходить настоящее, о котором говорит Деррида? Призрак, возникнув во времени, разрушает направленность времени, последовательность всех его модальностей. Дело в том, что бытие вместе с призраками, то есть человеческое бытие имеет прошлое, которое не ведет к настоящему, и будущее, которое не независимо от настоящего. То, что находится перед нами, должно нам предшествовать как начало. Это, говорит Деррида, может шокировать, но бояться не надо. Но тогда нас должны шокировать наши предки, ибо они были перед нами, а мы после них. Нам с необходимостью потребуется понять жизнь как сверхжизнь, следами которой является жизнь и смерть. Настоящее без прошлого и без будущего требует преодоления присутствующей жизни.

Сфера жизни Деррида

Прошлое, которое не ведёт к настоящему, - это и есть наше будущее. То, что нас ожидает. То, что нас ожидает, не зависит от настоящего. Нарушение самоидентификации всякой реальности говорит о том, что духи существуют, и человек никогда не существует один. Он всегда больше одного. Что можно сегодня сделать? Дать приют бездомным призракам ради заботы о справедливости. Что такое сверхжизнь? Ответ на этот вопрос, возможно, связан с переосмыслением тех способов, которыми сознание присутствует в жизни людей. Поэтому ребёнок, рождаясь, кричит почему? Он кричит от страха быть в сознании, сознание открывает ворота смерти. Почему мы боимся смерти? Потому что мы боимся быть в сознании. Умирать в сознании - это невиданное наказание за то, что ты посмел родиться. Что делает сознание? Оно говорит тебе голосом Мелани Кляйн с самого твоего начала: «Ты думаешь, что твои желания создают объекты, которые удовлетворяют твои желания? Однажды я приду к тебе, и ты узнаешь, что объекты желаний отделены от тебя. Ты не причина объекта. Я дам тебе чувство реальности, и ты познаешь правду о себе». Её знал философ изначального Гераклит. Что он говорил? Он говорил: во сне мы видим сны, в жизни смерть, а после смерти жизнь. Себе же я оставлю чувство жизни, а тебе – жизнь, которую Деррида назовёт сверхжизнью.

Тезисы о трех онтологиях (продолжение)

3. Мы можем жить в мире, основанном на призраках. Этот мир легитимизирует сегодня антропология и первый антрополог – Протагор. Человек всегда жил в мире иллюзий, человек всегда воображал и будет воображать. Те иллюзии, которые выводят человека за пределы опыта, Кант называл трансцендентальными. Эти иллюзии как сон наяву. Между тем, виртуальная реальность – это не сон наяву. Это техническое симулирование ситуации, посредством которой человек лишается встречи с самим собой. Человек сам по себе - это мнимость, нечто нереальное, получающее реальность посредством сознания. Сознание появляется как реакция на немоту мозга в управлении символическим телом человека.
В мире числа нельзя воровать и обманывать. В нём не нужно отличить живое от неживого, внешнее от внутреннего. Мир, основанный на числе, делает присутствие человека излишним.
В мире бытия нельзя полагаться на время. Нельзя откладывать вещи на потом. В нём всё возможно и налично. Что возможно, то и налично. В нем плодотворно только вычисление. Когда бытие тождественно мысли, тогда не возникают проблемы с доступностью вещей, но для человека этот мир является необитаемым. Чтобы быть в нём, он должен лишиться сознания.

Мир, основанный на кажимостях, допускает в себя человека в той мере, в которой он является сам призраком. Но за это допуск нужно платить. Чем? Отказом человека от мира. Человек перестает быть частью мира. Замечу, что объектно-ориентированные онтологии мыслят природу вне связи с человеком. Напротив, сингулярная антропология мыслит человека вне связи с природой. В мире видимостей отклоняется бытие, ибо оно не предполагает времени. В этом мире отклоняется принцип корреляции. Мысль может мыслиться вне связи с бытием как некое самостоятельное событие, а бытие может мыслиться как нечто, независимое от мысли.

Человек – не центр мира, если в нём повторяется только неживое, а различается только живое. Неживое, конечно, появляется раньше живого, а живое - раньше человека. Живое мыслится и существует вне перспективы стать живым. Быть живым - значит быть иным. Удел всего живого – разлагаться. Если живое захочет быть вечным, оно, по словам Шеллинга, должно восполнить ошибочно ставшее в себе. То есть Шеллинг предлагает заняться редактированием своих генов. Шеллинг - противник сингулярной антропологии. Почему? В силу наивности XIXв. Он пишет: *«В момент, когда Земля вторично станет необитаемой и пустой, явится новым моментом рождение высшего света духа, который от века был в мире»*. Сегодня можно сказать, что не будет второго момента рождения света в мире. Ибо дух в нём, может быть, и был от века, но человек в нём был не от века. Природа не рождает свет, а история не рождает дух. Она рождает только призраки духа. После взрыва галлюцинации начинается время сознания. Это время призраков и сновидений. Где существует сознание, там существует и бессознательное. Бессознательное - тень сознания. В нём нет ничего, что не было бы в сознании, кроме самого сознания.

Лекция № 8

Спор о Софии. Третий род бытия. Критика идеи всеединства. Флоренский «Столп и утверждение истины». Предсуществование. Булгаков «Свет невечерний». О софийности смерти. Нужна ли София русскому сознанию?

С этой лекции материал меняется. От европейской философии, культуры перейдём к русской культуре, русской философии. Тема остается та же самая. Нас интересует человек, философия, философская антропология и весь круг связанных с этими темами проблем.

Начнём с трёх мыслителей: Соловьёв, Флоренский, Булгаков и с темы Софии. Почему-то так считается, что в русской философии, если что-то и придумано, то это концепция евразийства, а второе – софиология. Оба эти концепта спорные. Рассмотрим концепт Софии в понимании Соловьёва, в понимании Флоренского и Булгакова. Всё это, в конечном счёте, даст возможность исследовать русские сказки.

Спор о Софии

Формально суть спора состоит в следующем. Поскольку Бог понимается как Премудрость, постольку Премудрость нельзя понимать в качестве Бога. Но что тогда такое Премудрость? Нужно ли её тогда понимать как абстракцию, или она есть некое живое существо? Так в русской философии возник спор реалистов и номиналистов. В неформальном споре о Софии решился вопрос о том, есть ли что-то за душой у русской философии, или у неё нет ничего. Может ли она сказать что-то новое или не может. По существу в споре о Софии речь шла о судьбе русского самосознания. Надо ли было на нём поставить крест или оно, как ни в чём ни бывало, продолжало существовать и после социальной катастрофы, но только уже вне связи с привычными формами православной веры.

В это время в Европе люди отвернулись от христианства. Они почувствовали себя самодостаточными. Люди были здесь наедине с цивилизацией, а Бог был где-то там, в другом мире далеко от них. В результате мир остался без Бога, а Бог без мира. На место Бога человек вынужден был поставить самого себя. В этой ситуации софиология решила миру вернуть Бога, а Богу – человека. Получилось ли у неё что-нибудь из этого или нет? Отказ от софийности означал крах проекта под названием «русская философия», крах русского сознания. Согласие с идеей софийности на деле означало реформацию православия, изменение христианства посредством полного церковного объединения. *«Мы, - писал Булгаков, - стоим лицом к лицу с христианами Запада и с миром язычества. В это время, когда происходят гигантские мировые катаклизмы, нам нужно объединяться».* Время шло, а полное единство христиан всё не наступало и не наступало. Почему? Потому что само понимание Софии было противоречивым.

О Софии в России писали и до Соловьёва. Например, Флоренский ссылается на сочинение о Софии Сперанского. И всё-таки концепция Софии в русской философии придумал Соловьёв, для которого София – это *«тёмного хаоса светлая дочь»*. То есть у Софии есть отец, и этот отец – хаос. Чтобы остаться в рамках христианского мировоззрения, Соловьёву нужно было хаос поселить в Боге, что он и сделал, положив, что *«в Боге есть хаос от века»*. Но что такое хаос в Боге? Соловьёв не разъяснил, а без этого разъяснения его концепт Софии становится туманным. Ясно только, что, полагая родственные отношения между хаосом и Софией, Соловьёв проблематизировал отношение Софии к порядку, к логосу. И, следовательно, сделал неочевидным место русской философии в интеллектуальном пространстве Европы.

Соловьев читал и перечитывал многих мистиков, но, на его взгляд, *«почти все они имеют характер чрезвычайно субъективный и так сказать слюнявый»*. Это значит, что каждый из них видит свои сны, и никто эти сновидения подсмотреть не может. Но самое интересное состоит в том, что опыт этих мистиков, не смотря на субъективность, совпал с опытом самого Соловьёва, особенно ценившего Сведенборга.

До Соловьёва никто из русских мыслителей не смел дерзнуть и положить свои собственные видения в основание философии. Все ссылались на авторитеты, и Соловьёв ссылался, но он был молод, талантлив и своенравен. Соловьёв едва ли не грезил наяву. София - это каприз Соловьёва, его детское видение, повторившееся затем в Лондоне и в Египте. София явилась ему так же, как когда-то явилась философия Боэцию в образе женщины. Соловьёв говорит с ней, и она открыла ему глаза на мир.

Под впечатлением от этой встречи Соловьёв написал в 1876 г. работу под названием «София». Лосев назвал эту работу довольно странной, незрелой. Тем не менее, русская философия заговорила в ней по-французски. Соловьёв пошел по следам Чаадаева. Соловьёв пишет: *«абсолютное первоначало не есть только начало любви, но также начало ненависти или злобы; не только начало единения, но и разделения»*. В самом Абсолюте Соловьёв видит распрю, раздор, но кто-то же должен был унять эту распрю, разрешить её каким-то способом. Этим кто-то и оказалась София Премудрость Божия.

В работе Соловьёва «София» смысл софиологии изложен в разделе под названием «Реальный процесс. Материя, атомы под воздействием сатаны». В нём существование конкретного единства связано с действием Софии. Почему есть что-то, а не ничто? Потому что есть София. А что такое София? Это единство. А что такое единство? Это чтойность. Но существует ли единство между Христом и антихристом? Тождествен ли Богу сатана? Является ли это тождество основанием для Софии?

Понятие единства объясняется Соловьёвым на примере атома, составленного из трех элементов. Первые два элемента - это центростремительная сила и центробежная, а третий элемент превращает первые два в устойчивое единство, в некую чтойность. Описание третьего элемента и составляет описание действия Софии. Это действие есть синтетический элемент, благодаря которому два стремления не разрушают друг друга, но объединяются в одно элементарное существо. Далее Соловьёв называет синтез душой, а единство - материализацией Божественного. Но что означает этот синтез для Бога? Может ли человек расширить границы абсолюта, ведь от Бога ничего нельзя отнять и ничего к нему нельзя прибавить. Если к нему ничего нельзя прибавить, как же он творит? Соловьёв на эти вопросы никак не отвечает, спрятав своё понимание Софии

в зоне непрозрачности, как бы на темной стороне сознания, хотя и даёт нам ясно понять, что не анализ, а синтез является способом существования в софийном мире.

Быть софийным не значит быть умным. Ум последователен, но не София. Софийна, как пишет Соловьев, улыбка. Почему? Потому что для неё нет причин. Не в уме, а в улыбке являет себя миру человек. Улыбаясь, человек говорит о том, что он «свободен от внешней необходимости мира явлений», тогда же как ум подчеркивает его зависимость от этого мира. «Человек, - пишет Соловьев, - не является исключительно природным существом». Но если он не является исключительно природным существом, то он является неприродным существом, то тогда между человеком и миром существует какая-то дистанция, какой-то разрыв. Поскольку человек удерживает эту дистанцию, постольку у него есть сознание, которое является себя миру в указательном жесте.

Отсутствие дистанции означает для человека сон. Грезы - это сон, в котором может родиться сознание. О том, что человек является человеком, говорит не труд, а искусство и поэзия. Метафизика человека выражается не в приспособительной к миру реакции, а в смехе. Смех софиен потому, что с одной стороны, в нём есть то, что соприкасается с идеальным, а с другой стороны, в нём есть то, что соприкасается с реальным. Человек смеётся над реальностью, насмехается над ней. «Я бы, - говорит Соловьёв о человеке, - назвал его существом, которое смеётся».

Человек смеётся не потому, что он является социальным существом. Быть социальным - значит быть в состоянии, в котором мы определены другим. Человек смеётся потому, что у него есть состояния, в которых он сам определяет себя, а, определяя самих себя, мы поневоле становимся асоциальными, то есть идеальными. Поэтому человеческое в человеке узнается не по его разумности, а по улыбке, по самовоздействию, которое материализуется в смехе. Бытие не смеётся. В нём нет софийного парадокса. Человек начинает себя не с бытия, а со смеха. Его начало не может быть бытием ещё и потому, что человек как раз и является тем, что имеет бытие. Иметь бытие - это значит не бытийствовать исполнением своего бытия.

В свиданиях Соловьёва с Софией актуализировалось невозможное, галлюцинаторное. В них мысль представляла зримой. Этим Соловьев и воспользовался, с самим собой начиная новый порядок рассуждения. Любые видения уже сами по себе феноменальны, ибо они прерывают культурные коммуникации и отсылают к самим себе как к истине в последней инстанции, как к высшей степени философствования. Ни одно произведение не нуждается в оправдывающей его институции. Напротив, оно сама объясняет всё. Его же не объясняет никто. Видения не зависят от логоса, не

подчиняются нормам логического. Скорее наоборот, логическое коренится в безумстве видений.

В образе Софии Соловьёв нашёл точку пересечения непересекающегося. Он нашёл некоторое конкретно всеобщее различных духовных практик и философских дискурсов: гностического и христианского, логического и мистического, локального и универсального. Возможность существования этой конкретной всеобщности он связал с Софией.

Соловьёв искал такую оптику, которая позволяла бы ему не отличать одно от другого, не строить таблицу сходств и различий, а расширять одно при помощи другого. Это расширение Соловьёв назвал софийным, ибо оно обладает интересным свойством: в нём появляется нечто третье, в этом расширении. Это третье не зависит ни от природы первого, ни от природы второго, но самим фактом своего существования расширяет границы как одного, так и другого до пребывания их в составе единого целого. В Софии Соловьёв открыл возможность работы разъединительного синтеза.

София - это не проявление свойств Бога и не проявление субстанциальных свойств человека, а рождение новых содержаний при встрече того, что исключает друг друга. И хотя в нашем мире есть только две стороны, ни одна из них сама по себе не является софийной. Софийной является третья сторона. Эту сторону увидел ранний Соловьёв. Поздний Соловьёв свёл Софию к всеединству и ошибся.

София возникает как ответ Бога на глухоту глухого, который не слышит зов, к нему обращенный. Она есть нечто неслышанное и невиданное, за пределами ума находящееся. В ней мы обнаруживаем логический тупик. София – это место, в котором логика, столкнувшись с непостижимым, начинает лгать. Поэтому человеку нужно решиться доверять уже не суждению, а созерцанию. В софийности важна не связь с единым, а парадокс. В ней мыслится возможность действия, силой абсурда преодолевающего действие силы реального.

Не логос, а София удерживает мир от распада. С ней каждый может встретиться, каждый может узнать по неожиданному вдруг. Но её нельзя получить аналитически. Она может быть дана в видениях, во внутренних созерцаниях, но она не может быть дана в качестве объекта внешнего восприятия. Выбрав синтез, Соловьёв оказался в стороне от главных путей развития мировой философии, которая отдала предпочтение анализу различий.

Через год после Софии Соловьёв написал работу, в которой применил технологию своего мышления к новому объекту. Вместо атома он взял человечество и

выдел в нём всё те же три силы, что и в первом. Первая сила - это Восток, вторая сила - это Запад. Восток отрицает свободу, подчиняя человека Богу. Запад отрицает Бога, требуя свободы. В итоге мир распадается. С одной стороны, в нём доминирует идея бесчеловечного Бога, а с другой, безбожного человека. И та, и другая сторона без связи друг с другом омертвели. «*Необходимо, - пишет Соловьёв, - присутствие третьей силы, которая может примирить единство со свободой*». Эта сила – мы с вами, славяне, русские.

В чём Соловьёв видит задачу русских, то есть России? В том чтобы мы оживили, одухотворили Восток и Запад, освободили их от взаимной вражды и дали им «*общее безусловное содержание*». Но откуда это содержание у нас? Оно у нас есть потому, что мы, говорит Соловьёв, народ-посредник. Мы посредники между человечеством и божественным миром. Но ведь мы не евреи. Зачем же нас Соловьёв ставит не на своё место? Соловьёв полагает, что русские сами по себе неинтересны. Они ничего из себя не представляют. Россия - это орудие. Она действует не от себя, потому что никакой самости у неё нет. Она осуществляет не своё, потому что у неё нет ничего своего. Наша культура бедна, экономика убога, социальная жизнь примитивна, говорит Соловьёв. У нас нет даже наших собственных интересов.

Что это значит? Получается, мы должны жить и мучиться зачем? Затем, чтобы нашими страданиями рождалась душа, которой так не хватает Западу. Таково, на взгляд Соловьёва, наше место в мировом разделении труда. Или, как говорит Соловьёв, в мире всеединого. Благодаря всеединству Запад даёт нам цивилизацию, а мы ему душу. Соловьёв заметил, что, начиная с Возрождения, всё более явным становился процесс обмирщения Запада. Европа вежливо отказывалась от христианства, в котором все больше становилось знания и все меньше оставалось веры. Этот отказ открыл шлюзы, и пространство мыслей в Европе затопили потоки антикосмического космизма. Запад был задет утверждением мира в гуманизме и, следовательно, отрицанием мира в христианстве. Соловьёв хотел остановить процесс десакрализации в Европе. Для этого ему не было жалко ни России, ни православия. Он хотел их растворить под знаком всеединства в европейской культуре с тем, чтобы она утвердилась в Христе. Под знаком Софии не совсем, на его взгляд, христианская Россия должна была соединиться с ещё христианской Европой. Зачем? Затем, чтобы Дао не заменил Логос.

Третий род бытия

Третий род бытия очень важен у Платона, у Канта, в рассуждениях у Хайдеггера. Третий род бытия представлен Платоном в мифе об андрогине. В свою очередь Биом полагал, что учение о Софии есть, в сущности, учение об андрогине.

Андрогин – это не мужчина и не женщина, но и не простое соединение разных природ. Что же это? Это то, что третье. Или это то третье, что предшествует разделенности человека на два пола. То есть мы сегодня называем человеком то, что является, согласно Платону, только половиной человека. Андрогин - не элемент эмпирического мира. Его нужно отличать от химер, Минотавра и кентавров. Андрогин - это третий пол или третий род существования, а химеры, Минотавр и кентавры - это простое соединение двух разных эмпирических сущностей. Андрогин софиен, а они не софийны, то есть в них нет третьего, нет того, в чём они соединены. В них нет парадоксов и нет целого, удерживающего в себе абсурд существования.

К примеру, кентавр - это плод совокупления человека с Ничто, с призраками. Как говорит миф, в Греции жили лапиты, и у них был царь Иксион. Как вы помните, он неудачно сходил к богам. В результате мир узнал, что есть кентавры, в котором есть две сущности. Одна лошадиная, другая человеческая. Но первая при этом не расширяет вторую, а вторая не расширяет первую. То есть ничего софийного в нём нет. Миф об Иксионе - это рассказ о том, что появляется нечто третье, какой-то кентавр, в котором нет ничего софийного.

О третьем роде существования согласно Канту из «Критики чистого разума»: *«ясно, что должно существовать нечто третье»*. Что это? Согласно Канту *«именно такова трансцендентальная схема»*. Третье - это то, в чём две противоположные стороны находятся в снятом виде, то есть соединяются друг с другом. В «Основах метафизики нравственности» Кант говорит, что третье - это то, на что нам указывает свобода, и о чём мы априори имеем идею.

У Соловьёва этим третьим была София. Но поздний Соловьёв упростил понимание Софии, приравняв её к всеединству. Принцип всеединства упрощает в области мышления идею Софии. Принцип всеединства Соловьёв формулирует в работе «Россия и Вселенская Церковь». Он пишет: *«Истина едина и одна в том смысле, что не может быть двух безусловно независимых одна от другой истин, а тем более противоположных одна другой. Но именно в силу этого единства единая, существующая истина, не допуская в себя никаких ограничений произвола и исключительности, не может быть частичной и односторонней, а потому должна заключать основание всего существующего в логической схеме, должна довлеть для объяснения всего»*.

В этой формуле всеединства Соловьёв, отказавшись от двух независимых истин, убил дух Софии, что, впрочем, сам и подтвердил, привязав истину к логической системе. Если поверить Соловьёву и признать, что истина одна, то тогда нужно

признать, что она одна как для этого сущего, так и для другого, ему противоположного сущего. То есть их всё же две, а мир есть множество различного. По словам Даля, истины - это всё, что есть. А это значит, что в ней есть и то, что ей противоречит. Иными словами, если нет двух противоположных истин, то нет ни одной истины. Соловьёв же пытается достигнуть всеединства при помощи исключения противоположного, поэтому его истина является абстрактной и пустой. Принцип всеединства выражает простую мысль о том, что всё в этом мире связано, что в нём нет никаких скрытых состояний, никаких потайных мест, где можно было бы обособиться, спрятаться, создать локальную онтологию. Мир всеединства - это как лента Мёбиуса, у которой нет изнанки. В ней добро непрерывно и однородно связано со злом, красота связана с уродством.

Соловьёв говорит, что Бог один, един, и Бог есть всё, но проблема состоит в том, что это всё не есть Бог. Мир по отношению к нему является другой истиной. Согласно Соловьёву, Бог хочет своей любви, чтобы всё стало Богом. Зачем? Ведь разнообразие так привлекательно, а возвращение к началу такое суровое. Если бы всё стало Богом, то у Бога не осталось бы никакого желания действовать, а поскольку он желает и действует, постольку, можно полагать, он в своём действии перестаёт быть Богом, и в нём проявляется что-то небожественное.

Согласно Соловьёву, Бог хочет, чтобы вне него самого была другая природа. Но будет ли эта природа его пределом и сможет ли он совершить трансгрессию за пределы самого себя, выйти из себя? Соловьёв полагает, что может. Без этой возможности не было бы человечества. Оно есть результат трансгрессии Бога, а не результат деятельности множества людей. Люди постепенно становятся тем, что Бог есть от века: абсолютно всем. Но зачем им это всё? Ведь это такая скука - повторять одно и то же.

Согласно Соловьёву, у человека нет бытия в себе. У него есть только бытие в Боге. Но если у людей нет бытия в себе, то их просто нет. Они существуют как призраки. Есть только Бог и кривое зеркало, в которое он смотрит на себя. Соловьёву нужно было всё-таки объяснить, как человек может быть субъектом. Он объясняет это так. Если бы у человека было бы бытие в себе, то он реализовывал бы мужской принцип существования, а это способ бытия Христа. Поскольку у человека бытие в Боге, постольку он реализует женский принцип существования. Это принцип существования и есть София. То есть София указывает на то, что мы реализуем с вами женский принцип бытия. Тем самым у Соловьёва появляется два абсолюта: Бог и человечество. Один актуальный, а другой становящийся, и между ними София как посредница.

Критика идеи всеединства

Просчёт Соловьёва состоял в том, что он мыслил Софию в терминах бинарных, а не как третий термин, а не как то, что находится за пределами ума. А что мы можем мыслить бинарно? Природу. Но как только мы обращаемся к исследованию так называемой субъективности, призрачного бытия, этот принцип бинарности начинает рассеиваться. Тогда появляется тема третьего.

Если Софию понимать бинарно, то она не может не конкурировать с миром вещей или с Христом. Ведь, по большому счёту, есть только Бог и мир единичных вещей и между ними пропасть, то есть между ними нет никаких посредников. Но как тогда понимать Софию? Если её понимать как набор идей, связывающих руки Богу, то в этом случае она становится тромбом сообщающихся сосудов русской философии, и удалить этот тромб - одна из задач русской философии.

Предполагаемый Соловьёвым мир всеединства не допускает главного. Он не допускает в человеке страха, страха перед Богом. Помимо этого, он лишает его творчества. А поскольку творчество и бессмыслица сопряжены, постольку философия Соловьёва блокирует даже саму мысль о понимании мира в качестве абсурда, в котором смыслом предшествует работа по преодолению бессмыслицы. В мире всеединства никто не сходит с ума. Все находятся на своём месте. Соловьёв полагает, что мир нам дан, а не всякий раз он творится заново.

Из того факта, что Бог един, не следует, что люди одинаковы. Бог един, а люди различны, и эти различия возводятся людьми до предела, до безумия. Поскольку смыслом не предшествует бессмыслица, постольку всеединство заранее оправдывает любое действие, любой замысел человека. Любой смысл у Соловьёва не завоевывается, а даруется всеединством. Этот дар не нуждается в свободе одариваемого. Наоборот, одаривать - значит лишать одариваемого спонтанности, насиловать его спасительным смыслом.

Вопреки Соловьёву в мире, в котором мы живём, ничто не находится на своём месте. Всё абсурдно. Все отчуждены друг от друга. Нет никакого намёка на единство между я и другим. В работе «Россия и Вселенская Церковь» Соловьёва свершилась метанойя, перемена ума у настроения Соловьёва. Прежде всего, изменилось его отношение к России и Русской Православной Церкви. Это изменение связано с отказом Соловьёва от концепции третьей силы и заменой её концепцией всеединства. А в концепции всеединства он Софию свёл к какой-то пресной социальности.

«Наряду с индивидуальным человеческим образом Божества, наряду с Богородицею и Сыном Божиим русский народ знал и любил под именем Святой Софии социальное воплощение Божества в церкви вселенской. Этой идеи, открытой религиозному чувству наших предков, этой истине национальной и, безусловно, вселенской идеи нам и надлежит теперь дать рациональные выражения. Дело в том, чтобы дать ясную форму живой мысли, которая родилась в Древней Руси и которую Новая Россия должна поведать миру».

Самое главное в этом фрагменте состоит в том, что Соловьёв теперь под Софией понимает не нечто индивидуальное, а социальное воплощение божества, которое, на его взгляд, нашло наиболее адекватное выражение на Западе. Обоснование этой перемены ума Соловьёв нашёл в легенде о двух святых. Два святых Касьян и Николай были посланы из рая навестить землю. Однажды они увидели бедного крестьянина, телега которого, нагруженная сеном, завязла в грязи. Лошадь не могла сдвинуть воз с места. «Давай подсобим доброму человеку», - предложил Святой Николай. «Сохрани меня Бог, - ответил Касьян, - я могу запачкать свою хламиду». «Тогда подожди меня здесь или иди дальше, а я всё-таки помогу», - сказал Святой Николай. Теперь понятно, почему в России так любят Святого Николая.

По мысли Соловьёва церковь в России действует, как Святой Касьян. Она не идёт к народу, не идёт в мир. Западная церковь не испугалась грязи исторической жизни, не побоялась испачкать своей ризы и, засучив рукава, пошла в мир работать. Зачем? Чтобы сделать его лучше. И этот мир стал лучше. Соловьёв пишет: *«Восточный человек молится, западный человек молится и работает. Кто из них прав? Конечно западный».*

Проблема России состоит в том, что она пустила корни в византийскую культуру, которая в принципе была, по словам Соловьёва, враждебна христианству. Она под личиной православия скрывала антихристианство. Что должна делать Россия? Дружить с Европой, учиться у неё. Благодаря всеединству что-нибудь полезное от неё перепадет и России. Но какой ценой? Лишением России своего бытийственного центра, собственного бытийного центра. Софиология Соловьёва является, таким образом, теоретическим оправданием изъятия из России её онтологического центра. Россия для Соловьёва - это теперь уже не третья сила. Это просто Восток. Но Восток опять-таки мыслится уже не как субстанция, а как элемент хаотизированного множества, которому противостоит Запад, который Запад упорядочивает. Только Запад имеет в себе центр.

Соловьёв пишет: *«Мы, Восток, представляем лишь часть вселенской церкви, часть, не имеющей центра в себе самой».* То есть Россия есть некий

децентрированный монстр, ползущая множественность ризомы. Наша задача состоит не в том, чтобы примирять народ, а в том, чтобы *«связать наши частные и периферические силы с вселенским великим центром, который Проведение поместило на Запад»*.

В рассуждениях Соловьёва о Софии исчезло равномошное противопоставление разных центров развития, и появилась идея господства одного центра над другим. Соловьёв говорит: *«если единство истинное, не предполагающее себя множественности, не исключаяющее её, но господствующее над своей противоположностью и подчиняющее её своим законам»*. Таким единством стал по определению Соловьёва Запад. Соловьёв говорит: *«София есть универсальная субстанция или всё в единстве»*.

София как субстанции является самым неудачным выражением Соловьёва, свидетельствующим о непонимании Соловьёвым смысла своей собственной работы. Это словосочетание есть иносказание простой мысли: Запад универсален, Россия локальна. Если локальное когда-нибудь противопоставит себя универсальному, то такое противопоставление неизбежно окажется асофийным. Его локальное – это способ существования множественного, а не единого.

Русская философия пошла за Соловьёвым. И, следовательно, она пошла по пути построения софиологии, которая нашла позитивный отклик, пожалуй, лишь в русском символизме. Но сам Соловьёва этот символизм не понял, не принял и разругал его. А Флоренский продолжил критику, заявив, что символисты, и прежде всего Андрей Белый, ничего не поняли в символизме. А в свою очередь Андрей Белый в одном из своих писем сообщал о том, что Флоренский говорит гнусности. Ильин, Бердяев, Федотов приняли идеи софиологии. Лосский и Флоровский не приняли их. Аверинцев поддержал софиологов. Гаврюшин и Хоружий отказали им в поддержке. Софиология оказалась не самым удачным изобретением русского сознания. Исправлять софиологические просчёты Соловьёва стали Флоренский и особенно Булгаков.

Флоренский «Столп и утверждение истины»

Флоренский в работе «Столп и утверждение истины» приводит несколько определений всеединства Соловьёва затем, чтобы отказаться от всеединства. Он пишет: *«Мы, употребив в тексте определения Соловьёва, должны оговориться, что берём его лишь формально, вовсе не вкладывая соловьёвского истолкования»*.

Доказательство тому всё наше сочинение, стоящее по духу антиномичности против примирительной философии Соловьёва».

Поскольку в списке работ Соловьёва, цитируемых Флоренским, нет указаний на три силы и на Софию, поскольку можно предположить, что в этих работах всеединство Соловьёва менее всего примеряло и более всего обращало внимание на третий род существования, в основе которого лежит парадокс. Но у Флоренского особое отношение к числу 3. Для него число 3 не имеет порядка. Оно относится к тому, что лежит за пределами последовательности. Например, оно относится к внутренней жизни Божественной Троицы, о которой никто ничего не может сказать прямо, ибо ни у кого нет опыта этой жизни. Но Бог и мир как-то связаны. Как? Они соприкасаются друг с другом каким-то образом. Благодаря этим соприкосновениям вечно рождается то, что Флоренский называет четвертым ипостасным элементом, то есть Софией.

«Неописуемым актом Бог и человек, - говорит Флоренский, - содействуют друг другу в любви». Иными словами, София понимается Флоренским не как всеединство любви и зла, а как любовь Бога к твари и твари к Богу. София, по словам Флоренского, *«творческая любовь Бога».* Но там, где есть творчество, там не может быть всеединства. Всеединство - это не формула творчества.

Для Флоренского Бог – художник. Он привязан к человеку так же, как художник привязан к своему творению. *«Оставаясь Всемогущим, Бог относится к своему же созданию как бы не Всемогущий, не принуждает тварь, а убеждает, не заставляет, а просит».*

Антиномичность заставляет Флоренского мыслить взаимодействие Бога и мира по модели слоёного пирожка. В нём сущность не предшествует существованию. А существование не предшествует сущности. Между Богом и миром нет никакого временного предшествования. Они есть во всякое время, и во всякое время между ними лежит онтологическая пропасть. Если бы этой пропасти не было, то меняя сущность можно было бы изменить и существование. И наоборот, меняя существование, можно было бы изменить и сущность. Но жизнь не логический процесс, а софийный. И, как скажет Флоренский, Бог мыслит вещами. Что из этого следует? Из этого понимания Бога следует, что нельзя удваивать вещи. Они не существуют один раз в пространстве и времени, а другой раз в имени Бога как некоторый замысел или идея. То есть что получается у Флоренского? Бог мыслит не замыслами, не понятиями, не идеями вещей, а самими вещами. Именно поэтому не существует несовершенных вещей. Но если он мыслит вещами, но как тогда понимать Софию? Разве София - это собрание вещей? Ведь проще всего её можно было бы представить как некое множество первообразов и

первоидеи, благодаря которым Бог может, глядя на идею вещи, создать вещь. В такой онтологии есть место всему: и Богу, и Софии, и вещам. Но Флоренский отказывается от такого понимания Софии, потому что оно удваивает мир, и между двумя мирами создает временной зазор. Но Бог не ремесленник. Боги и мир абсолютно несоизмеримы.

Что предлагает Флоренский? София не вечность. София - это следы вечности во времени или «цельное естество твари». В ней нет ничего субъективного. Она не только энергийна, но и субстанциальна, то есть вещная. При желании Софию можно увидеть, и даже потрогать руками. Флоренский пишет: *«Премудрость в твари есть не только деятельность, но и субстанция. Она имеет существенный, массивный, вещный характер»*. Поэтому Анна Шмидт имела полное право называть себя Софией, следом вечного. А Соловьев на тех же самых основаниях имел полное право морщиться, отворачиваясь от этого следа вечности, которому, на его взгляд, недоставало небесной красоты.

Предсуществование

Предсуществование можно понять двояко. Во-первых, как временное отношение: раньше, позже. Во-вторых, как отношение полноты существования: полное и неполное. Полное - высшая реальность, неполное - низшая. В первом случае низводят вечное к временному. Во втором - указывают на то, что полная реальность может восприниматься и как предшествующее, и как последующее.

Что значит существовать? Для Флоренского это значит быть мыслимым. Кого знает Бог, тот обладает реальностью. А кого он не знает, тот существует как призрак, как симулякр. Выше обсуждалось, что имел в виду Деррида, когда говорил о призраке, что имел в виду Мейясу, когда говорил о призраке. Теперь обратите внимание на то, что имеет в виду Флоренский, когда он говорит о призраке. Итак, речь идет о существовании и о следе вечности во времени. Флоренский говорит, что то, что Бог знает, то – реальность. То, что он не знает, - это призрак. Что значит существовать? Значит, быть мыслимым. Кого знает Бог, тот обладает реальностью. Кого он не знает, тот существует как призрак. Призрак - это то, что не может знать Бога, то, что он не знает. Обратите внимание на современную философию, мир призраков и кентавров, химер и прочее. Интерес к тому, чего он не знает.

Его вовсе нет. Он лишь кажется призраком. Призрака вовсе нет, он лишь кажется существующим. Почему кажется? Потому что для него быть – значит быть только во времени и не быть в вечности. Одно дело, когда есть то, что знает Бог. Есть в вечности, и есть во времени. И то, что есть в вечности, и что знает Бог, есть и во

времени. А вот призрак – это то, что он не знает, то, чего нет в вечности, есть только во времени.

Что нас сегодня интересует в философии? Предметы временные, имеющие локацию во времени. То, что существует во времени и не существует в вечности. Быть во времени - значит существовать по закону восприятия. Это существование видимости нельзя будет помыслить. Его можно будет только видеть. Поэтому бессмысленно спрашивать, говорит Флоренский, почему какое-то явление возникает в определённое время. Например, бессмысленно спрашивать, почему сегодня 2020 год и почему он идёт после 2019, а не после 1917 или не после 1915. Этот вопрос имел бы смысл, если бы Бог мыслил восприятиями, но он мыслит вещами. А поскольку Бог мыслит вещами, поскольку между Ним и миром нет никаких посредников, нет никакой особой сферы идей. Поэтому София не посредница. Её творение само по себе мудро устроено. Если у Соловьёва София – посредница, то у Флоренского София не посредница между высоким и низким, а красота. Она не примиряет, не объединяет и не образует третий род бытия. Она светится совершенством высокого в несовершенстве низкого.

София отпечатывается в мире вещей и воспринимается как след, как печать Абсолютного. В едином она едина, во многом она множественна. Из несовершенного мира совершенное воспринимается как идеальная личность человека, то есть идеальное находится не там, в голове у Бога, а здесь, в мире вещей, в котором оно воспринимается как проблеск вечного. Что такое красота? Флоренский говорит: проблеск или метка вечного в мире. А мир не вечен.

Софиология Флоренского строится как рассказ о зыбкой подвижности красоты, её подобно огню ускользящей энтелехии и одновременно аструктурированности её образа, в котором видимое немислимо, а мыслимое невидимо. Мы видим красоту, не зная, что такое красота. Мы видим её вне связи со знанием. Если София есть тварь, то человечество - это красота твари. Если София есть всё человечество, то красота людей в церкви. Если София есть церковь, то красота её в святых. Если София есть святые, то красота в Матери Божией. Если София есть Мать Божия, то красота её в душе. *«Только София, одна лишь София есть существенная красота во всей твари, а всё прочее – мишура».*

Софиология Флоренского отличается от софиологии Соловьёва ещё и лично. По словам Розанова, Соловьёв – человек странный и страшный. Он считал себя выше всех: выше России и выше церкви. Его учение о Софии носило абстрактный вселенский характер. В нём он допустил «большую муть» - пишет Бердяев.

Флоренский хранителем софийности определил русский народ, который молился перед иконами с изображениями Софии Премудрости Божией. Это значит, что русская философия должна была решать не вселенские задачи, а решать одну задачу, а именно открывать миру душу этого народа, или, что то же самое, раскрывать миру софиологию в качестве венца христианского учения. Показать софийный смысл христианских догматов решился Булгаков, который с неистовостью первооткрывателя стал, по его словам, «*доделывать то, что не доделали до него первые вселенские соборы*». Он стал решать христологическую проблему, используя понятие Софии.

Булгаков «Свет Невечерний»

В «Свете Невечернем» Булгаков рассказывает о своей встрече с Софией. Обратите внимание, что философия начинается тогда, когда появляется обращение к видениям. Когда, во-первых, они имеются. Они должны быть, потому что если нет видений, тогда получается не философия, а бессмысленное написание текстов.

В «Свете Невечернем» Булгаков рассказывает о своей встрече с Софией, освободившей его от упоения миром, от панического страха перед «научностью» и её синедрионом. «*Я был, - пишет Булгаков, - как в тисках, в плену у научности, этого вороньего пугала, поставленного для интеллигентской черни, полуобразованной толпы, для дураков*». Вдруг однажды с ним заговорило некое оно, и это оно фактом бытия своего испепелило у Булгакова все преграды, все научные предрассудки и освободило его ум из культурного плена.

Свое понимание Софии Булгаков излагает следующим образом: «*Божество полагает между собой и миром некую грань, и эту грань, которая по самому понятию своему находится между Богом и миром, Творцом и тварью, сама по себе не есть ни то, ни другое, а нечто совершенно особое. Одновременно соединяющее и одновременно разъединяющее то и другое*». Из этого фрагмента Булгакова следует несколько выводов.

1. София – это то, что находится в некоем между.
 2. (Этим он отличается от Флоренского) Она ни есть ни то, ни другое из того, что образует это между.
 3. Её работа состоит в том, чтобы соединяя, разъединять.
- Французская философия использовала такие обороты, как разъединительный синтез. Сейчас, рассуждая о Софии, об этом аппарате, об этом пространстве, в котором будет мыслиться человек, можно говорить о разъединительном синтезе, о том, что соединяет, разъединяя.

В первом случае, если мы имеем в виду промежуток, помещаем туда Софию, то София должна мыслиться как посредница. Но как посредница, она должна быть одновременно и с тем и с другим, и тем и другим. То есть касаться того, что она опосредует. Однако София не может быть одновременно и Богом, и тварью. Ведь это место уже и...и... - двойное. София Премудрость Божия мыслится как синтез в негации. Она относится только к Христу распятому, к Богу в его предельном отчуждении от самого себя. Распятый Христос – это Бог в предельном отчуждении от самого себя как Бога.

Распятие – это софийная точка, в которой человек бесконечно далек от самого себя и как никогда близок к Богу. А Бог страшно близок к человеку и более всего удалён от себя. Вот что это за точка, если следовать мысли Булгакова. Поэтому Булгаков мыслит Софию посредством двойного отрицания. Она не есть ни нечто Божественное (Христос далек). Она не есть ни нечто тварное. Человек бесконечно приближен, далек от самого себя. Но что же тогда она есть? Булгаков говорит, что она есть нечто особенное. София есть крест, начало пути Бога к человеку, а человека к Богу. Начало движения, вернее крест есть софийная точка перехода абсолютно несоизмеримых миров: Бога и мира, Бога и человека. Нечто похожее на то, о чём можно было высказываться только не законами, рожденными суждениями, но что Платон называл третьим началом мира, материей.

Во втором случае следует обратить внимание на то, что София, определяемая через двойное отрицание, не может быть посредницей. Для неё нет никакого между, ибо у неё нет локализации в пространстве. Она вообще не может находиться между в силу своей неопределенности. У неё может быть локализация в восприятии, в сознании, в слухе.

В третьем случае речь идёт о разъединительном синтезе. Чтобы осуществить этот синтез, нужно уметь выходить из себя и своей неопределенности. В этом случае София становится незаконнорожденным суждением, отрицанием своей негативности и утверждением особенности третьего. София как третье вводится Булгаковым посредством обособления потенциальности. Что это такое? София не Бог. Она является началом пути Бога. София не тварь. Она хранитель твари. Как начало пути она исток потока времени, в котором реализуется возможное. Обособление потенциального означает разрушение непрерывно длящегося настоящего. Благодаря Софии мы теряем настоящее, помещая его или в прошлое, или в будущее. По мысли Булгакова время не может начинаться непосредственно в вечности. Оно начинается в чём-то третьем, в том, что не есть ни дуализм, ни монизм, а есть, по словам Булгакова, монодуализм.

Булгаков говорит: не человеком утверждается время, а Софией. София для того и нужна, чтобы появилось нечто. Софийное во времени, нечто, учреждающее время. Это третье есть София. Вернее то, из чего или в чём течёт время. Она и есть не что иное, как третий род существования, которое нельзя описать в бинарных терминах. Поскольку София выходит за пределы бинарности, постольку она в меньшей степени сопряжена с логосом, и в большей степени сопряжена с безумием. Как третий род София помещается Булгаковым между вечностью и временем. Самораздвоение Софии на небесное и земное означает не распад Бога, не его разложение, а его защиту от относительного. Если София на небе, то она небесна. Если она на земле, то она земная. Её переход с одной орбиты на другую не требует прохождения через середину, не требует времени. В этом смысле София заумна, то есть она не улавливается понятийной оппозицией *«абсолютного и относительного, вечного и временного, божественного и тварного»*.

Конечно, человеку нужна логика, но Богу не нужна наша рассудительность. Он зовет нас к безумию своей любви. Бог может обойтись и без нас в своём деле, ибо он знает свои пути. Какие? София у Булгакова - это грёза Бога. У Флоренского Бог мыслит вещами. У Булгакова он грезит. У него София - это грёза Бога, а мир – это всего лишь законченное самооткровение, объективация грёзы. *«София необходимо есть живая умная сущность, ибо не призрачную отвлеченность и мертвость любит Бог. Всё же конкретное, достойное любви, живо»*.

Действительно, каким образом возникает вся эта зыбь реальности, волны и пена на поверхности Абсолютного? Ведь если в Боге есть идея относительного, то он не может создать ничего нового, и софиология лишает Бога творчества. Грёза – это не идея. Это то, что можно объективировать, локализовать. Булгаков пишет: *«А если относительное есть только иллюзия, то возникает снова вопрос: чья же это иллюзия. Кто грезит? О чём? Какова природа этих грёз?»*.

Если Бог желает, любит, хочет, то он не может не грезить. София – это грёза Бога, предоставленного самому себе или, как говорит Булгаков, это есть обобщённая потенциальность. Мир как объективированная грёза един и множественен, но он не со-вечен Богу. Грёза неотделима от Бога, но она не Бог. Грёза как объективация неотделима от мира, но она и не мир. Мир, пишет Булгаков, есть София в своей основе и не есть София в своём состоянии. Если Богу нельзя ничего ни прибавить, ни отнять от него, то София как грёза прибавляет и отнимает, возвращая Богу творчество.

Если Богу ничего нельзя ни прибавить, ни отнять от него, то София как грёза прибавляет и отнимает, возвращая Богу творчество. Человек подобен Богу в том

смысле, что он, как Бог, грезит и объективирует свои грезы, но эти объективации уже второго уровня. Их несовершенство от человека, а не от Бога. В софиологии относительное приставлено к абсолютному и сопровождает его как Маргарита Мастера во всяких делах. Мир и София вовсе не образуют двух начал или миров, находящихся в том или ином отношении между собою. Это один и тот же мир, говорит Булгаков. Но тогда оно не даёт ему возможности вернуться к себе самому. В присутствии относительного абсолютное не может быть абсолютным. Другой, приставленный к Богу Соловьёвым, не позволяет Богу быть самим собой, то есть проблема заключается не в том, чтобы разъяснить, как из абсолютного появляется относительное, а в том, чтобы проследить, как абсолютное может оставаться абсолютным в окружении множественного.

Трубецкой в работе «Смысл жизни» обвинил Булгакова в том, что он лишает человека свободы. Ведь если замысел Божий - это субстанция человека, то человек волей-неволей будет явлением этой субстанции. Тем самым его свобода обращается в ничто. В чём же дело? Суть дело состоит не в том, что Бог лишает человека свободы, а в том, что человек как нечто со-вечное Богу лишает Бога свободы. Не Бог лишает человека свободы, а человек, если он ему совечен, лишает его свободы. Поэтому идея богочеловечества, соединяющего в себе тварное и божественное, не только замещает Христа во время его отсутствия на земле, но и делает ненужным его возвращение. Между Богом и человеком нужно было поставить барьер, преграду, которая бы защитила Бога от богочеловечества. Эту преграду Булгаков нашёл в Софии, наделив её функцией разъединительного синтеза. То есть по существу своему вся работа идеи богочеловечества была радикально пересмотрена, и, в конечном счёте, Бога стали защищать от человека.

Проблема богочеловечества состоит в том, что она предполагает неразрывную связь Бога и человека, Бога и сотворенного им мира. Если принять идею богочеловечества, то мы не сможем мыслить Бога самого по себе вне связи с человеком. А это значит, что мы уже заранее полагаем, что человек - это удача в творении Бога. Беда же в том, что это творение начинает преследовать Бога, мешая ему быть самим собой. Софийность же - это начало пути Бога, то, что на один шаг опережает появление его творения. Это некое предшествование Бога, ибо идея богочеловечества лишает Бога начала пути. Она лишает его софийности, что предваряет появление мира. То есть ещё раз: Премудрость Софии состоит в том, что она заставляет Бога на какое-то мгновение подождать, пока им будет сотворён мир.

Булгаков говорит «о любви к миру в Боге», но это не значит, что невозможен мир как пустой дом, оставленный господином. Если логос связывает мир и Бога, то София даёт ему возможность быть наедине с собой. Поэтому в софийном

миропонимании, говорит Булгаков, лежит будущее христианство. Так считал Булгаков, и он хотел эту мысль осуществить практически.

О софийности смерти

«Нельзя сказать о смерти, что она софийна. Это было бы смешным и странным парадоксом. Тем не менее, смерть софийна, ибо она даёт свободу от тяготы мира, и без неё это свобода недостижима». В рассуждениях о смерти ссылки на Бога неуместны. Потому что Бог смерти не создавал. Её создал человек. Поскольку люди делятся на тех, кто живет в области возможного, и на тех, кто живет в области невозможного, постольку смерть может быть софийной и асофийной.

Софийная смерть - это действие посредством невозможного. Асофийная смерть - это действие посредством возможного. В первом случае, чтобы быть, нужно отказаться от себя. Во втором случае, чтобы быть, нужно отказаться от встречи с собой. Никто из людей не дан самому себе полностью. Все требуют своего завершения. Завершает человека не другой человек. Смерть. Этой мыслью Булгаков отличается от так называемых диалогистов. *«Человек, - пишет Булгаков, - в свете смерти являет себе себя».* Если бы не было смерти, то люди бы не узнали о том, что они люди. Смерть удостоверяет каждого. Это ты, говорит она, можешь проходить на свое место. А место откуда? От Бога, говорит Булгаков. Он, хотя смерти и не создавал, но место для неё предусмотрительно, то есть софийно, приготовил.

Смерть софийна уже потому, что она тебе предъявляет тебя ценой отказа от себя. Если же ты в ней не встретишься с собой, то смерть твоя будет асофийна. Смерть – это то, что устраивает нам нашу встречу с самими собой. А если нет встречи, то она будет асофийной.

Булгаков пишет: *«Всё тебе дано, даже ты сам. Тебе же принадлежит, от тебя пришло только подполье».* Это очень интересная мысль из «Света Невечернего». Что такое подполье? Когда вы услышали слово «подполье», вам немедленно пришёл на ум Достоевский с его подпольным человеком. Подполье построено из кирпичей относительного в предположении, что оно прочнее абсолютного. Кто не хочет себя в своей самости? Все хотят быть в порядке перед собой. Ведь принадлежность мира и других людей твоему сознанию так естественно. Так просто быть солипсистом и так мучительно неестественна твоя принадлежность сознанию другого человека, в котором тебе совсем не хочется существовать. Кому хочется существовать в сознании другого человека? Это ужас, страшнее которого вряд ли что-либо можно придумать.

Умереть, замурованным в своей субъективности, значит, умереть натурально как животное без ужаса перед адом и без зова к Богу. Если во мне от меня только подполье, и я загоняю себя в этот подвал, эту пещеру, то я враг самому себе. Я отношусь к себе как к другому. Я безнадежно раздвоен. Если бы не было смерти, то самообман веры в себя так бы никогда и не был раскрыт.

Софийность смерти состоит в том, что она раскрывает этот обман и говорит относительно только относительно, абсолютное абсолютно. Вместе им не поможет сойтись никакая диалектика. Только в смерти человек понимает, что ему гордиться нечем, что он мнимая величина, призрак, получивший реальность. Смерть помогает человеку забыть своё я «*и постигнуть безмерную одарённость травки, воробья, каждого творенья Божьего*». Бог не ждет, когда сахар растает в стакане. Для него нет различия между свободой и несвободой, грёзой и данностью. Поэтому в нем нет места злу. Зло идёт от того, кто в своём самоопределении ждет, когда сахар растает в его стакане.

Софийность смерти состоит в том, что она не даёт возможности злу повсеместно распространиться. Зло - это такой коронавирус. Всякая смерть одной своей стороной обращена к ничто, а другой - к Богу. Если твой центр - это я, вокруг которого ты вращаешься, то смерть тебе покажет себя со стороны небытия, и будет она несофийной. Страдание не выйдет за пределы того, кто страдает. Его боль будет только его болью. Если сдвинуть центр из себя за пределы себя, то смерть покажет себя с другой стороны: светлой и радостной. Страдание одного становится страданием всех. Христос не умер в тот далекий от нас день. Он всё ещё умирает в наших душах. Он умирает с каждым умирающим человеком, и пока он умирает в нас, мы умираем вместе с ним.

Нужна ли София русскому сознанию?

София нужна русскому сознанию, и вот почему. Нам нужно третье. Человеку нужно третье измерение. Всем нужен ум, а нам нужно безумие веры. Ибо мы всё время живём и выживаем силой абсурда, а не силой логики. София не совпадает с логосом. Она заставляет нас считаться с тем, что выходит за пределы субъект-объектной дуальности. Она вводит в нашу жизнь ритмы, субъектами которых мы не являемся, но которые нам нужно учиться улавливать.

Софиология строится на обломках европейского когитального сознания в ситуации полной неопределенности действий и абсолютной непрозрачности сознания. София является для нас позитивным способом осознания себя отличными от Европы. И одновременно это такая ментальная сущность, которая заставляет нас отличать себя от Востока. Мы не Запад, говорим мы, но мы и не Восток. Мы не действуем, но мы и не

бездействуем. Стирание метафизической определённости Софии, отказ от неё делает бессмысленным существование России. Без Софии мы становимся уродами Европы, их вечным пугалом и одновременно причиной их привязанности к скрытому желанию облагородить наше уродство.

Конечно, софиология Соловьева оказалась не самым удачным изобретением русского сознания. Почему случилась неудача? Потому что русская философия не поняла, что там, где заканчивается Запад, начинается не Восток. Там начинается Россия. Это начало нельзя было разглядеть в терминах всеединства.

В XIX в. у России были два пути: национальный и имперский. В первом случае русские должны были стать нацией и создать национальную экономику и национальное государство. Во втором случае мы могли бы существовать как имперский народ с имперским государством, имперской экономикой. В первом случае нам пришлось бы православную идентичность заменить национальной. Во втором случае мы могли бы сохранить свою идентичность. Нам нужна была только идея империи. Соловьев не принял ни первого, ни второго. Он предложил нам путь всеединства, далее всего продвигавшего нас на Запад. Соловьев думал, что София в один прекрасный момент свяжет нас с Западом какой-то вяжущей связью, и возникнет некое богочеловечество. Но София нас не связала, и богочеловечество не возникло.

Последующее развитие показало, что хотя мир и софиен, но он не всеедин. Софиология скрывает от нас истину о том, что мир абсурден, и что человеку нужно учиться жить в мире абсурда, в котором концы и начала никак не связаны. Образ Софии требует от нас не гнозиса, не рассудительности, а веры. Вера же слепа и возможна только силой абсурда.

Лекция № 9

«Курочка Ряба». Яйцо. О мышке с хвостиком. Дед и баба. Резюме. Курица

Сегодняшняя лекция: антропологические конфигурации русских сказок. На прошлой лекции были Соловьёв, Флоренский, Булгаков и идея Софии, софиология, а также идея всеединства Соловьёва. Теперь посмотрим, насколько софийны русские сказки. Но прежде старая сказка Красникова.

*«То понос, то золотуха, то разор, то недород,
то проруха на старуху, то шатанье, то разброд.
То Иван-дурак с Емелей, то, вдруг, горе от ума,
то веселье, то похмелье, то сума, а то тюрьма.
То елей благообразий, то с плеча по роже - хрясь!
То из грязи сразу в князи, то из князей прямо в грязь.
То Иосиф, то Никита, то Владимир, то Ильич,
то разбитое корыто, то на голову кирпич.
То часы совсем не ходят, то идут, да не туда,
то нас губит, то подводит, то спасает ерунда.
То, брат, сено, то солома, то семь бед - один ответ,
то все Ваньки нету дома, то всё Маньки дома нет.
То в ночи с печи упавши, то любовь, то всё равно.
То не солоно хлебавши, то хлебавши солоно.
То канючим, то судачим, то хватаем через край,
То катись к чертям собачим, то иди ты к Богу в рай.
То ли в сказке, то ли сами мы такой сварили мед:
по усам течет веками, в рот никак не попадет».*

Это была старая сказка, чтобы перейти в состояние исследовательское, творческое. После общих рассуждений, займемся антропологическими фигурами сказки «Курочка Ряба».

Русская литература странная. У всех она просто литература. У нас она ещё и философия. В ней, как в сундуке, хранится наше сознание. Наши философы – это писатели, а литература - это критический минимум русского сознания. Литература как философия составляет золотой век нашего самосознания. В ней чувства и ум взаимно поддерживали друг друга. Но этот век длился недолго. Ум самоопределился в качестве чего-то нечеловеческого, универсального, а эмоции и чувства обнаружили в себе привязанность к локальному, к человеческому. Философский универсализм вступил в

конфликт с литературной локальностью. Символом литературы без философии в России стал Бунин, а символ философии без универсализма стал Розанов. И оба они из Ельца, из золотого треугольника России.

Между Буниным и Розановым разместился Андрей Платонов, поселивши в языке эмоций и чувств газетные штампы и казенные слова. Пустые слова разговорили немотствующий язык чувств, освободили энергетику языка вещей. Платонов пишет тексты, которые напоминают библейские в своей простоте.

В 20 в. писатели доопределились, то есть отделились от философии. Литература перестала хранить в себе наше сознание. Она стала пустой игрой ума. На смену писателю пришёл знаменитый скриптор, на смену философу пришёл эксперт. В коммуникативном пространстве современности нужно всё время говорить. Любая остановка речи показывает тебе твою пустоту. Говорить - значит всё время ставить в центр другого и вступать с ним в коммуникацию. Мыслить - значит выпадать за пределы коммуникативного пространства, ибо мыслить - значит ставить в центр самого себя, выталкивая из канала общения коммуникативные заглушки. Нельзя одновременно говорить и мыслить, ибо мысль уводит в сторону от языка, а язык смещает тебя в сторону от мысли.

Современная философия принуждена быть литературой, чтобы расплавить, растопить ту гору понятий и концептов, которые образовались в ней за 2500 лет. Это остывшая лава давит и раздавливает всё, что есть живого в философии. История философии губит философию. Философии нужно лишить себя двойной непрозрачности, скинуть с себя шкуру метафизики и дотронуться до человека, прикоснуться к нему, задеть его. Философия должна радовать и печалить, веселить и огорчать. Её тексты не должны быть громоздкими. Их надо делать компактными, обозримыми. В них должен доминировать естественный язык, а не терминологические отходы философской работы многих поколений.

Сказка - это наше уже-сознание. Что такое уже-сознание? Это сознание до встречи с Я. Это так называемое темное сознание. Почему темное? Потому что мы, непонятно каким образом, знаем нечто до встречи с тем, о чём мы знаем. Потому что мы живём и знаем и обращаемся часто к абсурду. Потому что в мире есть вещи, которые мы можем сделать, совершить лишь только силой абсурда, а не силой порядка, не силой логики. Почему не силой логики? Потому что у логики нет силы. У неё нет энергии взорвавшейся эмоции, объективированной грезы. Логика - это только то, что возникает в процессе деабсурдизации человеческой жизни. Логика - это абсурд, лишённый силы.

Сказка обращена не к Логосу, а к Софии. Кому нужен Логос? Тому, кто хочет жить в мире, приспособиться к нему. Кому нужна София? Тому, кто создаёт мир, кто творит его. Сказка – ложь, но в ней намёк. Есть вещи, о которых нельзя сказать прямо, о которых можно говорить косвенно, иносказательно. Нет их прямого усмотрения. О них можно говорить лишь символически. Говорящий о них начинает косноязычить.

Лучше не знать, чему нас учат сказки. Они говорят нам: лучше не знать то, что есть. А что есть? Есть правда, есть истина, и кто захочет узнать, что есть на самом деле, тот непременно либо сойдёт с ума, либо, как учат наши сказки, повесится, либо у него дом сгорит, скотина сдохнет, или ещё какое-нибудь несчастье приключится. Что же с правдой? Что же с истиной? Что нам говорят сказки? Что нам говорит Голубиная книга? Правда для Бога. Сказка для человека. Сказка вне истины и лжи.

Что делают силой абсурда? Силой абсурда преодолевают разрыв, дистанцию между говорящим Я и грезящим, между человеком и нечеловеческим. Абсурд, парадокс тормозит линейное развертывание языка. Сказка - это Библия для детей. Библия же – это сказка для взрослых. Библию мы понимаем раньше, чем любую философию. Любая философия беднее Библии. Почему? Потому что в Библии, в сказке образ предшествует слову, а в философии слово предшествует образу.

«Курочка Ряба»

Сказка «Курочка Ряба» идёт к нам из тех времен, когда была в мире ещё третья сторона. Было то, что мы очень хотели, чтобы оно было. Когда люди ещё притирались друг к другу, и этим трением рождались сказки, символы и телесные образы. О чём сказка «Курочка Ряба»? Это сказка-загадка. Никто не знает, что с ней делать, какую для неё найти систему. Чего в ней нет? В ней нет счастливого конца. В ней вообще нет конца. Начало есть, а конца нет. Его постоянно к этой сказке приделывают. Почему? Потому что без конца она необозрима. Счастливый конец в этой сказке есть только лишь у белорусов.

В этой сказке нет волшебного предмета. Яйцо в этой сказке не волшебное, а золотое. В ней добро не борется со злом. В ней нет никакого манихейства или гностицизма. В ней нет победы над злом. Это не христианская сказка. В ней нет героя. Это не сказка о животных. В ней птица и мышь, но курица нейтральна, и мышь нейтральна. Это сказка не социально-бытовая. В ней все равны: и поп и мужик. Она не одобряет какие-то человеческие качества и не отрицает. В ней никто не ставит невыполнимых задач, не загадывает загадок. Она не говорит ребенку слушать маму, а не то будет плохо. Она не советует не судить по внешнему виду, а то прогадаешь.

Что же в ней есть? Начало без конца. Воспроизведение, повторение. Всё возможно в мире, но ничего нельзя. Всё определено началом, судьбой, и одновременно в нём всё случайно. Вот что говорит сказка. В ней есть правило чуда. Это правило вдруг, неожиданного, абсурда. Как устроена сказка «Курочка Ряба? В ней смесь вымысла и реальности, воображаемого и невообразимого. Обычно сказку относят к вымышленному рассказу. Сказки бывают разные: 1001 ночь, арабские, индийские. Но «Курочки Рябы» больше нет ни у кого. Что-то похожее есть у прибалтийских народов. Сказки вообще есть только у нас и у немцев. У нас их собрал Афанасьев, а у немцев Братья Гримм.

Для кого сказка? «Курочка Ряба», в силу её непостижимости, для самых маленьких детей, в самом укороченном виде. Многие родители думают, что это сказка о том, что золотое яйцо не приносит счастья никому: ни бабке, ни деду. Оно приносит только слёзы. Другие читатели и слушатели этой сказки думают, что это сказка о курице, которая может снести золотое яйцо.

Что видят в ней учёные? Пропп видел в «Курочке Рябе», как в кумулятивной сказке, комическую природу. В чём комизм? В начале стоят ничтожные события, контрастирующие с чудовищными последствиями, вытекающими из этих событий. То есть далее страшные события. Это контраст. Малозначащие, ничтожные события вдруг рождают чудовищные, катастрофы. Разбитое яйцо, а в конце сгорела деревня. Пропп всё-таки не совсем прав. Нет события со значением. Все события случайны, но последствия бывают ужасные. Спичкой черкнул - деревня сгорела. Если бы мы знали вначале, что будет в конце, но как узнать в начале начало? Это сказка особенная.

Топоров возводит сказку к мотивам мирового яйца, которое раскалывает мифический герой, и происхождение из яйца мира. Если это так, то «Курочка» – это крайне вырожденный вариант этого мифа. Я оставлю в стороне сейчас Лакана. У него есть свое прочтение. В терминах сексуальной теории невротиков Фрейда курица снесла золотое яйцо – парадокс. Дед и баба не могут разбить, мышшь разбила. Дед и баба сексуально немощны. Курица в яйце приносит им символического ребенка, но они не могут его разбить. То есть оплодотворить и т.д.

Прочтем эту сказочку в исходном варианте Афанасьева, а не в редакции Ушинского.

*Как у нашей бабушки в задворенке
Была курочка-рябушечка;
Посадила курочка яичушко,
С полки на полку,*

*В осиновое дупёлко,
В кут под лавку.
Мышка бежала,
Хвостом вернула —
Яичко приломала!
Об этом яичке строй стал плакать,
Баба рыдать, верей хохотать,
Курицы летать, ворота скрипеть;
Сор под порогом заку́рился,
Двери побутусились, тын рассыпался;
Поповы дочери шли с водою,
Ушат приломали,
Попадье сказали:
«Ничего ты не знаешь, матушка!
Ведь у бабушки в задворенке
Была курочка-рябушечка;
Посадила курочка яичушко,
С полки на полку,
В осиновое дупёлко,
В кут под лавку.
Мышка бежала,
Хвостом вернула —
Яичко приломала!
Об этом яичке строй стал плакать,
Баба рыдать, верей хохотать.
Курицы летать, ворота скрипеть,
Сор под порогом заку́рился,
Двери побутусились, тын рассыпался;
Мы шли с водою — ушат приломали!»
Попадья квашню месила —
Всё тесто по полу разметала;
Пошла в церковь, попу сказала:
«Ничего ты не знаешь...*

*Ведь у бабушки в задворенке
и т. дальше...*

Прочтём ещё одну очень короткую сказку «Смерть петушка» и затем займёмся «Курочкой Рябой».

Ходят петух и курица по поповому гумну. Петушок подавился бобовым зерном. Курочка сжалилась, пошла к реке просить воды.

Река: «Поди к липке, проси листа. Даст листок, дам и я воды!». Идёт.

«Липка! Липка! Дай лист: его снесу к речке, речка даст воды, воду отнесу петушку — петушок подавился зерном: ни слышит, ни дышит, ровно мертвый лежит!».

Липка: «Поди к девке, проси нитку. Даст нитку, дам листа!»

Девка: «Поди к корове, проси молока. Даст молоко, дам нитку».

Корова: «Иди к сенокосам, проси сена. Дадут сена, дам молока».

Сенокосы: «Поди к кузнецам, пусть дадут косу. Дадут косу, дам сена

Кузнецы: «Иди к угольщику, проси угля. Дадут уголь, дам косу».

Угольщики дали угля. Набрала курочка воды и принесла петушку, а петушок уже не дышит.

Сказка «Курочка Ряба» рассказывает о том, что курица снесла яйцо, а мышка его разбила. Известие об этом почему-то перевернуло всю жизнь. Почему курочка? Потому что, видимо, курица оказалась ни черной и не белой, а пеструшкой. Если бы курица

была чёрной, то люди бы знали, что нужно делать. Они бы взяли первое её яйцо и защитили бы им свой скот от нападения волков. Если бы она была белой, то они бы яйцо сварили и съели. А курица была пёстрой, необыкновенной. Она, при случае, может и петухом закричать. Когда курица кричит петухом, она весть даёт. О чём? О том, что смерть пришла и где-то рядом с нами бродит, и кто-то из нас должен скоро умереть.

Курица вообще связана не только с нашим миром, с миром живых, но и с миром потусторонних. Где нечистая сила прячется, откуда смерть приходит. Кура - вещая птица. Её боится даже сам дьявол. В каком доме живёт Баба-Яга? В доме на курьих ножках. Кто в этот дом дверь откроет, тот умрёт. А у деда с бабкой курица была рябой. Об этом говорится во всех вариантах сказки, а пестрота - свойство принадлежности к миру сатанинского. Кто видел чёрта, тот знает, что он рябой. Гоголь его видел, и он знает, что он пёстрый. Каким был змей, соблазвивший Адама? Пёстрым. На кого нельзя смотреть беременным женщинам? На змей и ящериц, на пресмыкающихся. Почему? Потому что мы живем в мире тонких связей. На нас действует не только то, что есть, но особенно действует то, что мы видим. А видим мы часто видимости. Посмотрит женщина на рябого, и родится у неё ребёнок конопатый. О чем говорится в детской дразнилке? О том, что рыжий, рыжий, конопатый убьёт дедушку лопатой.

Рябой - опасный и страшный персонаж. От рябой курицы можно ожидать, чего угодно. Она может заговорить даже человеческим голосом. В финале сказки заговорила, успокаивая деда с бабкой.

Яйцо

Чего не ждали дед с бабкой, то случилось. Курица Ряба снесла им яйцо. Но яйцо не простое, а золотое. Что это значит? Это значит начало и конец, жизнь и смерть соединились в яйце. Если бы они не соединились, то в мире ничего бы не было, или был бы только хаос и раздор. Яйцо – это и колыбель жизни и, одновременно, то, в чём она похоронена. Из яйца может выскочить цыплёнок, а может в нём и смерть хранится. Где спрятана смерть Кощея Бессмертного? В яйце. В яйце найдена мера и умиротворение враждующих начал. В нём примеряются живое и неживое, поэтому сказка называет яйцо не простым, а золотым.

Многие думают, что рябая курица снесла мировое яйцо, но курица – это не дух, который летал над водами морскими. Курица - это всего лишь часть мира. Разве может в части мира поместиться целое, весь мир. Конечно, нет. О том, что произошёл мир, рассказывает миф. Сказка - это не миф. Она рассказывает не о том, как мир устроен, а о том, как устроен человек. А человек устроен зыбко, неопределенно. Он вымысел не

может отличить от реальности, поэтому он может вести себя как одним образом, так и другим, прямо противоположным. В одном случае он может опираться на вымысел, а в другом - на реальность. И всё это будет для него действительностью.

Деду и бабке курица снесла золотое яйцо, связав начало и концы. А дед с бабкой вместо того, чтобы им любоваться, пытаются его разбить. Разбивать яйцо - значит действовать по привычке. Если привычка одолевает сознание, то человек перестает думать. Кто думает, тот отменяет привычку, и поэтому дед с бабкой били, били яйцо, но так его и не разбили. Они же не мыши. Во многих вариантах сказки об этой попытке даже не упоминается, потому что в ней смысла нет. Если бы они разбили яйцо, то тогда бы им не нужно было бы плакать, а нужно было бы радоваться. А это была бы уже другая сказка.

Сказка знает, что жизнь устроена так, что в ней всегда найдется случай для того, чтобы кто-то вольно или невольно разбил яйцо. К тем, кто это может сделать, сказка относит мышку с хвостиком.

О мышке с хвостиком

Мышка не хотела разбивать яйцо. Она его даже не заметила. Она, занимаясь своими делами, хвостиком махнула и случайно яйцо толкнула. Яйцо упало и разбилось. Мышка с хвостиком, по мысли сказки, - это послание судьбы, то, что не может не быть, и одновременно это случайность. Философия сказки проста: всё в мире случайно, и одновременно для всего есть причина. Судьба руководит случаем. Почему люди живут в мире, в котором нет начала? Не потому, что они этого хотят, и не потому, что начала не было, а потому, что его забыли. В забвении люди пытаются завершить то, к началу чего они не имеют никакого отношения, равно как иногда волею судьбы людям приходится жить в мире, в котором есть начало, но нет конца. В этом мире бесконечно повторяется одно и то же. Ужасно жить в мире, в котором ничто не может закончиться. Это мир без дна. Но ещё ужасней жить в мире без начала. Тогда ничего не будет определено, и всякий раз всё нужно будет начинать сначала.

Сказка о курочке Рябе знает это. Она не хочет, чтобы её герои завершали то, что не они начинали. Поэтому она своих героев постоянно возвращает к началу для того, чтобы включить самого рассказчика истории в историю. Пока курица не снесла золотого яйца, начало и конец не были связаны, никакой истории людей не было, и мир был пуст.

Дед и баба

Мы ошибаемся, когда думаем, что дед и баба - это пенсионеры. Это не пенсионеры. Они жили в те счастливые времена, когда не было труда, и куры иногда несли золотые яйца. Если не было труда, то и не было лени. Ибо лень - это отдых, которому не предшествует труд. Вернее в золотые времена была только лень. Что это значит? Значит, что было время заниматься самым важным, а не работать. Работа делает нас рабами. Заниматься чем? Самими собой.

Для мышки с хвостиком золотое яйцо - это калитка в волшебный мир, вход в мир иного. Для деда с бабкой - это вход в самих себя, ибо тайна человека в самом человеке. Роль деда с бабкой определена сказкой ясно и просто. Их судьба - это горевать, слезы лить, плакать. А почему они плачут? Да потому что золотое яйцо разбито. Это значит, что закончились времена, когда куры несли золотые яйца. Дед и бабка знают, что теперь уже всё будет либо так, как есть, либо хуже. Разве не от этой мысли повесилась внучка деда с бабкой? Разве может хоть что-то быть, если в мире порядка нет? Тогда все вещи покидают свои места, всё сдвигается, ничто не оказывает на своём месте, ни одну вещь нельзя назвать по имени. Куры летают, двери побутусились, верей хохочут, священники рвут святые книги. Хаос и раздор в мире от хаоса в душе.

Резюме

В сказке нет окончательной версии финала. В Воронежской области курочка обещает снести еще одно золотое яйцо, которое будет лучше прежнего. В Саратове курочка ничего не обещает. В Вологде она даёт слово сороке. В обработке Даля и Афанасьева сказка оставляет мир в состоянии хаоса и разброда. Иногда курица обещает снести простое яйцо. В Белоруссии курица снесла яйцо, дед его продал и купил печь, а от печи трубу, а к трубе избу. Сказка о рябой курочке учит мыслить глобально, действовать локально.

Вернемся еще раз к героям сказки.

Курица

Курица была пеструшкой. А чем она хороша? Тем, что курица пеструшка может кричать петухом. А когда она кричит петухом, то она весть даёт о том, что смерть рядом ходит. Курица связана не только с нашим миром, но также связана с потусторонним миром. Кура - вещая птица. Её боится сам дьявол. Обряды, гадания и заговоры не обходятся без курицы.

Любовные заговоры. Например, нравится женщине мужчина, а он на неё не смотрит. Тогда она прибегает к помощи со стороны курицы, делает всё по заговору. *«Приходи, милок, зарежь курицу, потом в сарай пойдём, а не на улицу»*. Вот и вся сцена соблазнения. Мы помним, в каком доме живёт Баба-Яга: в доме на курьих ножках. Кто войдёт, тот помрет.

Наша пеструшка - это такая девица легкого поведения. Она прародительница всего мира, и одновременно её пестрота - атрибут всего сатанинского. Что мы говорим, когда кого-то ругаем? Эй вы, черти полосатые. Чёрт - единственный рябой герой фольклора. Кто соблазнил Адама? Змей. А он был пестрым. Дракон, которого победил Георгий, тоже пестрый. Что говорят дети до сих пор? Рыжий, рыжий, конопатый убил дедушку лопатой. На кого нельзя смотреть беременным женщинам? На змей и ящериц, потому что ребёнок может быть рябым, щербатым. Это страшный персонаж. Во всех вариантах этой сказки курица всегда рябая.

Итак, в чём смысл сказки? Вернёмся ли мы к золотому веку или нет? Сказка даёт надежду. Она говорит, что курочка ещё снесёт золотое яйцо. В некоторых вариантах она обещает уже не золотое, а простое яйцо. Поэтому если начало, то курица яйцо снесла. Если есть начало, то конец. А конец в том, что курица несёт, а мышка разбивает это яйцо. Чем хороша сказка? Иносказанием. Чем плоха наша повседневная речь? Тем, что в ней таится возможность прямого высказывания, сущностный взгляд на мир.

Сказка говорит: жили-были дед да баба, и была у них курочка Ряба. На что намекает сказка? На то, что у каждого из нас что-нибудь да есть, какая-нибудь ерунда да имеется, даже у тех, у кого ничего нет. А что говорит нам наш язык, печать на котором оставила наука? Он говорит, что жили дед с бабкой плохо, бедно, как русские пенсионеры. Ничего у них не было кроме курицы. Как они выживали, одному Богу известно. Наш язык абстрактный. Он исподволь подталкивает нас к подмене экзистенциальных проблем социальными. Он заставляет нас курочку Рябу заменить словом «бедность», но бедность яиц не несёт. Это уже не антропологическая проблема, а социальная. Бедность для политиков, которые должны ответить на вопрос: почему дед с бабкой жили-жили, а ничего себе не заработали. Ведь все мы понимаем, что если есть бедные, то должны быть и богатые.

В отличие от нашего языка сказка конкретна. Она сообщает о деде и бабке, не обобщая. Она говорит о том, что у них есть курочка рябая, намекая на то, что у них нет главного. У деда с бабкой нет внуков, которые могли бы о них позаботиться. Поэтому курица - их вся надежда, последняя в жизни опора. Убери её, и всё рухнет. Снесёт курица яйцо, они его съедят. Тем и живут. Живут и грезят. О чём грезят? О том, что курица однажды им снесёт яйцо.

Сказка вообще любит немотивированное вдруг. Ей нравится прерыв непрерывности. Она как бы разгоняет поток смысла, потом резко его останавливает. В момент остановки у слушателя язык отделяется от сознания, которое как бы нехотя выползает из-под языка, чтобы предстать перед нами в первоначальном виде как нечто абсолютно произвольное. Становится понятно, что эту произвольность скрывал язык, и мы шли туда, куда он нас вёл, а сказка освобождает нашу спонтанность, и у нас появляется новая чувствительность, органом существования которой является воображение. Благодаря сказке мы узнаём, что не всё в нашей жизни зависит от языка, но кое-что зависит еще и от сознания. Не всё в нас от социума. Есть и то, чем мы обязаны самим себе.

Если бы дед с бабкой схватили яйцо и понеслись бы с ним в обменный пункт или выставили бы его на аукцион, то никакой произвольности, а значит и сознания, в их действиях не было бы. Но они вдруг стали его разбивать. Зачем? Ведь оно не разбивается. Оно же золотое. Не для того же они его разбивали, чтобы сделать себе яичницу. А для чего? Неужели для того, чтобы посмотреть, что у него там внутри, какая там тайна? Но нет такого языка, на котором эта тайна нам была бы дана, и остаётся она в потаённости. Мышка с хвостиком - это реальность, о которую разбиваются грезы. Что такое реальность? Мышка с хвостиком махнула хвостиком, и разбилось яйцо. А куда делось золотое яйцо? Никто не знает, и утешились дед с бабкой простым яйцом, которое снесла им сердобольная курочка Ряба.

В сказке значения слов подвижны. В ней смыслы плаваются, меняют формы. За пределами сказки доминирует язык готовых значений. В нём слова теряют семему, а значит, в них нет места для нашего доопределения мира. Человек – существо не прямых высказываний, поэтому он может прожить и без прямого усмотрения истины. Но ему не обойтись без сказки, без мифа. Если наука стремится расколдовать мир, заставляя нас смотреть на него, а видеть его сущность, то сказка предостерегает от одномерного взгляда на реальность. Она колдует и завораживает непредсказуемостью своих поворотов. Сказка - это, как у Борхеса «Сад расходящихся тропок», в котором легко запутывается любое говорящее я.

Теперь прочтём сказку в обработке Афанасьева, вариант первый.

Жил-был старик со старушкою, у них была курочка-татарушка, снесла яичко в куте под окошком: пёстро, остро, костяно, мудрено! Положила на полочку; мышка шла, хвостиком трянула, полочка упала, яичко разбилось.

Старик плачет, старуха возрыдает, в печи пылает, верх на избе шатается, девочка-внучка с горя удавилась. Идёт просвирня, спрашивает: что они так плачут?

Старики начали пересказывать:

— Как нам не плакать? Есть у нас курочка-татарушка, снесла яичко в куте под окошком: пёстро, востро, костяно, мудрено! Положила на полочку; мышка шла, хвостиком трянула, полочка упала, яичко и разбилось! Я, старик, плачу, старуха возрыдает, в печи пылает, верх на избе шатается, девочка-внучка с горя удавилась.

Просвирня как услышала — все просвиры изломала и побросала. Подходит дьячок и спрашивает у просвирни: зачем она просвиры побросала?

Она пересказала ему всё горе; дьячок побежал на колокольню и перебил все колокола.

Идёт поп, спрашивает у дьячка: зачем колокола перебил?

Дьячок пересказал всё горе попу, а поп побежал, все книги изорвал.

Белорусская сказка хороша тем, что у неё счастливый конец. Она позднейшая. Сказка идёт из дохристианских ещё мотивов в России. Это нехристианская сказка. В Белоруссии всё-таки приделали хороший конец. Она очень короткая.

Жили были дед, да баба. И была у них курочка ряба. И снесла курочка яечка. Дед бив, бив, бив - не разбив. Баба била, била, била - не разбила. Надо яйки складать в лукошко, а воны - на вокошко. Не завернули у трапицу, положили на полицу. Бегла мышка (а их страсть сколько было!) по полице, хвостиком крутанула, яечка задела. Яечка покатилося, покатилося - бах, тарарах! И разбилось. Баба плачит: "А-а-а, а-а-а, а-а!". Дед плачит: "У-ы-ы! У-ы-ы! У-ы-ы! А курочка бегаит: Куды-куды! Куды-куды! Не плачьте, дед с бабой! Я снесу вам яечко такое, такое: "Не простое яечко - золотоя! И снесла золотое яечко. Дед яго продав и купив печь, чтоб было где лечь. А к печи - трубу, а к трубе - избу, а в избу - лавцы. Завели ребят - все по лавкам сидят, кашу едят, хлеба рушают, да сказки слушают.

Лекция № 10

Сказка «Снегурочка». Сказка «Золотой петушок». Иванушка-дурачок. Сказка «Как Иван-дурак дверь стерёг». Сказка «Морозко». Мужик. Мачеха. Отцова дочь. Собачка.

В прошлый раз мы узнали, чем отличается миф от сказки. Миф говорит, как устроен мир. Сказка говорит, как устроен человек. Мы также узнали, для чего София. София - это не Логос. Логос для тех, кто приспособливается к миру. Ему нужна логика, а софийность характерна для тех, кто создаёт мир. Так отличается Логос и София. Мы знаем, как понимал Софию Флоренский. У него формула «Бог мыслит вещами». Мы знаем о софийности смерти Булгакова. В этой лекции продолжим изучать сказки с тем, чтобы найти в них некие антропологические фигуры. Сегодня поговорим о «Снегурочке», о «Золотом петушке» и о «Морозко».

Сказки появились очень давно, с тех пор как мы стали осознавать себя и выделять вокруг себя священные предметы. Русские сначала называли сказки именем Кошуна, затем баснями, потом выдумками. И, как вы понимаете, раньше их слушали, внимали сказкам, а теперь мы можем их смотреть.

Чем больше происходит современная десакрализация современной культуры, тем меньше мы нуждаемся в сказках, тем меньше мы нуждаемся в своём уже-сознании. Уже-сознание - это то, что нам позволяет видеть некие вещи до встречи с этими вещами. Поскольку у нас истончается связь с уже-сознанием, постольку мы чаще совершаем немотивированные поступки и мало задумываемся над тем, что мы с вами делаем. Сказка - это наше уже-сознание. Она напоминает нам об абсурдности существования, о том, что есть чудеса, что они чудесным образом сказываются на нашей жизни. Сказка вообще мудра и нетороплива. Она, как я уже сказал, обращена к софийному парадоксу. Она не отражает мир, по моим понятиям. Она его создает. Такова, например, сказка о Снегурочке.

Сказка «Снегурочка»

Это сказка о крестьянине Иване и его жене Марье, о том, как хорошо они жили, как ладно они жили. Жили они, жили, да и не заметили, как состарились, а детей у них не было. Вот и решили они под Новый год слепить дочь из снега и слепили. Она ожила. Иван с Марьей, конечно, обрадовались. Потом приходит лето, и Снегурочка растаяла. Вот и вся сказка.

О чём эта сказка? О том, что есть вещи, или о том, что в мире всегда есть такая сторона, которая существует, если мы хотим, чтобы она была. То есть есть такая сторона, которая подвешена к нашим желаниям или основана на нашей воле. Это, во-первых.

Во-вторых, о призрачности. Человеческое существование призрачно со словом «призрак». Не прозрачно, а призрачно. О призрачности наших надежд, самообмане и реальности, которая раскрывает обман.

Существуют сказки для детей, но существуют сказки и для взрослых. Даже поэты иногда пишут эти сказки для взрослых. Поговорим о «Золотом петушке».

Сказка «Золотой петушок»

Написал эту сказку Пушкин. Это его последняя сказка. О чём она? О власти и о смерти, которая сопряжена с властью. Жил-был царь Дадон. Жизнь у него была бурной, насыщенной, но к старости ему захотелось пожить спокойно, без суеты. Ему бы передать царские дела одному из своих сыновей, а он этого не сделал. Он не захотел делиться властью. Он стал искать обходные пути, чтобы и царём быть и особенно не утруждаться, и нашёл этот обходной путь. То есть он нашёл скопца-звездочета. Скопец звездочёт подарил ему золотого петушка, но ничто не бывает невинно, за все нужно платить. Он ему подарил золотого петушка с тем, чтобы тот кукарекал в минуты опасности, поскольку он не хочет утруждать себя. У скопца было желание, а какое не сказал.

Вот опасность настала, петушок закукарекал, царь снарядил в поход одного своего сына. Прошло время, но никаких известий от своего сына царь не получил. Что делать? Тогда он отправил в поход второго сына. Но и этот сын пропал. Что делать? В конце концов, сам царь пошёл в поход. Что он увидел? Увидел он своё побитое войско и сыновей, пронзивших мечами друг друга. Его сыновья убили друг друга. Что же это такое? Виною всему была Шамаханская царица. Перед этой царицей не устоял и царь.

Полюбил царь Шамаханскую царицу и возвращается с ней к себе в резиденцию.
Финальная сцена:

*Вдруг в толпе увидел он,
В сарачинской шапке белой,
Весь как лебедь поседелый,
Старый друг его, скопец.
«А, здорово, мой отец, —
Молвил царь ему, — что скажешь?
Подь поближе! Что прикажешь?»
— Царь! — отвечает мудрец, —
Разочтемся наконец.
Помнишь? за мою услугу
Обещался мне, как другу,
Волю первую мою
Ты исполнить, как свою.
Подари ж ты мне девицу,
Шамаханскую царицу. —
Крайне царь был изумлён.
«Что ты? — старцу молвил он, —
Или бес в тебя ввернулся,
Или ты с ума рехнулся?
Что ты в голову забрал?
Я, конечно, обещал,
Но всему же есть граница.
И зачем тебе девица?
Полно, знаешь ли кто я?
Попроси ты от меня
Хоть казну, хоть чин боярской,
Хоть коня с конюшни царской,
Хоть пол-царства моего».
— Не хочу я ничего!
Подари ты мне девицу,
Шамаханскую царицу, —
Говорит мудрец в ответ.*

*Плюнул царь: «Так лих же: нет!
Ничего ты не получишь.
Сам себя ты, грешник, мучишь;
Убирайся, цел пока;
Оттащите старика!»
Старичок хотел заспорить,
Но с иным накладно вздорить;
Царь хватил его жезлом
По лбу; тот упал ничком,
Да и дух вон. — Вся столица
Содрогнулась, а девица —
Хи-хи-хи! да ха-ха-ха!
Не боится, зная, греха.
Царь, хоть был встревожен сильно,
Усмехнулся ей умильно.
Вот — въезжает в город он...
Вдруг раздался легкой звон,
И в глазах у всей столицы
Петушок спорхнул со спицы,
К колеснице полетел
И царю на темя сел,
Встрепенулся, клюнул в темя
И взвился... и в то же время
С колесницы пал Дадон —
Охнул раз, — и умер он.
А царица вдруг пропала,
Будто вовсе не бывало.
Сказка ложь, да в ней намек!
Добрым молодцам урок.*

Что такое Шамаханская царица? Власть. Это такая призрачная вещь, дымка. Поймать её совершенно невозможно. Она как бы растворена. Царь, забыв про сыновей, повёз царицу к себе домой и на пути встретил скопца-звездочета, который ему сказал отдать царицу.

В чём смысл этой сказки? В том, что Шамаханская царица - это не просто прекрасная женщина. Это женский образ вечно юного очарования власти и одновременно это персонификация скрытого желания человека повелевать. Ослепленные властью, которая никогда не боится греха, погибли царь Дадон, оба его сына и скопец-звездочет. Трупы есть. Где Шамаханская царица? Её нет. Исчезла, растворилась, как дым. Ведь это видение, фантазм. Что стало с царством неясно. Пушкин об этом ничего не сказал.

Сказка не любит людей умных. Её герой – Иванушка-дурачок. Сказка - это Библия для детей, а Библию мы понимаем раньше, чем любую философию. В сказках образ всегда опережает слово. Иначе это будет философия.

Иванушка-дурачок

Сказка говорит о том, как устроен человек. Одновременно мы понимаем, что в мире есть такая сторона, которая существует, потому что мы хотим, чтобы она была. О чём ещё говорит сказка? Бойтесь себя и своих желаний. Будьте осторожны, потому что зло не бродит по миру. Оно из мира воображаемого, и добро оттуда. Это значит, что нет причин для того, чтобы было добро, а оно есть. Каким образом оно есть? Оно есть потому, что есть добрые люди. Почему есть добрые люди? Сказка отвечает очень просто: добрые люди существуют, если есть добро.

Умный, говорит сказка, хорош для другого. Другой воспитывает в нас ум, чтобы мы были послушными. Кто не слушает, тот дурак. Кто такой этот дурак? Дурак - это тот, кто не понимает, что жизнь – логический процесс. Сказка говорит нам о чём? Жизнь - это не логический процесс, а абсурдный, потому что в человеческой жизни стирается граница между реальным и воображаемым. В жизни есть вещи, которые достигаются не логикой действия, а силой абсурда. Абсурд страшен, ибо он необъяснимо нам дарует что-то и также необъяснимо может лишить нас дара. У логики силы нет. Сила есть у абсурда. Кому нужна логика, кому нужен логос? Тому, кто хочет жить в мире реального, кто хочет приспособиться к миру. Кому нужна София Премудрость? Тому, кто хочет творить мир, кто живёт в мире воображаемого.

Итак, дурый, дурной, то есть глупый, некрасивый, дурной лицом. Отсюда слово «дурнушка», когда мы хотим сказать, что нам что-то не нравится, что мы встретили некрасивую девушку. В индоевропейском корень «дур» означает дикий, дурной, дурь то есть глупость. На санскрите «дура» означает: человек, отошедший от Бога. На латыни «дура» - это неразвитая часть мозга или суровый, сильный. Амазонка именовалась «dura-femina», смелая, безрассудная женщина.

С 17 в. «дурак» употребляется в современном смысле: шут, дурак. У Аввакума слово «дурак» в смысле почитатель риторики и философии. То есть дурак – это почитатель философии, логики. Ватага скоморохов тоже называлась «дурак». Иван-дурак, по Костомарову, имеет следующее значение: дураком в Древней Руси называли плетку, которой муж наказывал жену.

С 14 в. имя – оберег. До христианства в России была такая манера, привычка - называть детей: первый – Первак, второй – Вторак, третий – Третьяк, четвёртый – Четвертак, а последний, самый маленький – Другак. Что такое «другак»? Неопытный, несмышленный. Это «другак» упростилось до дурак. До 17 в. «дурак» встречается в имени. Например, князь Дурак Кемский, фамилия Дуров или Дурново.

С 16 в. появляется Иван-дурак в сказках. С 19 в. - карточная игра в дурака. Ещё одна транскрипция полагает чтение «ду» – это два, «ра» - солнце, то есть два солнца.

Дурак Иван, Емеля - это всё юноши, которые могут быть сынами крестьянина, царя, купца. Он всегда Иван третий. Он изгой, отверженный. Он не очень симпатичен: лежит на печи, ленив, ловит мух, плюёт в потолок, сморкается, у него сопли текут. В него влюбиться невозможно, тем не менее, он женится на царице или на царевне.

В сказке Иван выполняет поручения, а умные братья нет. Поступки его бессмысленны, бесполезны, глупые. Все устраивают себя в мире, а Иван исходит из каких-то воображаемых посылок. Он никогда не думает о выгоде, ни в одной сказке. Дуракам везёт, говорим мы. Для них закон не писан, как мы говорим. Дураков работа любит. Но Салтыков-Щедрин в своё время очень мудро заметил, тонко, что о дураке можно говорить много и разное, но только подлых мыслей в нём никогда нет. Иван не подл. Он может быть глуп, бесшабашен, ленив, но подлых мыслей в нём никогда нет. Поскольку у него нет подлых мыслей, то ему приспособиться жить очень трудно. Он всё понимает прямо, в прямом значении. Что означает «идиот»? Я имею в виду героя Достоевского. Это человек, у которого нет подлых мыслей. У кого есть подлые мысли? Подлые мысли предполагают, что есть как бы передний план сознания, и есть второй план сознания. По этому переднему плану сознания мы не можем судить о том, что у человека на втором плане.

Жили-были старик и старуха. У старика и старухи было три сына. Двое умных, а третий Иванушка-дурачок. Умные овец в поле пасли, а дурак ничего не делал, лежал на печи и мух давил. Марксисты говорят, что Иван потому дурак, что у него незавидное имущественное положение. Он третий по счёту среди братьев, а третьему наследство не полагается. Но сказка ценит умных братьев-наследников иначе, чем Иванушку-дурачка. Кому она даёт слово? Не умным братьям, а дураку. Почему? Потому что

говорить - значит соединять воображаемое и язык. Кто соединяет? Иван. Почему? Потому что он живёт в воображаемом. Речь Ивана не проста. Это речь с неопределёнными значениями. В ней не слова бегают за смыслами, а смыслы бегают за словами и не могут их никак догнать.

Иванушка-дурачок всё делает как бы во сне, по наитию. Он спит наяву. Однажды отправили его братья в город за покупками. Он купил, что нужно, и поехал домой. По дороге видит: обгорелые пни стоят. Эх, думает, ребята-то без шапок, озябнут сердечные. Взял, да горшки на них одел.

В нём нет ничего лишнего. Иванушка-дурачок ничего не делает. Поэтому он не делает и ошибок. Это человек, у которого нет ни переднего плана ума, ни заднего. Он думает вслух. Его мысли слышно далеко. У него выражаемое не отличается от выраженного. Например, везет он домой покупки, целый воз, а лошадь плохая, еле ноги передвигает. А что, думает Иван, у лошади четыре ноги и у стола четыре ноги. Так что стол сам как-нибудь до дома добежит. Снял его с телеги и оставил на дороге. Понятное дело, что пропал стол.

Иванушка-дурачок пребывает в состоянии ещё-не-ума, то есть до ума ему остаётся ещё совсем немного, чуть-чуть, одно слово. Но он всё-таки не дотянул до него. И всё же, кто умнее умного? Иванушка-дурачок. Есть в нём что-то первобытное, какая-то повседневная бесхитрость, но бесхитростный Иванушка хитрее хитрого в своей наивности. В естественной обстановке Иванушка не просто дурак, а дурак набитый. Его бьют, но его бьют не так, как били Сократа, конечно. Его бьют, чтобы он под ногами не путался, не мешал. Силой нормального хода вещей он выставляется на всеобщее обозрение как предмет посмешища. Всякий может над ним пошутить, показать над ним своё превосходство.

Почему? Потому что есть вещи, которые ты не можешь не знать. Иванушку это правило не касается. Кто может быка продать берёзе? Дурак. Был у Иванушки бычок, да продал он его берёзе и деньги с неё спросил. Быка воры украли. Дурак в наказание берёзу срубил. В берёзе дупло, а в дупле клад, зарытый разбойниками. И вот Иванушка-дурачок при деньгах. Да дураку деньги достались. Там, где достаточно здравого смысла, простого рассудка, там Иванушка только жить мешает. Несуразность его речей раздражает. Неадекватность действий возмущает. Хотя Иванушка-дурачок - существо жалкое, иногда грязное, сопливое, многое ему прощают. Но если мир сошёл с ума, если в нём смешалось то, что есть, с тем, что было и не было, вот тогда Иванушка-дурачок попадает в свою стихию. Когда это происходит? Например, когда нужно сходить на тот свет к покойнику, спросить, как у Сведенборга, где деньги лежат, а затем вернуться в этот мир, взять их и бездарно спустить на ветер.

Он силой абсурда достигает результата, который вряд ли достижим для нормального человека. Только Иванушка-дурачок может пойти туда, сам не зная куда, и принести то, сам не зная что. Будет вести его не здравый смысл, не категории рассудка, а вещая старуха. Дело не в том, что Иванушка живет не своим умом, хотя он и живет не своим умом, а в том, что он и чужим умом не умеет жить. Вещая старуха – это сверхумный ум, который лично никому принадлежать не может, а в лице Иванушки-дурачка мудрость торжествует над умом.

Сказка «Как Иван-дурак дверь стерег»

Жили старик со старухой. Было у них три сына: двое умных, а третий — дурачок.

Стали братья с родителями собираться на работу. Иван-дурак тоже стал собираться — взял сухарей, налил воды в баклажку.

Его спрашивают: Ты куда собираешься?

- С вами на работу.

- Никуда ты не поедешь. Стереги хорошенько дверь, чтобы воры не зашли.

Остался дурак один дома. Поздно вечером снял он с петель дверь, взвалил ее на спину и понес.

Пришел на пашню. Братья спрашивают: - Зачем пришел?

- Я есть захотел.

- Мы же тебе наказывали стеречь дверь.

- Да вот она!

Следующая сказка древняя, ещё идёт из домонгольских времен. Это «Морозко». Слово «сказка» возникает от слова «казать». «Казать» - значит давать возможность видеть, одновременно что-то скрывая. Сказка - это не миф, а то, что рассказывает, как устроен человек. Как устроен человек? Говорить, показывая, что-то скрывая.

Сказка не любит говорить прямо. Она знает, что у человека нет свойств, что он принадлежит не вещам. Что человек скорее принадлежит символам. Поэтому сказка никогда не говорит прямо. Она всегда говорит косвенно, иносказательно. Нужно иметь очень развитое символическое сознание, чтобы слушать сказку. Она даёт всегда понять то, что в мире есть, такие вещи, основанием которых ты сам являешься.

Сказка об опыте жизни в качестве человека. Если нас, например, один раз обманули, и мы это не поняли. Затем еще раз обманули, то мы от этого не станем умнее. Мы не приобретем опыт. Почему? Мы не приобретём опыт, потому что нам надо ещё учиться извлекать опыт на свет сознания.

Откуда берётся опыт? Сказка говорит нам, что люди придумывают то, чего нет, для того, чтобы узнать о том, что есть. Бабу-Ягу никто не видел, и она ещё никого не съела. И Кощей ещё никто не видел, и он никого ещё не похитил. Он всё ещё только может похитить. Изобретением этих сказочных существ мы смогли увидеть в нашем мире что-то очень страшное. Мы теперь знаем, что там, где появляется множество поименованных других, там обязательно появится либо Кошей, либо Баба-Яга, либо и то и другое вместе, или ещё какие-то демоны, то есть люди. Изобретая демонов, мы, люди, извлекаем опыт. Не нужно затем задним числом пытаться при помощи индукции вывести из опыта доопытное существование какой-то нечистой силы. Это безумие. Это совершенно неправильно. Мы демоном извлекаем. Мы страшилищем извлекаем опыт. Если я говорю, что гром гремит, потому что проехал на колеснице Бог, то это не значит, что он проехал. Это условие извлечения опыта, и отделять его от опыта в виде некой сущности, о которой можно говорить есть она или нет - это глупо, невозможно. Из этого опыта не выводится существование никакой нечистой силы. Сказка устроена так, как наша память, как условие того, чтоб мы вообще что-то помнили в этом мире.

Сказка «Морозко»

Она не очень большая. Возьмём самый лёгкий вариант. Есть русские сказки, которые называются «не для печати». То есть они опубликованы, их можно читать, но там могут быть матерные слова, там могут быть грубые слова, то есть они не обработаны. Русские сказки очень интересны. Есть множество разных вариантов. У нас «Морозко» в обработке Афанасьева. это ближе к первоисточнику.

Жили-были старик да старуха. У старика со старухой было три дочери. Старшую дочь старуха не любила (она была ей падчерица), по часту её журила, рано будила и всю работу на неё свалила. Девушка скотину поила-кормила, дрова и водицу в избу носила, печку топилла,

обряды творила, избу мела и всё убирала ещё до свету; но старуха и тут была недовольна и на Марфушу ворчала:

— Экая ленивица, экая неряха! И голик-то не у места, и не так-то стоит, и сорно-то в избе.

Девушка молчала и плакала; она всячески старалась мачехе уноровить и дочерям её услужить; но сёстры, глядя на мать, Марфушу во всём обижали, с нею вздорили и плакать заставляли: то им и любо было! Сами они поздно вставали, приготовленной водицей умывались, чистым полотенцем утирались и за работу садились, когда пообедают. Вот наши девицы росли да росли, стали большими и сделались невестами. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Старик жалко было старшей дочери; он любил её за то, что была послушная да работающая, никогда не упрячилась, что заставят, то и делала, и ни в чём слова не перекорила; да не знал старик, чем пособить горю. Сам был хил, старуха ворчунья, а дочери её ленивицы и упрямыцы.

Вот наши старики стали думу думать: старик — как бы дочерей пристроить, а старуха — как бы старшую с рук сбыть. Однажды старуха и говорит старику:

— Ну, старик, отдадим Марфушу замуж.

— Ладно, — сказал старик и побрёл себе на печь; а старуха вслед ему:

— Завтра встань, старик, ты пораньше, запряги кобылу в дровни и поезжай с Марфуткой; а ты, Марфутка, собери своё добро в коробейку да накинь белую исподку: завтра поедешь в гости!

Добрая Марфуша рада была такому счастью, что увезут её в гости, и сладко спала всю ночь; поутру рано встала, умылась, богу помолилась, всё собрала, чередом уложила, сама нарядилась, и была девка — хоть куды невеста! А дело-то было зимою, и на дворе стоял трескучий мороз.

Старик наутро, ни свет ни заря, запряг кобылу в дровни, подвёл ко крыльцу; сам пришёл в избу, сел на коник и сказал:

— Ну, я всё изладил!

— Садитесь за стол да жрите! — сказала старуха.

Старик сел за стол и дочь с собой посадил; хлебница была на столе, он вынул челпан и нарушал хлеба и себе и дочери. А старуха меж тем подала в блюде старых щей и сказала:

— Ну, голубка, ешь да убирайся, я вдоволь на тебя нагляделась! Старик, увези Марфутку к жениху; да смотри, старый хрыч, поезжай прямой дорогой, а там сверни с дороги-то направо, на бор, — знаешь, прямо к той большой сосне, что на пригорке стоит, и тут отдай Марфутку за Морозка.

Старик вытаращил глаза, разинул рот и перестал хлебать, а девка завывала.

— Ну, что тут нюни-то распустила! Ведь жених-то красавец и богач! Мотри-ка, сколько у него добра: все елки, мянды и берёзы в пуху; житьё-то завидное, да и сам он богатырь!

Старик молча уклал пожитки, велел дочери накинуть шубняк и пустился в дорогу. Долго ли ехал, скоро ли приехал — не ведаю: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Наконец доехал до бору, своротил с дороги и пустился прямо снегом по насту; забравшись в глушь...

Как вы поняли, центральное событие – девушку оставляют умирать, замерзать. Дальше события разворачивались так:

Девушка сидит да дрожит; озноб её пробрал. Хотела она выть, да сил не было: одни зубы только постукивают. Вдруг слышит: невдалеке Морозко на ёлке потрескивает, с ёлки на ёлку поскакивает да пощёлкивает. Очутился он и на той сосне, под коёй дэвица сидит, и сверху ей говорит:

— Тепло ли те, дэвица?

— Тепло, тепло, батюшко-Морозушко!

Морозко стал ниже спускаться, больше потрескивать и пощёлкивать. Мороз спросил дэвицу:

— Тепло ли те, дэвица? Тепло ли те, красная?

Дэвица чуть дух переводит, но ещё говорит:

— Тепло, Морозушко! Тепло, батюшко!

Мороз пуце затрещал и сильнее защёлкал и дэвице сказал:

— Тепло ли те, дэвица? Тепло ли те, красная? Тепло ли те, лапушка?

Дэвица окостеневала и чуть слышно сказала:

— Ой, тепло, голубчик Морозушко!

Тут Морозко сжалился, окутал дэвицу шубами и отогрел одеялами.

Наутро поехали забирать труп, а там живая девушка с подарками, возвращается. Старуха здесь же приказывает старику вести её дочерей. Привозит их, оставляет, и они ведут себя совершенно иначе. Об этом сказка говорит. Вновь отправляет старика за ними, и он привозит окоченевшие трупы.

Как и все русские сказки, этот сказ о Морозко дошел до нас неполным. В нём есть пропуски, трудно объяснимые действия. Откуда эта неполнота и непонятность?

Непонятно, например, каким образом отец свою дочь повёз умирать. Это не очень понятно.

Во-первых, сказки существует столько же, сколько и куклы, в которые мы играем, то есть давно. Во-вторых, сказки существовали у нас в устной традиции. Сказители не имели какого-то одного зафиксированного текста. Они тоже не всё могли понимать в сказках, делая пропуски или добавляя что-то от себя. Но все сказки хорошо знают, что у вещей, которые окружают человека, мы не найдем такого свойства, как «быть завтра». Время для всех, не только для детей, - проблема. Как вы знаете, русские относятся ко времени очень небрежно. Не ценят его. Что значит не ценят? Не регламентируют. Когда хотят, приходят. Когда хотят, уходят.

Без признака, указывающего на то, что нечто есть, а этого признака как раз и нет, трудно понять, что именно существует, а что не существует. Без него совершенно невозможно сновидения отделить от реальности. Но сказка и не пытается это сделать. Между тем, то, чего нет, также переживается как то, что есть. На этом тождестве и строятся все русские сказки. И очень жаль, что они были записаны очень поздно. Только в XIX веке, и то во второй половине. Хотя во Франции Шарль Перро собрал и издал сказки уже в конце XVII века.

У сказки «Морозко» существуют десятки вариантов. И нет ни одного полного. Итак, жили-были, с одной стороны, дед - немолодой мужик, а, с другой, немолодая женщина – бабка. У мужика была дочь, которая росла без матери. И у бабы была дочь, которая росла без отца. В разных сказках по-разному. Решили мужик да баба пожениться, чтобы у дочери мужика появилась мать, а у дочери бабы – отец. Что из этого получилось? Вообще-то должно получиться целое. Но, как говорит миф Платона об андрогине в «Пире», для этого нужно, чтобы обе половины несли в себе память о своей принадлежности к одному и тому же целому. Что указывает на эту принадлежность? Чувство любви. Что не упоминается в этой сказке? Чувство любви. В этой семье могло быть что угодно, но там не было любви.

Сказка ничего не говорит о том, была ли приязнь между мужиком и бабой. Скорее вовсе не было. Если бы она была, то были бы в новой семье совет да любовь, а у них была прагматика, рациональное отношение. Внешняя нужда, да суровая необходимость. Сказка говорит, что из двух половинок целое не слагается. Из мужа не всегда получается отец, а из жены – мать.

Сказка ничего не говорит о возрасте девочек, но поскольку в сказке речь идёт об их замужестве, следует думать, что было им около 11 лет. В сказочные времена девочки выходили замуж рано. Они быстро выросли и быстро старились. Чтобы стать

взрослой, нужно было пройти обряд инициации, то есть получить своего рода аттестат зрелости. Что нужно было уметь? Печь хлеб, вязать, ткать полотно, доить корову и, конечно, быть готовой рожать ребенка.

Мужик

Сказка на отца девочки практически не обращает никакого внимания. Мы мало что о нем знаем. Видимо, был этот мужик в семье ничем не примечателен, невзрачный, так себе. Этот мужик даже по большому счёту и не мужик, а ни то ни сё, человек-объект. Его функция состояла в том, чтобы, видимо, обеспечить разрыв ребенка в сказке с миром детства, с состоянием безответственности, наивности и асексуальности. Для этого детей удаляли из семьи, из общины, и они приобретали опыт немотствования, жизни в изоляции, преодоление чувства голода. Такой изгой, когда тебя подвергают остракизму, изгнанию, и ты должен показать, что ты уже взрослый. В этих испытаниях символически умирал один человек, и так же символически рождался другой.

Отец же девочки был не холод не горяч. Жизнь в нём едва теплилась. Он заплакал, когда увозил своего ребенка умирать, и обрадовался, что она не умерла и даже разбогатела. И всё же сказка шепчет нам ненавязчивую простую истину. Девочка, которая растёт с отцом, будет добра и трудолюбива. Девочка, которая растёт с одной матерью, будет капризной и ленивой. Посмотрим теперь на мать девочки, или как сказка называет - на бабу.

Мачеха

Всё внимание в сказке сконцентрировано на мачехе. Мачеха - это женщина с задним планом мыслей. Первый план ничего не говорит о втором. Вообще мачеха появляется в сказке поздно как замена обряда инициации падчерицы. Будучи совсем иным, она хоть и стара, да кремень. Воля к жизни в ней не дремлет, а ходуном ходит. Это не женщина, а настоящий субъект, средоточие чистого производства.

Все знают, как за мачехой жить. Что не сделает для неё падчерица, всё плохо. «Перевернёшься – бита, недовернёшься – бита», - говорит сказка. Дело не в том, что это качество определено тем, что у неё помимо прочего есть ещё и родная дочь. Отношение к падчерице у неё вряд ли бы изменилось, если бы даже и никакой дочери и вовсе не было. По отношению к своей дочери она и мать, и отец, и кормилица, и защитница, и по жизни водительница. На падчерице весь дом держится. Она и скотину накормит, и дрова занесёт, и печь натопит. Зачем же избавляться от работницы? Значит, дело не в работе, не в послушании падчерицы.

Не нужна мачехе падчерица. Она мачехе на нервы действует одним тем, что есть, одним фактом своего существования. Поскольку к ней и придраться никак нельзя, постольку её присутствие в доме делается для мачехи вдвойне невыносимым. Лучше бы она бездельничала, перечила мачехе, отлынивала от своих обязанностей. Тогда бы ещё хоть как-то с ней можно было бы жить, сжиться.

Негативное отношение к падчерице было бы в какой-то мере оправданным. А так что ни сделает падчерица, всё худо. Почему? Потому что её присутствие в доме ставит мачеху в позицию самонесовпадения с собой. К ней возвращается что-то человеческое, куда она уже не может вернуться. Ибо она застегнута на все свои пуговицы. Она в позитивном отношении к себе и к миру находится. Почему? Потому что трудно не совпадать с собой. Она хочет быть матерью, а ей приходится быть ещё и мачехой. Она, может быть, не хочет быть мачехой. Тяжело тиранить падчерицу и одновременно любить свою дочь, а затем еще и тиранить себя за свою несправедливость по отношению к приемной дочери. Падчерица - это такой момент семейной жизни, который не позволяет склеить эту жизнь в одно целое. Мужчину, которому все равно, одна у него дочь или две, этот момент практически не касается. Но этот же момент является для всякой женщины решающим в истории её раздвоения.

Все знают, что человек в аффекте может выйти из себя. Но каждый также знает, что затем он может вернуться к себе, успокоиться. В случае раздвоения нельзя вернуться к себе. Ты можешь выйти и не вернуться, нельзя быть в порядке перед самим собой. Ты всё время не у себя. Вот как говорит об этом сказка. *«Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится, не скоро уймется».*

В каждый момент она распадается на двое. Ей нужно прикладывать огромные усилия, чтобы хоть как-то компенсировать отсутствие своего цельного образа пристрастным отношением к родной дочери. Отсутствие своего цельного образа для неё самой является личной проблемой. С падчерицей у неё не конфликт. Это метафизическое неприятие самого факта существования другого. Поэтому падчерицу ей нужно сжить со света. Что это значит? Сжить со света падчерицу - значит вернуться из раздвоенности к своей изначальной целостности. Но возвращение не невинно. За все нужно платить. Она хочет, чтобы заплатил за это её муж. *«Вези, вези её, старик, - говорит она мужу, - куда хочешь, чтоб мои глаза её не видели. Вези её в лес на трескучий мороз».*

Старик везёт. Поведение отца девочки нехристианское. Сказка говорит нам, что он, услышав требование жены, затужил, даже заплакал. Однако в спор с женой не вступил и слова своего не сказал. Почему сказка ничего не говорит о его отцовских

чувствах? Если бы они у него проснулись, то он бы сказал жене: «Нет, сам не повезу и тебе не дам. Она моя дочь». Но он полагал, что жену не переспорить. Делать нечего. Запряг лошадь, посадил в сани свою дочь, отвёз в лес, свалил в сугроб и уехал.

В новой семье отец стал убийцей своей дочери.

Отцова дочь

Девушка сидит под Новый год под елкой, плохо одета, а мороз всё сильнее. «Тепло ли тебе, девица?» - спрашивает её Мороз, понимая, что на то он и Мороз, чтобы быть причиной её холода. Поэтому, спрашивая, он как бы вступает в языковую игру с девушкой, исход которой предопределен.

«Тепло мне, батюшка», - отвечает девушка. Почему она говорит неправду? Потому что она говорит не то, что она чувствует, потому что она следует формуле вежливости. Она ведёт себя, как социальное существо. В конце концов, если спрашивают, как у нас дела, мы ведь не говорим о том, какие у нас дела на самом деле, а говорим, что у нас всё в порядке. Девушка отвечает не содержательно, а формально. Ведь Морозко не спрашивает, холодно ли ей. Он спрашивает, тепло ли ей. Девушка терпеливая и не хочет обременять собой Морозко. Когда человек замерзает, ему всегда тепло, поэтому девушка в разговоре с Морозко сохраняет форму вежливости и одновременно адекватно передает своё состояние. Она замерзает. «Девица, - говорит сказка, - окостеневать стала, чуть-чуть языком шевелит. Ой, тепло мне, голубчик Морозушко». Ей конец, она умирает.

Морозко её жалеет. Как он может её пожалеть? Душу отделить от тела. Всё, девица отмучилась. Словами Морозко сжалился, сказка нарушает привычный ход вещей, логику, законы природы и вводит нас в план действия невозможного. Нет у Мороза для нас тёплых шуб и пуховых одеял. Он может нас укутать и согреть только снегом. Сжалится – это значит для него лишить нас страданий, то есть лишить жизни. Но в сказке невозможное неизбежное, и подчиняется оно правилу чуда. Что нам может помочь? На что мы можем рассчитывать? На случай. На то, что на всё в мире случайного есть заветное число.

Вот, например, как решается проблема в поэме Стефан Малларме: «бросок игральных костей никогда не устранит случая» написано в конце XIX века. Вместо Мороза Малларме вводит иную стихию. Море, на море шторм. Утлый корабль тонет, вместе с ним гибнет капитан. Гибель моряка неизбежна, но он хочет жить. На что он уповаает? В данной ситуации не на Бога, а на случай, который может упразднить необходимость смерти. «Среди бесконечного множества чисел есть одно, - говорит

Малларме, - которое, выпав, может справиться со стихией и спасти моряка». Оно, это единственное число, которое не может быть иным, может выпасть в один бросок. Моряк не хочет покоряться судьбе в момент, когда крушение терпит человек. Начинается его безумная игра с волнами. Моряк умер с зажатыми в руке игральными костями. Ничто, которое есть, как истина, не помогло капитану. Бросок игральные костей, будучи случаем, всё-таки никогда не устранит необходимости. Число - это всего лишь сунбур предсмертных галлюцинаций моряка.

Капитан Малларме надеялся на число. Замерзающая девушка ни на что не надеялась. Она покорила судьбе, и эта покорность, говорит сказка, возвратила девицу к новой жизни.

Старухина дочь что ни сделает, всё хорошо. Но не берут её почему-то замуж, а выдать её матери очень хочется. Как только увидела сердобольная мать, что падчерица воротилась домой и сияет вся в злате и серебре, так тут же велела старику отвезти её дочь на то же место, что и в первый раз дочь её мужа. Отвезти-то её отвезли, да не заладилась у девицы разговор с Морозко. Тот спрашивает, тепло ли ей, а она капризничает, нос дерет и в ответ ему говорит, чтобы он не скрипел, да не трещал. Обидно стало Морозко. Никто с ним так не разговаривал. Он ещё больше затрещал, и вновь спрашивает: тепло ли тебе, девица. Та гордая была, своенравная: уйти говорит она Морозко. Тогда в ответ Морозко так затрещал, так приударил, что невоготу стало девице. Когда её вновь спросили, тепло ли ей, она в раздражении крикнула: сгинь, пропади, проклятый Морозко. И уж тут Мороз так хватил старухин дочку, что она сразу окостенела.

Не прошла девица обряд взросления, не выдержала испытание. Рано ей ещё замуж. Нет у неё терпения, а без терпения нельзя стать более или менее сносным элементом социального общества. Чтобы войти в семью, войти в общину, нужно чем-то пожертвовать, что-то оставить за порогом. Прежде всего, свой гонор. Нельзя всё время прятаться за спиной у матери. Нужно и самой проявлять сноровку. Ничто не невинно, говорит сказка. За всё нужно платить в этой жизни.

Собачка

Ещё один герой этой сказки – это собачка. Рядом с человеком издавна живут разные животные и птицы: вороны, совы, мыши, кошки, собаки. Все они могут быть медиаторами, посредниками между этим миром и тем, между живыми и мертвыми, между обыденным и волшебным. Таким медиатором в сказке является собачка. В какой-то момент сказка обращает наше внимание на собачку. В тот момент, когда старуха готовится к похоронам. Что значит похороны? Это обряд, на котором

присутствуют не только живые, но и мёртвые люди, и каждому нужно знать, что можно делать, а что нельзя. Например, нельзя чокаться, нельзя ставить на стол напитки, их нужно выставить на отдельном столике, ибо мертвых одолевает жажда, и может начаться столкновение с ними.

Старуха печет блины, а собачка ей говорит: «Не пеки блины. Всё равно старикову дочь везут в злате и серебре, а старухину дочь никто замуж не берёт». Старуха и блинами её кормила, и била её, и просила говорить иначе, а домашняя собачка стоит на своём.

Когда же старик во второй раз поехал уже за старухиной дочерью, собачка вновь выступила посредником. Она, вопреки желаниям старухи, сообщила, что падчерица выходит замуж, а её дочь умерла. Откуда у собаки это знание? Неясно. Общается ли она с миром иного? Тоже неясно. Разговор старухи с собачкой встречается не во всех вариантах. Это значит, что не все рассказчики понимали его смысл. Тем не менее, он важен. Почему? Потому что он должен объяснить отношения между старухой и стариком. Ведь не все понимают язык животных. Старик его не понимал, а старуха понимала. Значит ли это, что она была не просто старуха, не обыкновенная, а она была ведьмой или колдуньей? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно заново, ещё раз прочесть сказку в обработке Афанасьева.

Лекция № 11

Морозко (продолжение). Коронавирус: свобода или судьба. Капитал. Число или спекуляция. Социалистическая переделка человека. Что такое система социального доверия? Что такое общество? Жунчэн.

Морозко (продолжение)

Продолжим рассматривать русские сказки и искать антропологические фигуры в этих сказках. На прошлой лекции, разбирая «Морозко», выяснились какие-то непоследовательности, пропуски, непонятные вещи. Непонятна собачка. Она лает и разговаривает с бабкой, а с отцом девочки, с мужчиной не разговаривает. Сказка намекает на то, что это непростая была бабка, а это было то ли ведьма, то ли колдунья. Нужно будет посмотреть на афанасьевскую переработку сказки, чтобы ответить на этот вопрос.

Что мы обнаруживаем в отредактированной Афанасьевым сказке? Во-первых, что в ней вообще нет диалога между мачехой и собачкой. Во-вторых, у мачехи там оказывается не одна, а две родных дочери, то есть собачки нет, но дочери у неё две. Не будем делать дикого предположения, что одна дочь заменила собачку, или, наоборот, собачка заменила вторую дочь. В-третьих, в финале сказки помирились падчерица и мачеха. Вот это самое главное. В-четвёртых, в сказке, обработанной Афанасьевым, старик обрёл голос и вступил в пререкания со старухой. В-пятых, в ней сохранены диалоги между Морозко и девицами. В них, кроме перебранки между сестрами Парашей и Машей, нет ничего нового. Сказитель передаёт стиль и мысль дохристианского времени.

Сказка, в обработке Афанасьева, начинается словами: жили-были старик со старухой, у старика и старухи было три дочери. Возникает вопрос: а сколько старикам лет, если у них три незамужних дочери? Сказка даёт на это косвенный ответ. Старики думали о том, как пристроить своих детей, выдать замуж. Значит, допустим, если младшей дочери 11 лет, то старшей будет как минимум 14. Учитывая это, можно сделать вывод, что мачехе было 30 лет, а деду, допустим, около 35.

Сказка говорит, что мачеха не любила старшую дочь. Не кроется ли разгадка в этой нелюбви? В слове «старшая». Почему старшая? Старший ребёнок является наследником. Старшей была Марфуша. Если что-то случится с отцом, то всё хозяйство перейдет ей, а дети мачехи останутся ни с чем. Падчерица была умной, но не тем умом, которым умны современные люди, а другим. Мы умеем крутиться-вертеться, приспособливаться. Быть умным, говорит сказка, не значит быть творческим. Быть умным - значит не думать самому, потому что, кто думает сам, тот не послушен, а падчерица Марфуша послушна. В ней работает традиция. Ничего, кроме следования традициям, в ней нет. Но традиция предписывает ей послушание и по отношению к мачехе. То есть получается, традиция предписывает послушание, а от мачехи пощады не будет. Пощады не будет, потому что она должна освободить место наследницы для своих детей. Для этого падчерицу, по крайней мере, нужно выдать замуж или, как говорит сказка, «старшую с рук сбить».

Формально всем хозяйством распоряжается отец Марфуши: и тем, которое у него было, и тем, которое принесла в дом мачеха. Почему же он не пресекает нападки на свою дочь? Что его сдерживает? Может быть, договор со старухой. Тогда почему сказка ничего об этом нам не говорит? Сказка об этом говорит так: не знал старик, чем пособить горю. Сам же был хил, а старуха – ворчунья, а дочь её - ленивица и упряmica. Откуда взялась у зрелого мужика хилость? Об этом сказка тоже ничего не говорит. Не от ворчливой ли бабки?

И вот настал тот час, когда мачеха решила отдать падчерицу замуж, а её отец подчинился этому решению, поскольку, видимо, об этом был договор. Утром старик и его дочь Марфуша узнали, за кого мачеха выдаёт падчерицу замуж. За Морозко. А кто такой Морозко? Это не парень из деревни. Это дух, повелитель снега и мороза. Марфуша стала невестой Бога. То есть её принесли в жертву богам. В дело вступили нормы языческий религиозной жизни. Падчерица завывала, а отец Марфуши, по словам сказителя, вытаращил глаза, разинул рот и перестал жевать. И отец, и дочь почувствовали себя обманутыми. Так они не договаривались. Видимо, мачеха обманула своего нового мужа, отправив его дочь на смерть. Она, видимо, зналась, говоря христианским языком, с нечистой силой. На это намекает сказка, сохранившая разговор колдуньи и собачки.

Муж её побаивался. Она его могла известить, сделать хилым одним только ей известными способами. С мужа она могла взять клятву, которую он ни при каких обстоятельствах не мог нарушить. Но случилось так, что в жертву духу Морозко были принесены дочери старухи-колдуньи. «Ты на богатство польстилась, меру перешла, себя обманула, детей потеряла», - скажет в финале старик, обращаясь к жене.

Финал сказки неожиданный. Он какой-то христианский, а не языческий. Все со всеми помирились: муж с женой, падчерица с мачехой. Марфуша вышла замуж за соседа и нарожала детей. Дед стал воспитывать своих внуков. Он их и Морозком страшал, и упрямитесь им не давал.

Коронавирус: свобода или судьба

В вопросе о коронавирусе важен не коронавирус. Важна реакция на него политической и интеллектуальной элиты. Вирус хорошо знаком эпидемиологам. По своей сути он должен быть проблемой для вирусологов и ветеринаров, а он превратился в глобальную проблему цивилизованного мира.

Коронавирус, как вы уже видите, показал всем нам такие огромные изъяны системы здравоохранения, но не только эти изъяны интересуют нас сегодня. Нам интересно узнать, от чего запаниковало политическое сознание Запада и России. Почему никто из интеллектуалов свободного мира не обеспокоен вопросом о том, что если природа, или, как его называют философы, Великое Внешнее, возвращается в нашу цивилизацию, то куда делось из неё великое внутреннее, то есть сознание? Коронавирус, сам того не ведая, стал символом завершения одной цивилизации и начала другой. Мы с вами вступили в ситуацию с коронавирусом во главе с Америкой, а выходим из него во главе с Китаем. Весь остальной мир, и Россия вместе с ними, между Америкой и Китаем, не понимая, что делать, куда бежать, к кому прислониться.

За несколько месяцев на наших глазах произошла смена лидера, и с этим теперь нужно считаться всем политикам и философам. Считаться с чем? С тем, что уходит, и с тем, что приходит. Уходит Америка. Приходит Китай. В чём разница между ними? США стояли во главе мира, в основе которого лежит спекуляция и свобода. Китай возглавил мир, в основе которого лежит число и необходимость. В основе западного мира лежал миф о бытии. В основе нового числового мира лежит миф о судьбе.

Капитал

Что такое спекуляция? Это, как вы знаете, расширение реальности посредством мнимости. В западном мире эта мнимость называется симулякр. Что такое мнимости? Это то, чего нет, но что существует, если к нему произвольно или непроизвольно относятся как к чему-то действительно существующему. Самая известная мнимость - это деньги. Зачем нам мнимости? Затем, чтобы расширять реальность. А зачем нам расширять реальность? Затем, чтобы от неё не зависеть. Зачем нам независимость? Затем, чтобы давать плоть своим грезам, мечтам.

Человек есть единственное во Вселенной существо, у которого есть чувство реальности. Следовательно, у которого есть то, что мы привычно называем просто реальностью. Реальность изменчива, пластична, ибо в основе ее лежит чувство. Западная цивилизация использовала это чувство для того, чтобы посредством воображаемого расширить границы реального и посредством этого расширения открыть поле для практически бесконечного движения капитала. Но это движение капитала является не виртуальным, а спекулятивным. Почему? Не потому, что капитал мошенничает, играя на ценовых различиях, покупая товар по низкой цене и продавая его по высокой, хотя он и мошенничает. А потому, что его товар - это деньги, вернее мнимости, посредством которых он добивается независимости от натурального хозяйства, от производства товаров и услуг.

США нам показали, что задачи экономики – это не производство товаров. Само по себе это производство товаров важный, но не необходимый элемент движения капитала. Эффективно то производство, где деньги делают деньги без обращения к труду рабочих, без машины, без станков и прочего устарелого материала. Деньги делают деньги посредством расширения реальности, за пределами того, что требует наличного существования, присутствия в пространстве.

Спекулятивный капитал потребляет само время. Для того чтобы быть, ему требуется только сознание человека. Ему не нужен сам человек. Это основное противоречие спекулятивного капитала, которое он не смог разрешить. Западный мир в лице Трампа это понял и попытался реформировать спекулятивный капитал, вернуть

его к реальности, к экономике, которая процветает в цехах, а не на бирже. Но этот возврат к Великому Внешнему, натуральному для капитала уже невозможен. Западная экономика под руководством финансового капитала может только галлюцинировать. Она не реформируема и практически не может ответить на вызовы даже со стороны коронавируса.

Поскольку Трамп ослабляет могущество спекулятивного капитала перед лицом нового числового порядка, постольку судьба Трампа не завидна. Рано или поздно Америка им пожертвует во имя символического обмена воображаемым и ради сделок с призрачным бытием.

Число или спекуляция

С чего начинается история человека? Со взрыва галлюцинаций. Чем заканчивается цивилизованная история человека? Рассеиванием внутреннего, схлопыванием субъективного и объективного в числе. Цивилизация, основанная на спекуляции, готова отказаться от роли человека в экономике, но она не может отказаться от той субъективности, которая открывает необходимость действия через свободу. Почему не может? Потому что не может отделить сознание от человека, не может задать его на каком-то другом материале.

Судьба как новый числовой порядок отделяет человека от сознания. Что значит отделить человека от сознания? Это значит поместить его в общество, которое состоит из набора алгоритмов. При этом неважно, выполняет ли человек частичную функцию или он разнообразит исполнение своих функций. Человек - это биологический робот. Общественные отношения – это отношения человека к алгоритму. Человек либо послушен алгоритму, тогда следует награда. Либо он исполняет судьбу, тогда следует наказание. «Моё отношение к моей среде, - говорит Маркс, - и есть моё сознание». Маркс был прав, заявляют авторы системы социального доверия, или кредитов, в Китае. Только наша среда, уточняют они, это не какая-то природа в обычном смысле этого слова. Это набор алгоритмов.

В 2014 г. в Китае стали составлять этот набор для системы социального доверия. В 2020 г. они завершают систему социального доверия и пускают её в дело. В этом году мы все почувствуем дыхание своей судьбы. Что это за дыхание?

Америка - это капитализм. Китай - это социализм. Коронавирус – это судья. Этот судья сегодня на стороне Востока. Новый числовой порядок одолел спекулятивную структуру Запада. Иными словами, социализм победил капитализм. Что теперь ждет человека? Человека ждёт социалистическая переделка. Что это такое?

Социалистическая переделка человека

Под таким названием появилась в 1922г. статья Выготского. О чём эта статья? О тёмной стороне человеческого существования. Что это за сторона? «Все сущностные силы человека, - говорит Выготский, следуя за Марксом, - опредмечиваются, но есть в нём ещё и не сущностные силы, которые не опредмечиваются». Что это за несущностные силы? Выготский не говорит.

В 1924г. он в докладе «Психология в нашей школе» выражается яснее. На его взгляд, это биологический недоносок, заболевший мыслью и не нашедший для себя органического равновесия. Но мы сегодня можем догадаться, что речь идёт о способности воображения, которая никаким обществом, не под каким предлогом контролироваться не может. В свою очередь образы, равно как и внешние раздражители, могут быть причиной действия человека, могут определять его поведение. Поведение, определяемое внутренними образами, по своему существу не является социальным. Может ли оно вписаться в систему социального доверия, или кредиты? Нет, не может. Об этом знают не только философы Китая, но и философы Запада. Об этом знали Спиноза и Выготский. «Человек возьмёт самого себя, - мечтал Выготский, - в обработку, в ступу, в реторту химика. Человек взглянет на себя, как на сырой материал, как на физический и психический полуфабрикат, и создаст из себя сверхчеловека».

Что говорит Спиноза? Он говорил в «Этике», что человека нужно переделать так, чтобы между нами и новым человеком было такое же сходство, как между псом, лающим во дворе, и созвездием пса на небе. А что говорил Выготский? Он говорил, что человек получает возможность развития не в воображении, а в коллективе: «только в коллективности получает индивид средства, дающие ему возможность всестороннего развития задатков... только в коллективности возможна личная свобода».

Когда человек вне коллектива, уверен Выготский, свобода ему не нужна, а поскольку мыслить человек может только наедине с собой, вне коллектива, постольку Выготскому не совсем понятно, что нужно делать с мыслью. Выготский полагает, что ошибочно соединять свободу и мысль. Нужно научиться соединять мышление и работу. Мыслить – это и значит работать. Всё равно кем.

Социалистическая переделка человека связывается Выготским с учением о сверхчеловеке. Антропология сверхчеловека исходит из того, что человек не последний и не высший этап развития, что он должен быть преодолен. Переделке подлежит сама биология человека. Почему? Потому что люди по природе своей не равны, а коллектив - это то, что делает людей равными. Но у человека есть ещё ум, способность

воображения, которая не принадлежит ни природе, ни коллективу. Она мешает, делает людей равными.

Если из коллектива убрать разъединяющие в ней различия, то есть ум, то что остается в коллективе? Посредственность, редукция высшего к низшему. В коллективе общество вырабатывает чувствительность, принципом которой является подчинение высшего низшему или ориентация; ритм задаёт низшее, несовершенное. То есть коллектив равняется на самого слабого.

Любой социум основывается на конформизме людей. Как говорил биолог Кольцов, самый успешный социум – это тот социум, который уподобляет людей муравьям или термитам. Рассуждая в «Диалектике мифа» о гении Лосев писал: «раз искусство, значит гений; раз гений, значит неравенство; раз неравенство, значит эксплуатация. К чему это ведет?» К капитализму.

Что должен делать социализм? Искоренить искусство, отказаться от человека-художника, но сначала он должен отказаться от различия между полами. Если же мы отказываемся от религии, то нужно отказаться и от искусства. А если оставляем искусство, то нужно оставить и религию. Такова мысль Лосева в «Диалектике мифа».

В 20-е годы в Советском Союзе была создана Лига Времени. В это объединение входили многие, в том числе Троцкий и Выготский. Для чего была создана Лига? Для того чтобы решить одну проблему. Какую? Выяснилось, что русские не ценят время. Из-за этого русские склонны к своеволию, неподчинению порядку. Они думают, что вздумается. Приходят и уходят, когда хотят. Для искоренения этого недостатка стал издаваться журнал «Время».

В России и до революции очень трудно приживался протестантский лозунг «время – деньги». Почему? Потому, что мы живём в православной стране. Не легко было приучить русского крестьянина вовремя приходить на работу, не ходить по газону, не пить в рабочее время, не сквернословить, слушать мастера. Мерами переделки крестьянской натуры были штрафы. На штрафы русские рабочие отвечали забастовками. Похожие проблемы есть и в современном Китае. Решаются они другими методами, цифровыми.

Что такое система социального доверия?

Китай изобрёл не только порох и бумагу. Он изобрёл ещё и систему социального доверия. Что это за система? Внешне она напоминает идеологию русской крестьянской общины. Эту общину разрушил Столыпин, освободив пространство для фермерского

хозяйствования. Чем была нехороша община? Тем, что в ней коллективная ответственность не позволяла развернуться личной инициативе. А чем она была хороша? Тем, что она не позволяла, не разрешала выталкивать людей из общины. Что такое массы? Это крестьяне, покинувшие деревню, покинувшие общину. Община мешала появлению бесформенной массы людей. Она закрывала возможность для формирования новых социальных структур, то есть идеологии пролетариата.

В Китае давно уже действовала система баоцзя, придуманная Шан Яном. Что он придумал? Взаимное наблюдение людей друг за другом и коллективную ответственность за преступления. Для удобства он разделил крестьянские дворы на 10, 100 и 1000. В 1949г. в Китае эту систему отменили, но с 2004г. по 2020г. она, вбирая в себя конфуцианскую этику, вновь стала реализовываться как политическая программа Китая. Что хочет элита Китая? Переделать людей. С какой целью? Для чего? Для того чтобы они жили по закону. Возникает вопрос: кто кому доверяет, кто кого контролирует? Человек общество или общество человека?

Что такое общество?

У каждого человека есть свой мир. Этот мир внутренний. О нём нельзя судить по внешнему миру. В своём мире можно думать, но в нём нельзя жить. Живут в общем для всех мире. Этот общий для всех мир называется обществом. Для чего нужно общество? Для того чтобы сохранить внутренний мир людей. То есть общество нужно не для экономической эффективности внешней жизни, а для создания условий для религиозной, художественной и философской жизни. Если не будет этой жизни, то не будет оснований и для существования общества.

Наоборот, обществу в человеке нужен социальный ум, который требует от человека только одного: быть послушным закону. То есть в нас есть ум, но этот ум нужен не нам, а обществу, которое его в нас выращивает. Закон - это обобщенный друг. Наш ум нужен обобщенному другому. Зачем? Затем, чтобы управлять нами тогда, когда мы поймем, что общество лишает нас внутреннего мира. Это значит, что общество нам не нужно. Социальный ум - это ум конформистский. Эта мысль лежит в основе системы социального доверия. Все люди по своей природе не равны. Наша природа – это грёзы. У каждого человека свой путь из мира грез в общий для всех мир, поэтому очевидно, что равным полагается равное, а неравным полагается неравное. Таков путь справедливости, которая выше любого права.

Что говорит система социального доверия? Она говорит следующее: «оправдавшие доверие пользовались бы всеми благами; не оправдавшие не могли сделать ни шагу». Это значит, что послушным – благо, а непослушным – остракизм.

Принцип равенства даёт равное и неравное. Система социального доверия отменяет этот принцип.

Жунчэн

Всем жителям города Жунчэн система социального доверия выделила по 1000 баллов. Не убрал житель во дворе за собакой - система списывает с него 5 баллов. Проехал на красный свет - она ещё вычитает 5 баллов. Плюнул на пол - ещё списывает 5 баллов. 10 раз плюнул – списывает 50 баллов. Изменил жене – лишился еще пять баллов. Вышел на улицу пьяный - ещё один вычет. Прошёл по газону, проехал без билета – и вот ты уже изгой, ты гражданин под литерой Д.

А делаешь ты добрые дела, не ругаешь власть, поднял бумажку с пола, заботишься о родителях, прочитал Карла Маркса - всё это повышает твой рейтинг. Если у тебя будет 1200 баллов, то ты станешь гражданином с тремя буквами А. Если кредитор слышит, как стучит твой молоток, он, как говорит Вебер, будет спокоен. Если компания Алибаба увидит, что ты по 10 часов играешь в компьютерные игры, она посчитает тебя неблагонадежным.

Дело в том, что действительно до революции у нас была проблема штрафов. То есть мы вырабатывали, делали из крестьянина структуру рабочего, новую социальную структуру рабочего. Каким образом? Штрафовали. Поспорил с мастером – штраф. За всё штраф. Когда люди подходили к окошечку получать свою заработную плату, они её не получали, потому что она вся исчезала. Соответственно тогда начинались забастовки. Требовали отмены штрафов. Но поскольку у нас был 1917 г., революция, постольку мы не выделали окончательную структуру этого рабочего.

Дело в том, что сегодня в основе нашей социальной структуры лежит не рабочий уже, не крестьянин, а люди сферы услуг, сотрудники различных офисов. Система социального доверия - это и есть система, которая пытается убрать такой институт как деньги, и заставить людей жить с неким эквивалентом в виде электронной формулы, на которую начисляются баллы. Это всё, что у тебя есть в этом мире. У тебя есть только два движения: либо ты повышаешь бал, либо ты понижаешь бал.

Лекция № 12

Китайская стратегия перехода к числовому миру. Западная стратегия.

Последние две лекции будут о пандемии, о том, что с нами происходит, что может произойти, что будет после пандемии и прочее. В этих лекциях весь аппарат философии, философской антропологии для того, чтобы проанализировать то, что происходит.

Вспышка эпидемии коронавируса произошла в китайском Ухане. Мир отнесся к этому спокойно. Там же, в Ухане, вспышка была и подавлена. Мир мобилен, коронавирус попал в Америку и Европу. Западная бюрократия не справилась с вирусом, но пандемия не началась. Она не может начаться, пока ей не охвачен весь остальной мир, и прежде всего Россия, самая большая страна мира. Правительство России долго колебалось: объявить ему эпидемию в стране или не объявлять. Если не объявлять, то вдруг она, эпидемия, на самом деле начнётся, а страна к ней не готова, потому что советская система здравоохранения была разрушена, а это страшно, ибо никакой новой системы не было создано. Если объявить об эпидемии, то можно сделать вид, что мы с ней справляемся, хотя на самом деле её нет. Но тогда можно скрыть провал своей политики в экономике здравоохранения. Поэтому, в конце концов, решили объявить о пандемии, поддержав незаконное решение ВОЗ. Правда, защитные маски появились через 2 месяца после начала пандемии. Москва не была закрыта.

Вирус пошёл гулять по России. Производство ИВЛ без комплектующих, видимо, будет организовано уже после пандемии.

Две стратегии складываются сейчас в ситуации пандемии. Они определяют то, что будет после пандемии, в ближайшее время: через месяц-два, полгода. Пандемия коронавируса выявила 2 стратегии вхождения человека в числовой мир. Первый путь – китайский. Второй путь – западный.

Символом первого пути является Ухань, где возникла и была подавлена эпидемия. Символом второго пути - Нью-Йорк. Первый представляет мобилизованное общество. Второй – демобилизованное. Китайский проект основан на системе социального доверия, которая исходит из того, что человек является существом социальным, продуктом общества. Поскольку он продукт, постольку он не подчиняется биологическим законам. Главной проблемой этой системы является проблема выбора между двумя вариантами управления человеком. Что лучше: управлять сознанием человека посредством средств массовой информации и свободных доносов людей друг на друга или же системой неотвратимого наказания за проступки?

Китай выбрал второе. Сколько в Китае занесено в чёрный открытый список людей, нарушивших порядок? 13,5 млн., среди них 1,5 млн. членов Коммунистической Партии Китая. Сколько в России людей, которые не могут обслуживать свой кредит и должны быть занесены в чёрный списки? 40млн. В списке федеральной службы судебных приставов ограничен выезд за границу 3,5 млн. человек. Сколько человек занесено в черный список в США?

Иными словами, суть дела состоит не в тотальном контроле за человеком в Китае. А в чём? В том, что обществу, видимо, нужно научиться неосознаваемые мотивы, поступки и действия людей выводить на свет сознания. Тотальный контроль в Китае пытается отменить бессознательное, распространяя повсюду сознание. Но сознание само по себе ведет не только к добру, но и ко злу, различие между которыми закреплено в системе социального доверия. В ней говорится, что надежные люди будут беспрепятственно бродить под небесами, тогда как дискредитировавшим себя трудно будет сделать даже один шаг. К чему должны стремиться люди? Обратите на это внимание. К искренности. Кто мыслит искренне? Тот, у кого нет заднего плана мыслей. Думать – значит думать громко, и искренний человек только подумал, а его мысли уже слышны.

Когда какой-то чиновник, предлагая Конфуцию взятку, стал уверять его, что никто об этом не узнает, Конфуций ответил: «Ты знаешь, я знаю, небо знает. Кто не знает?». Он отказался брать её. За что наказывают человека в Китае? За лицемерие. За

то, что человек говорил одно, а делает другое. Что нужно закрепить в числовом порядке? Искренность сознания, которая отклоняет хитрость разума. У кого нет искренности, тот не мыслит, тому не доверяют. Нет ничего, чего бы мы не достигли посредством социальной инженерии, думают китайские философы. Но что делать с искренностью в обществе, которое основано на собственности, на отношениях к собственности? Как быть искренними, если собственность - это кража? Как отклонить хитрость разума, если торговля - это обман. Как доверять СМИ, если СМИ следуют не истине, а увеличению прибавочной стоимости? Что делать, если в основе коммуникации лежит ложь, а договор предполагает откаты? Как верить политикам, если они скрывают правду?

Социальное доверие полагает неравным неравное. За одно и то же преступление более строгое наказание должно быть для чиновников, для тех, кто облечен властью. Для народа оно должна быть мягче. «Не пойман, не вор», - говорят в России. Не стыдно украсть, стыдно, если все узнают, что ты вор. Кому будет не стыдно? Тому, кто потерял сознание. Задача системы социального доверия - вернуть людям сознание и назвать всех, кто нарушил порядок.

Западное общество отклоняет мысль об искренности. Оно склоняется к мысли о том, чтобы лишить людей сознания, натурализовать человека, представить его как продукт природы. Нет в человеке ничего, что было бы в нем не от природы. Не существует принципиальной границы между человеком и животным. Так думают западные философы. Это значит, что суть дела для них состоит в органике, а не в обществе. На Западе – органика. В Китае общество - предмет внимания.

Западная философия решила заменить социальные коммуникации биокоммуникациями. Почему? Потому что обман является условием социальных коммуникаций. Кто не обманывает, тот не коммуницирует. Истина не коммуникативна, а социум лжив. Как от него избавиться? Нужно, говорит Илон Маск, отказаться от языка и перейти к биокоммуникации. Значит ли это, что мы должны стать животными? Западное сознание даёт утвердительный ответ на этот вопрос, имея в виду, конечно, реверс, возврат, но на более, как говорят диалектики, высоком уровне. Мы животные с компьютером и Google. Google, как недавно стало известно, может сломать даже шпиль МГУ.

Чем хороши биокоммуникации? Отрицанием отрицания, как говорил Гегель. Тем, что у них нет двусмысленности, но не потому, что в них есть искренность сознания, а потому, что они совершаются помимо языка, эмоций, социальных отношений и сознания. В них каждым передаётся информация о том, что он думает и

чувствует на самом деле. Более того, в коммуникации участвует и такое знание, которое мы ещё не узнаем как наше знание.

В первом случае человек ставится в зависимость от своей судьбы, от числовых отношений в обществе. Во втором речь идёт о цифровом реформировании органической природы человека. В китайском варианте человек зависит от цифровой переделки общества. Что такое общество? Общество - это чиновники. Чиновниками должны руководить не идеи и не интересы, а искренность, говорят в Китае. Что будет подталкивать к искренности? Цифры, числовой контроль, числовые соотношения. Китай использует цифровые технологии, пытается найти некое равновесие между обществом и человеком, между народом и чиновниками.

В западном варианте перехода к цифровым технологиям меньше всего уделяется внимания перспективам социального преобразования. У Запада сегодня нет никаких социальных идей. Он мыслит человека как биосоциальное существо. Во главу угла ставится вопрос о воздействии человека на природу. Современное западное сознание интересуют экологические проблемы в отношениях с природой. Его не интересуют общество, интересуют не общество. Общество для него исчерпывается двумя словами: свобода и демократия. Запад интересуется то, что будет после человека и без человека.

Современный Китай интересуется культура сознания и цифровые технологии. Его не интересуют природа, как она есть сама по себе. Перейдём к проблемам китайской стратегии перехода к числовому миру.

Китайская стратегия перехода к числовому миру

В чём состоит проблема социальной коммуникации? В том, что, пользуясь языком, мы говорим не только о том, что существует, и даже не столько о том, что существует, но о том, что нам видится как существующее. Что это значит? Это значит, что А, вступая в коммуникацию с Б, думает, что он А', то есть он что-то думает о себе, что он есть. При этом Б думает, что он Б', и А' видит в Б - Б". Б' видит в А не что иное как А''. Кто с кем вступает в коммуникацию? А' коммуницирует с Б", а Б' с А''. А с Б никогда не вступят в коммуникацию. Коммуницируют призраки, фантомы, а поступки совершают А и Б. Что делают теоретики нейронета? Они теряют призраки, то есть расширения в социальное.

Проблема социального доверия состоит в отсутствии ответа на вопрос о том, что такое социальные отношения. Что из себя представляет сама материя социального? Не является ли социальное неким произвольно установленным алгоритмом, колеёй для грезящих, для плохо видящих порядок в Поднебесной, для пребывающих во сне наяву?

Для того, кто изначально заблудился, неважно, куда он идёт. Важно всё время идти в одном направлении. Оно куда-нибудь, да выведет.

То, что социальное - это не отношения человека к человеку, опосредованное вещами, это очевидно. В лучшем случае это отношение опосредовано образами галлюцинаций, тем, что я думаю о себе, вступая в коммуникации с тем, что я думаю о другом. Меняя вещи, мы не изменим отношения между людьми. Наоборот, меняя образы галлюцинаций можно изменить отношение к вещам.

Не является ли само число некой новой социальной колеей для заблудившегося человечества? Китайские философы, на мой взгляд, готовы утвердительно ответить на этот вопрос. Но для этого им придется отказаться от идеи о том, что человек - это разумное существо и принять идею о том, что человек - это неразумное существо, существо, нуждающееся в привнесении сознания извне. Отсюда следует, что всё самое важное в жизни человека совершается не в языке, не в речи, а в субъективности повседневного молчания. Перейдём к западной стратегии, которая, конечно, нам сегодня ближе.

Западная стратегия

Для западного сознания очевидно, что Бог создал человека, что общество он не создавал. Поэтому история человека - это не история общества, а история людей, учредивших для всех мир. Человеческая популяция имела в своем истоке, на взгляд ученых, примерно 100000 особей. Так думал Капица. Такую же численность имели и до сих пор имеют волки, кабаны и другие животные, вес которых приближается к 100 кг. Но человек существует в биосфере не по законам биосферы, а по законам какого-то другого мира. В настоящее время насчитывается примерно 7,5 млрд человек. Почему человек вышел за свои биологические пределы? Ясного ответа на этот вопрос не существует. Имея в виду это обстоятельство, современное западное сознание склонно называть человека раковой опухолью планеты, изменившей привычный ритм её жизни.

По словам Станислава Лема, фантаста, любимого писателя в западном мире «человек - паразит земной биосферы». Какой же вопрос интересует западное сознание? Нельзя ли человека вернуть природе? Нельзя ли построить мир без человека? Нельзя ли подчинить его жизни в естественных пределах? Ответ на этот вопрос: конечно, можно. Я даже думаю, что поиски ответа на этот вопрос составляют смысл современных западных философских исследований.

Что нужно сделать для того, чтобы возвращение состоялось? Прежде всего, нужно вообще отказаться от органики, от жизни. Нужен симбиоз с искусственным

интеллектом, ибо искусственный интеллект, как говорит нам Илон Маск, расширяет нейроны мозга. Но Маск при этом не говорит, что появляется в пространстве расширения. Всё это расширение нейронов мозга возможно в отдаленной перспективе. Что же ещё можно? Ещё можно, по словам Била Гейтса, сократить количество людей, живущих на планете до половины млрд. Каким образом? Как показали доклады Римского клуба во второй половине XX в., это возможно без вмешательства в природу человека в том случае, если мы выберем нулевой рост своей цивилизации.

Уже работа русских учёных первой половины XX века показали, что природные ресурсы ограничены. У человека «нет иного выхода как переселиться в космос», говорил Циолковский. Физические пределы роста человеческой цивилизации никакими социальными преобразованиями преодолеть нельзя, говорил Умов. Чем плох человек? Человек плох тем, что он живёт, а ещё он плох тем, что он галлюцинирует. Что значит живёт? Каждый человек, чтобы жить, потребляет в год 9 тонн воздуха, и у каждого ещё плюс будет своя машина. При этом ещё каждый человек выделяет 5 тонн углекислого газа. Если на земле будет жить 10 млрд человек, и у каждого будет своя машина, и каждый при этом за год будет съедать одну корову, то, как полагает новый западный натурализм, человеческой цивилизации придет конец. Ведь одна легковая машина потребляет в год четыре тонны кислорода. Для того чтобы выпить стакан молока, нужно где-то сжечь полстакана дизельного топлива. Что же тогда делать? Два варианта: либо нулевой рост, либо мы вмешиваемся, как думают на западе, редактируем природу человека.

Чтобы понять, как работает мозг человека, в США ученые под руководством Черча, бывшего руководителя программы «геном человека» решили создать карту активности мозга. Что хотят в Америке? Они хотят зарегистрировать все импульсы мозга. Для чего? Для того чтобы раз и навсегда решить проблему сознания. С этой целью на каждый из 100 млрд нейронов, они хотят посадить наномашину. Зачем? Затем, чтобы руководить сознанием.

В Европе под руководством Генри Макрама создают действующую модель мозга на компьютере. В этой модели одному нейрону будет соответствовать условно 1 процессор. Чтобы смоделировать мозг человека нужно 100 млрд процессоров, упакованных в колонки по 1000, как упакованы нейроны. Пока никаких успехов у Макрама не наблюдалось.

Что на самом деле делает мозг? На самом деле он руководит нашим телом. Что будет знать западное сознание, изучив мозг? Всё, что касается руководства нашим телом. Прежде всего, помогать людям больным. При помощи наномашин можно контролировать органические процессы, управлять телом человека. Но при помощи

этих машин нельзя управлять сознанием. Почему? Потому что сознание не продукт эволюции. Мозг - продукт эволюции, а не сознание. Сознание - сингулярное событие. Сознание можно только убить.

Западная философия, пользуясь доминирующим положением Европы и Америки в мире, хочет создать свой числовой порядок. Для этого порядка, как я уже сказал, по словам Маска, требуется 500 млн. человек. Они будут обладать сознанием. Для чего? Для того чтобы при помощи наномашин управлять остальными людьми как биомассой. Если когда-то удалось превратить диких животных в биомассу, то есть массу, встроенную не в биосферу, а в технический порядок, то нет никаких запретов для того, чтобы нельзя было встроить в этот технический порядок и человека. Во всяком случае, как полагают теоретики постчеловека, до тех пор, пока не появится создание, которое сможет заменить человеческую органику вообще. Человек же, размышляет Маск, будет существовать вечно в сети как призрак. Его не будет, но всё, что он думал, будет доступно всем.

В чём состоит проблема биокоммуникации? В том, что непонятно, кто за что в них отвечает. Мы за мозг или мозг за нас. Биокоммуникация, по мысли её теоретиков, освобождает наше я от самого себя. Почему? Потому что биологические отношения, как и экономические, о которых когда-то говорил Маркс, складываются у нас за спиной, минуя наше я. Как говорит Маск, было бы хорошо, если бы информация передавалась из мозга в мозг без всяких шумов, искажений, без того, чтобы мы могли что-то сжимать, упаковывать какие-то мысли в слово, а затем распечатывать, извлекать из него с ошибками. Что мешает мыслить? Язык. Язык не дом бытия мысли, а шум, помеха.

Теоретики нейронета, ссылаясь на диалоги Лема, приводят пример с близнецами, у которых срослись головы. Для них это пример идеальной коммуникации. Информация передаётся из одного мозга в другой. Но если это так, тогда не нужно вообще наблюдение за наблюдателем, не нужна точка сбора информации. Все в ней участвует, но никто ни за что не отвечает. Но если информация передается непосредственно из одного мозга в другой, то что находится за её спиной. Это не сознание. А что? Это цифровая платформа. У цифровой платформы есть тот, кто ею владеет и владеет так же, как мы когда-то владели своим мозгом. Нейронет - это метафора близнецов, у которых когда-то срослись головы. Соединённые на цифровой платформе головы - это, на мой взгляд, одна голова, а не две. Это голова владельца платформы. Что это значит? Это значит, что посредством интерфейса в нашей голове мысли начинают существовать не по законам нашей головы, а по законам той головы, которая владеет цифровым соединением. Нейрокоммуникации нарушают закон, согласно которому думают в одиночестве, а живут социально, коллективно. Что значит

думать коллективно? Это значит думать по шаблону, алгоритмически. Нейрокоммуникации вводят всех нас в мир коллективного бреда и галлюцинирующего одиночества. Что делает цифровая платформа? Она в разные головы загружает одни и те же мысли. Идеологи больше не нужны, достаточно платформы. И мысли, которые загружаются в голову людей, им уже не принадлежат. Если в наших головах существуют не наши мысли, то всех нас нейрокоммуникация превращает в глупцов, в тех, кто не способен думать сам.

Передовые технологии когнитивного развития в мире числового порядка сводятся к биокоммуникациям и в системе образования. В чём их смысл? Смысл в том, чтобы люди стали учиться, если этому их не обучали. Из образования изымается понятие труда сознания. На смену ему приходит так называемый перенос знания из одного носителя на другой или из одной головы в другую голову, минуя сознание, эмоции, социальные коммуникации и всё остальное. Отношение учитель-ученик исчезают. Собственно говоря, меняется представление о школе и о ВУЗе, равно как встает вопрос о том, не умирает ли вообще тот социальный мир, который мы построили, в котором мы существуем несколько тысяч лет. Если нет отношения учитель и ученик, то главным действующим лицом начинает выступать цифровая платформа. При этом медиатором может быть компьютер, который будет моделировать все процессы, которые происходят в наших головах.

Для того чтобы оправдать перенос сознания, была придумана нейробиологическая теория сознания, в которой сознание понимается не как нечто идеальное, а как часть материального мира. Но если сознание – часть материального мира, то она должна занимать некоторое место в пространстве, как говорили ещё классические философы 18 в. и 19 в. Но пока это место не найдено, нам нужно, видимо, признать, что работа электронных мозгов вообще не нуждается в сознании. Тогда как работа человеческого мозга нуждается в нём. Почему? Потому что программа исследования мозга в США споткнулась уже на создании искусственного червя нематоды. Хотя в этом черве насчитывается всего 302 нейрона. Казалось бы, что он открыт, развернут, вывернут, и никакой тайны нет. Все сигналы зафиксированы. Но живой червь нуждается в среде, а не в искусственном роботе на колёсиках. Потому что искусственный робот на колёсиках может двигаться вперёд, назад, вбок. Этот червь, как утверждают американские ученые, делает такие движения, но у него нет среды. Ему нужна среда. Он как бы вынут, а поэтому он искусственный.

Мозг предназначен для решения алгоритмически решаемых задач. Неалгоритмизируемые задачи он передаёт сознанию. Для этого существует сознание. Больше оно ни для чего не нужно. Вот эта передача составляет отличительную черту человеческого интеллекта. Заставить компьютер думать так же, как думает человек,

невозможно. Что значит думать? Это значит передавать неалгоритмизуемые задачи сознанию. Это колоссальная проблема теоретиков нейрокоммуникации.

В западной стратегии перехода к числовому порядку существуют проблемы, связанные с фундаментальным непониманием работы сознания. Дело в том, что электронные мозги, на которые ориентируется Запад, как на то, что решит все человеческие проблемы, может решать алгоритмически решаемые задачи. Алгоритмически неразрешимые нужно передавать сознанию. Электронные мозги не имеют такой возможности. Они очень быстро считают, в миллионы раз. Человек не конкурент. Человек не счетная машина.

Поэтому в числовом порядке, контролируемом наномашинами, намечается разрыв, который невозможно преодолеть посредством технических средств. Можно отучить людей от жизни в общем мире, от коммуникации, но нельзя при помощи нейролинки, о котором только и говорит Маск, контролировать сознание. Мы очень плохо понимаем, что такое сознание. Если для того чтобы составить карту генома человека нужен был материал в виде слюны и крови, то в рамках американского проекта, видимо, уже поняли, что нет такой слюны для картографирования мозга.

Для того чтобы распознавать лица, думать вообще не надо. Работа умных вещей, распознавание голоса, шахматы, движение машины без водителя, все эти дроны – всё это алгоритмически решаемые задачи, которые совершенно не нуждается в сознании по определению. Сознание, в свою очередь, говорит даже не посредством каждого человека. Мозг - инструмент управления тем, что есть, телом человека. Сознание - инструмент говорения посредством языка о том, чего нет. Поэтому человеческий язык говорит не о том, что есть, а о том, что видится человеку. Слова создаются не для информации, не для обозначения вещей, а для различения образов галлюцинаций. Язык создан также не для передачи информации о том, что есть. Поэтому-то он мешает. Поэтому-то язык и относят к шуму, к тому, что неуклюже, неловко, не так быстро, как работают вычисления в электронных мозгах. Для чего создан тогда язык? Для связи с тем, чего нет, но видится человеку.

Что такое образ? Образ – это не изображение того, что существует в пространстве. Это не информация о вещах. Образ – это то, что видится в призывающем отсутствии воображаемого. Этот оборот, если вы обратили внимание на конструкцию, хайдеггеровский. Призывающее отсутствие воображаемого – образ того, что зовёт, а не информирует. Зовёт, вовлекает в действие, а не сообщает какую-то информацию.

Изображение - это как иллюстрация к тексту. Образ в отличие от изображения является тем способом, которым человек воздействует на самого себя во времени.

Никто, никакой нейромедиатор, интерфейс, электронные мозги не могут воздействовать на себя во времени. Для них нет времени. Время есть только для органики, только для человека. Время создает человек. Не будет человека - не будет времени. Если нет образов, есть они нам мешают, то нет и действия во времени, нет времени. Есть только движение в пространстве.

Лекция № 13

Люди – не термиты. Странные объекты. Смена лидера. Что мешает переделке. О неравенстве. Панголины. Паноптикум Бентама. Око власти. Поручение. Торжество. Новый числовой порядок. Письмо экономистов. Сколько стоит человек. Резюме.

Что обнаружила пандемия коронавируса? То, что цивилизационная пленка человека оказывается очень тонкой, и она легко протыкается пандемией. Что за этой плёнкой? Ничего. Пустота. За ней не оказалось того, что достигается трудной работой человека быть человеком. Мы, когда нас оставили наедине с собой, не знаем, что нам делать с собой. Мы растеряны, и это пребывание в недоумении вновь заставляет нас поставить вопрос: что такое культура? Неужели культура – это просто привычка? Что такое общество? Это бюрократия? Это всё заставляет поставить вопрос: а не является человек принципиально асоциальным существом?

Люди – не термиты

Люди – не термиты. Несомненно одно: общество – это всё-таки не организм. Если бы общество было организмом, то его могли бы инфицировать вирусы. Но общество не чихает, у него не бывает простуды. Общество возникает не на пересечении линий человека и природы. Если бы оно возникло, то тогда Маск был бы прав и шёл в верном направлении, но это не так. Человек возникает не на этом пересечении. Если бы он пересекал, то было бы непонятно, чем одно отличается от другого. Тогда бы социальное непременно включало бы в себя и нечеловеческое. И тогда идеалом приспособления человека к обществу были бы, как говорил русский биолог Н.Кольцов, муравьи или термиты. Любое общество мечтает людей превратить в термиты, а люди сопротивляются. Мы не термиты.

Но общество – это и не некоторое множество людей, но не потому, что оно включает в себя домашних животных и птиц, то есть актантов, не имеющих человеческой формы. А потому, что общество возникает на пересечении того, что существует, с тем, что не существует. Что существует? Природа. Что не существует? Призраки, галлюцинации и странные объекты. В чем их странность? В том, что их нет, но к ним относятся как к тому, что есть.

Что же такое общество? То, что подчиняет существующее несуществующему. Общество – это некоторое множество связанных между собой институционализированных галлюцинаций. Что такое галлюцинация? Это человеческое в человеке, то, чего нет, но что дано. А что такое тело человека? Это нечеловеческое в человеке. Только своё тело мы чувствуем, а не своё – мы не чувствуем. В обществе то, что существует, должно соответствовать тому, что дано. Странных объектов нет в природе, но они есть в любом обществе. Вирус существует в живой клетке. Странные объекты, как вирусы, существуют в обществе. В нечеловеческом обществе призраки не существуют. Что показала пандемия? Что наши социальные институты – это не институты, а согласованные галлюцинации. Что наши ценности – это не ценности, а призраки, общественно необходимые иллюзии. Мысль о том, что люди меняются, а институты остаются, является опасным заблуждением. Человек не меняется, меняются галлюцинации, то есть институты.

Странные объекты

Игнорирование странных объектов, на мой взгляд, погубило социологию и социальные науки. Чтобы их спасти, Бруно Латур придумал акторно-сетевую теорию. Но эта теория оказалась бесполезной. Почему? По двум причинам. Во-первых, в ней странность объектов была понята как нечеловеческая форма, то есть как природа. Во-

вторых, социология социального отражала пик, вершину в развитии Запада. Но этот пик был пройден, и социальные науки ушли в прошлое. Теперь они никому не нужны. Как вы поняли из прошлого занятия, и Маск, и Бил Гейтс говорят, что теперь не нужны общество, социальная коммуникация, школа, ВУЗы. Всё нужно делать на другой основе. На основе биокommunikации. Все это Латур понял ещё до всякого коронавируса. Что он понял? Что социальные науки – это не науки, а символ превосходства Запада над Востоком. Но Восток вдруг приобрел силу, и эта сила обессилила силу Запада. Что делать в этой ситуации? На этот вопрос у интеллектуалов Запада существуют разные ответы.

Бадью ругает китайскую антисанитарию. Нанси помогает Агамбену понять, чем коронавирус отличается от обычного гриппа. Агамбен, в свою очередь, вспоминает средневековую чуму и не одобряет решительное действие властей Италии, полагая, что это тоталитарное действие сеет только панику. Жижек говорит о пандемии, которая всех нас толкает к коммунизму. Латур, начитавшись Пастера, считает, что после коронавируса везде будут санитайзеры. Я, говорит социолог из Франции, сыт по горло таким положением вещей, при которых оказываюсь заперт в языке. *«Я хочу, - пишет Латур, - получить доступ к самим вещам, а не только к тому, как они нам являются».* Ему надоела социология, которая сконструирована вокруг одного социального. Латур жаждал прихода второй половины социального: природного. Мы ждём, говорит Мейясу, когда вернется Великое внешнее. И они дождались. Коронавирус вернул им Великое внешнее. Он дал им возможность доступа к вещам самим по себе. И многие поняли, что только смерть может вернуть человека из мира воображаемого в мир природы. Но Латур понял ещё и другое. *«Осознав внезапное новое ослабление старого Запада и стараясь понять, как ему подальше продержаться в будущем и сохранить место под солнцем, мы, - пишет Латур, - должны установить такие связи с другими, которые, вероятно, не удержатся в коллекторах «природа-общество». Или, пользуясь еще одним неоднозначным термином, нам, возможно, придется включиться в космополитику».* Что хочет Латур в «Пересборке социального»? Он хочет сохранить лидирующее место Запада. Для этого он предлагает зачеркнуть, отказаться от странной оппозиции природа-общество. Так Латур включился в геополитику, заставляя человека обмениваться свойствами с нечеловеческим.

Смена лидера

В вопросе о коронавирусе важен не вирус, а реакция на него политико-интеллектуальной элиты. Коронавирус показал нам изъяны всех существующих систем

здравоохранения. Это значит, что показал изъяны всех социальных систем как демократических, так и не демократических, как либеральных, так и нелиберальных.

Коронавирус, или пандемия, сама того не ведая, стала символом завершения одной цивилизации и начала другой. Мир вступил в ситуацию с коронавирусом во главе с Америкой, а выходит из неё во главе с Китаем. А весь остальной мир и Россия – между ними, между Америкой и Китаем, не понимая, что делать, куда податься, к кому прислониться. Может быть, вы видели парад в Минске на 9 мая у Лукашенко. Как к этому относиться? Спокойно. Белоруссия знает, куда бежать, с кем объединяться.

Чем наш руководитель отличается от Лукашенко? Тем, что Лукашенко за социализм. Поэтому он с радостью может объединиться с Китаем, но не с Россией. Почему? Потому что Путин за капитализм. Его сердце принадлежит Америке, Западу. А Запад проиграл сражение с пандемией. На кону стоит вопрос о существовании Европейского союза, союза Европы и Америки. И политический союз Путину приходится строить с идеологически чуждым ему Китаем. В этом состоит драматизм положения России в мировой политике. Между тем, технологический разрыв между Россией и Китаем непреодолим. У нас еду пенсионерам на карантине, как в каменном веке, разносят волонтеры, в Китае – роботы. У нас электронные пропуска в метро проверяют полицейские, у них руководят потоками дроны.

Итак, за несколько месяцев нашего карантина произошла смена мирового лидера, и с этим теперь нужно считаться всем политикам и философам. Считаться с чем? С тем, что великая страна не может воровать маски и аппараты ИВЛ, которые производит её конкурент. Америка уходит. Приходит Китай. В чем разница между ними? США стояли во главе мира, в основе которого лежит спекуляция и свобода. Китай возглавил мир, в основе которого лежит число и необходимость. В основе западного мира лежал миф о бытии, в основе нового числового мира лежит миф о судьбе. Бытие можно было обмануть. Судьбу обмануть нельзя.

Что мешает переделке?

У каждого человека есть свой мир. Этот мир внутренний. Он-то и мешает переделке. Что нужно сделать? Не от языка избавиться. От языка пытается избавиться Запад. В Китае говорят, что нужно избавиться от внутреннего мира. И для общества было бы лучше всего от него избавиться. Но это невозможно. И обществу с этим нужно смириться. Никакое всеобщее око этому не поможет. О внутреннем нельзя судить по внешнему миру. В своем мире можно думать, но в нем нельзя жить. Живут в общем для всех мире. Этот общий для всех мир называют обществом. Для чего нужно общество? Для того чтобы сохранить внутренний мир людей. То есть общество нужно человеку не

для экономической эффективности внешней жизни, а для создания условий для религиозной, художественной и философской жизни. То есть Богу богово, кесарю кесарево. Если не будет внутренней жизни в общине, то не будет оснований и для существования общества. Какая необходимость назрела сегодня? Я думаю, в идее общины. Трансформация современного общества обязательно должна вернуться к идее общины.

О неравенстве

Все люди по своей природе неравны. Наша природа – это грёзы. У каждого человека свой путь из мира грёз в общий для всех мир. Человек непрозрачен для любого общества. Нет такой социальной точки, из которой бы просматривалось воображаемое человека. Поэтому очевидно, что равным полагается равное, а неравным – неравное. Таков путь справедливости, которая превыше любого права. Что говорит система социального доверия? *«Оправдавшие доверие пользовались бы всеми благами, не оправдавшие не могли сделать ни шагу»*. А это значит, что послушным - благо, а непослушным – остракизм. Послушных система ведёт, а непослушных тащит.

Панголины

С чего началась пандемия? С того, что чиновники не позволили врачам назвать вещи свои именами: наличие в Ухане массового заражения коронавирусом. Чиновники оказались вне системы социального доверия. Значит, их нужно вернуть туда, где они должны быть. Где началось путешествие коронавируса? На рынке, где животные продаются на мясо живыми. На рынке встречаются разные популяции. Летучие мыши, говорят вирусологи, резервуар для коронавируса. Они выделяют его с мочой, слюной и фекалиями. Промежуточным хозяином нового коронавируса стали панголины, зверьки из красной книги. Мясо этих зверьков очень ценится. Они ловятся нелегально где-то в Африке и попадают на рынок в Ухане. Килограмм мяса, как говорят знатоки криминального рынка, стоит 300-400\$. Началась ли пандемия с того, что кто-то съел летучую мышь, или с того, что кто-то съел мясо панголина, знает, наверное, только «Алибаба». Почему? Потому что она контролирует торговлю через интернет и знает о китайцах очень много. Система социального доверия запретила китайцам после пандемии коронавируса есть летучих мышей, собак, кошек и других животных.

Система социального доверия – это 600 миллионов камер, наблюдающих за гражданами Китая, электронные идентификаторы с 18-разрядным кодом у каждого гражданина, интегральные центры обработки информации по технологии big data. Системе социального доверия достаточно трех секунд для распознавания образа. Что

это значит? Это значит, что чем лучше общество, тем в нём меньше общества. Чем лучше человек, тем хуже общество. Небо, как говорят в Китае, видит всё. Оно видит, кто купил летучую мышь, кто продал её, и кто её съел. Проблема состоит в том, что небо видит всё, что открыто. Может ли система социального доверия увидеть то, что скрыто? Можно ли по внешнему судить о внутреннем? Не является ли общество вообще тюрьмой для человека?

Паноптикум Бентама

В XVIII веке не было ни умных домов, ни умных вещей, соединенных через интернет с сервером своей компании. Никто лучше тебя не знал, как ты относишься к своему здоровью, к детям, к родине. Человек был закрыт для постороннего взгляда. Как его можно было раскрыть, придумал Бентам, который считал, что общество и есть тюрьма для человека.

Екатерина II подарила Потемкину усадьбу в Могилёвской губернии. Её управляющим стал англичанин С. Бентам, который понял, что лучше всего руководить людьми, когда они не знают, наблюдают за ними или нет. Наблюдающий всех видит, а его никто не видит. Поэтому он даже может не наблюдать за работниками, ибо они все равно будут думать, что за ними наблюдают. Об этом Бентам рассказал своему брату И. Бентаму, который позднее написал книгу «Паноптикум». Он поучал французов, как жить правильно, чтобы у них не было революции. В чём состоит идея этой книги? В том, что человек, как пластилин, из которого общество может лепить, что угодно. Что это значит? Это значит, что неважно, добр человек сам по себе или не добр. Важно его заставить делать вид, что он добрый. А после этого обществу будет все равно, добр он на самом деле или нет. Общество нужно устроить так, чтобы оно и недобродетельного человека заставляло делать добро. Важен не человек, а место, которое он занимает. Маркс назвал Бентама «гением буржуазной глупости». Почему глупости? Потому что Бентам не понял, что в экономические отношения включается и сознание этих отношений. Но в какие отношения включается сознание, наблюдающее за этим сознанием, Маркс, к сожалению, не сказал.

Око власти

Общество, в котором люди действуют посредством свободы, не может быть прозрачным. Бентам пытался общество превратить в тюрьму. Фуко хотел тюрьму превратить в общество. Что это значит? Это значит, что власть сегодня не приурочена к какому-либо лицу. Она отделена от индивида. Власть – это всегда группа, сообщество. В сообществе наблюдают друг за другом и делятся на множество более мелких сообществ. Никто никому не доверяет. Все пишут доносы друг на друга. У машинерии

власти нет владельца. В ней есть места, которые могут быть решающими. Фуко в работе «Око власти» описывает анонимную работу машинерии власти при помощи состояния сознаваемой видимости. Сознаваемая видимость основана на анонимности действия власти. На то у человека и сознание, чтобы власть действовала анонимно, безлико. Не нужно никакого внешнего наблюдения, каждый наблюдает за всеми, а все – за каждым. Для системы социального доверия в Китае вполне подходит машинерия власти, замеченная Фуко. Она способна, как в «Приглашении на казнь» Набокова, подружить жертву и палача.

Поручение

В повести Дюрренмата «Поручение, или о наблюдении за наблюдающим за наблюдателями» описывается существование рефлексивной системы. Сознание, которое не осознает своего отличия от мира, не перестает быть сознанием. Сознание без восприятия отличного от себя мира перестает быть сознанием, перестает относиться к миру, ибо оно и не было сознанием.

Повесть Дюрренмата состоит из 24 предложений. В 5-ом предложении высказывается мысль о том, что человек нуждается в наблюдении. У Канта человек нуждался в господине, а у Дюрренмата человек нуждается в наблюдении. Они, говорит логик, герой повести, наблюдают за мной в бинокль, я за ними - в телескоп. Заметив телескоп, они убирают бинокли. Дух системы социального контроля выражается формулой Дюрренмата: *«каждый чувствует, что наблюдаем каждым, и сам наблюдает за каждым»*. Если за тобой не наблюдают, то ты никто и у тебя нет имени. Если за тобой наблюдают, то ты в значимой иерархии, у тебя есть статус.

Человек, говорит Дюрренмат, наблюдает за природой. Природа защищает себя от наблюдения новыми вирусами. В 20 предложении повести утверждается, что Бог, подвергающийся наблюдению, уже не Бог. Свобода Бога выражается в его скрытости.

Торжество

Система социального контроля победила пандемию быстро и четко. Ухань взорвался салютами и фейерверками. Социализм с китайской спецификой торжествовал, поставляя лекарство и медицинские аппараты в страны когда-то передового Запада. Только бывшая столица спекулятивного капитализма Нью-Йорк была всё ещё некоторое время завалена трупами и задыхалась от пандемии нового коронавируса. Лидер нового числового мира готовил самолеты с бригадами медицинской помощи для уставшего Трампа. Запад готовил Китаю информационную войну.

Новый числовой порядок

Когда говорят, что человеческая жизнь бесценна, то имеют в виду, что она от Бога. Что значит от Бога? Это значит, что нет в природе причин для того, чтобы человек был, а он есть. Что есть? Есть его грезы. Человек – это видения, то, что ни природа, ни экономика не делают. Экономика – это внешняя жизнь человека. Люди живут внутренней жизнью. Внутреннее – это не то, что внутри материального. У материи нет внутреннего. У нее есть только поверхность. Материю нельзя вывернуть. Её можно только свернуть. И тогда внутри нее появится пустота. Внутреннее существует без присутствия, без локализации в качестве наличного. Внутреннее существует у того, кто относится к себе. Относиться к себе – значит грезить.

Что выявила пандемия? Что внешняя жизнь безмерно расширилась, а внутренняя жалко сузилась. Что люди пусты. Они боятся одиночества. Им не о чем говорить с собой. Привычка нам заменяет нашу самость. Мы забыли, что молчание – это адекватный способ существования человека. Радикальное изменение цивилизации узнается по изменению повседневности. И это изменение произошло. Посредством коронавируса мы вошли в новый числовой порядок. Что это за порядок? Внешняя жизнь – для роботов, внутренняя жизнь – для человека. Экономика эффективна, если она дает возможность заниматься собой максимальному числу людей.

Университеты уже ушли в интернет, в виртуальную реальность. Теперь это место бесконтактного общения преподавателей и студентов. Непосредственный контакт студентов и преподавателей возможен в дальнейшем посредством конкурса между студентами. При этом решающее слово при отборе студентов должно быть не у администрации, а у преподавателя. Учителя и ученики остаются в реальности школы. Школа – заповедник реальности. В ней учитель и педагог совпадают в одном лице. Очевидно, что здравоохранение должно получить полное финансирование. Врачам – зарплату телеведущих, телеведущим – зарплату врачей и систему социального доверия. Учёным - зарплату футболистов, спортсменам – среднюю по стране. Сотрудники офисов должны остаться там, где они сейчас находятся, – дома, в удалении от места работы. Работа в офисах - алгоритмам, а не человеку.

Письмо экономистов

Константин Сонин опубликовал письмо экономистов правительству России. Что в этом письме? Всё то же, что в голове у всех образованных обывателей России: власти должны были после Уханя немедленно ввести жёсткий карантин, не жалеть деньги на поддержку экономики, медицинских работников, пенсионеров и безработных. Ввести полное бесплатное тестирование и научиться разговаривать с обществом. Мало

найдется в России людей, которые бы не поддержали это письмо русских иностранцев. Но есть ещё одна сторона дела, которая, возможно, не видна экономистам.

Экономисты справедливо выступают против нерабочей недели страны. Они за жёсткий карантин. Но почему правительство вместо жёсткого карантина в стране ввело нерабочую неделю, они не объясняют. Объясним. Во-первых, потому что в стране нет никакой экономики. Экономика есть в Китае, а у нас нефтяные и газовые трубы. У нас нет рабочих и крестьян, у нас есть офисный планктон и класс тех, кто что-то покупает и продает, и ещё сфера услуг. Раз нет экономики, то нечему падать и поэтому, видимо, можно всех перевести на нерабочую неделю. Но тогда всем надо раздать деньги.

Во-вторых, вирус появился в Ухане. До России его надо было еще довести. Кто его доведет? Не упаковки с китайскими товарами. К нам он добрался не только из Китая, но и из многих других стран – Италии, Испании, Германии, Франции, Америки, Англии. Что нужно было делать? Прекратить международное сообщение. Всех, кто был мобилен, нарушая закон, необходимо было отправлять под жёсткий карантин. Под охрану нацгвардейцев. Но ограничить движение – это в нашей стране значит ограничить движение правящего класса страны, миллионов России. Но не для того они зарабатывали свои миллионы, чтобы кто-то ограничивал их передвижение. Им деньги руки жгут. Они выезжают и въезжают, когда хотят и куда хотят. Они – хозяева жизни. У них автомобили, самолеты, пароходы, лайнеры и поезда. Они едят мясо панголинов.

В-третьих, что мы можем реформировать, если у нас нет экономики? Конечно, систему образования и систему здравоохранения. Эти системы реформируются уже 20 лет. Сколько у нас появилось миллионеров в результате всех этих реформ? Их так много, что трудно сосчитать. Что интересует народ? Больничные койки. Но стационар – это дорого, а амбулаторное лечение дешево. Значит, что нужно сделать? То же, что и на Западе. Заменить стационарное лечение амбулаторным. С 2000 по 2016 год количество больниц в стране у нас сократилось в два раза до 5400. Количество больничных коек уменьшилось на 500 тысяч до 1 млн 200 тыс. Профессия санитары вообще перестала существовать. Количество коек инфекционного типа по сравнению с СССР уменьшилось в 2,4 раза до 60 тыс. в 2019 году. А количество чиновников? В царской России было 400000 чиновников. В СССР было 1 млн 700 тыс. чиновников, 73 человека на 10000. Сегодня в России – 102 чиновника на 10000. При этом реформы бюрократии финансируются из бюджета.

Реформы здравоохранения и образования не финансировались из бюджета. Они не выходили за пределы ведомственных ресурсов. На этом фоне силовые структуры имеют потрясающую численность в 4,5 миллиона человек. Что все это значит? Это

значит, что общество потеряло свой изначальный смысл. Все чиновники и госкомпании подлежат контролю со стороны «системы социального контроля», включая всех высших чиновников. Сама эта «система социального доверия» должна быть утверждена как конституционный закон всеобщим голосованием.

Сколько стоит человек

Профессор Гуриев – математик и экономист. Он считает, что человек – это особый товар, особое существо. В Америке он стоит дороже, а в Китае или России дешевле. В Америке один человек стоит 14,5 млн. долларов, в России – около 6 млн. рублей. Почему? Потому что Америка богаче. Если она станет беднее, то и человек в ней станет дешевле. Дешевле всех пенсионеры, они стоят на 37% меньше, чем молодые. Поэтому беречь надо молодых.

Пандемия – это экзамен для любого общества. Что такое пандемия для экономиста? Это подсчёт: сколько денег экономика потеряет в результате эпидемии и сколько она получит, вылечив людей. То, что не понимают экономисты, понимал Бентам. Что он понимал? То, что общество должно знать, сколько ему нужно школ, тюрем, фабрик, больниц, аппаратов искусственной вентиляции, моргов для счастливой и здоровой жизни. Если оно это не знает, то оно не нужно. Его можно выбросить на свалку.

Коронавирус – это зачёт для бюрократии, лелеемой Вебером. Бюрократия – это власть и её организации. Ни одна бюрократия цивилизованного мира не сдала зачёт по коронавирусу. Рациональное мышление чиновников провалилось. Не сдала его и русская бюрократия. Вот пример: приказ Минздрава №1067 от 20. 12. 2019 «О внесении изменений в порядок оказания медицинской помощи по профилю «гериатрия», подписанный некоей Хоровой Н.А. Его суть – отказать людям старше 60 лет в высокотехнологичной медицинской помощи. То есть отказать в аппаратах искусственной вентиляции лёгких. Так бюрократия готовилась к коронавирусу в России.

Резюме

После пандемии следующие принципы наблюдения за наблюдателями должны стать незыблемыми: меняться должны не люди, а институты. Бюрократии – алгоритм, народу – общину. Чиновникам – «систему социального доверия», народу – мораль. Богатым – налоги, труженикам – хозяйство. Числу – равенство, человеку – природное неравенство. Массе – социальные перегородки, элите – самоограничение и

дисциплинированный энтузиазм. Справедливость – благо, которое выше любого права.
Не человек для общества, а общество для человека

ФИЛОСОФСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ
МГУ ИМЕНИ
М.В. ЛОМОНОСОВА

teach-in
ЛЕКЦИИ УЧЕНЫХ МГУ